

Конан-Дойль Артур

Романтические рассказы

Артур Конан-Дойл

Романтические рассказы

Содержание:

Как синьор Ламберт покинул сцену

Пробел в жизни Джона Хёксфорда

Ссора

Наши ставки на дерби

Тайна черного чемодана

Тайна Колверли-Корта

Как синьор Ламберт покинул сцену

I

Сэр Вильям Спартер был человеком, которому достаточно было четверти века времени, чтобы превратиться из простого подмастерья морских доков Плимута с жалованьем в 24 шиллинга в неделю во владельца собственного дока и целой флотилии судов.

Любопытным и по сие время показывают еще домик в Лэк-Роде в Лэдпорте, в котором сэр Вильям, будучи еще простым рабочим, изобрел котел, который получил его имя.

Теперь в пятидесятилетнем возрасте он обладает резиденцией в Лейнстерских Садах, деревенской усадьбой в Тэплоу, охотой в графстве Аргайльском, отличным погребом и самой красивой женщиной во всем городе.

Неутомимый, непоколебимый, точно любая из построенных им машин, он посвятил всю свою жизнь одной цели - приобретению всего, что имеется лучшего на земле.

Обладатель квадратного черепа, могучих плеч, массивной фигуры, глубоко посаженных медлительных глаз, он казался олицетворением энергии и упорства.

За всю его карьеру последняя не была омрачена ни малейшей неудачей публичного характера.

И, несмотря на это, он споткнулся все-таки на одном пункте, и на самом чувствительном из всех.

Ему не удалось завоевать себе чувства своей жены.

Когда он женился на ней, она была дочерью хирурга и первой красавицей одного из городов севера.

Уж и в это время он был богат и влиятелен, и это-то обстоятельство заставило его забыть двадцатилетнюю разницу между собой и молодой девушкой.

Но с того времени он ушел далеко-далеко вперед.

Грандиозное предприятие в Бразилии, превращение всей своей фирмы в акционерное общество, получение титула баронета - все это произошло уже после свадьбы.

Он мог внушать страх своей жене, терроризировать ее, возбуждать удивление своей энергией, уважение перед упорством, но не мог заставить ее любить себя.

И не то, чтобы он не добивался этого.

С неутомимым терпением, бывшим главной его силой в делах, он пытался в течение нескольких лет добиться ее взаимности.

Но именно те качества, которые были так полезны ему в общественной жизни, делали его невыносимым человеком в частной.

Ему не хватало тактичности, искусства приобрести симпатию. Подчас он оказывался вовсе

грубым и вовсе не умел найти тонких оттенков в поступках и речи, которые ценятся большей частью женщин куда выше всех материальных выгод.

Чек в сто фунтов стерлингов, переброшенный через стол за завтраком, в глазах женщины не стоит пяти шиллингов, когда последние свидетельствуют о том, что давший их потрудился, чтобы добыть их ради "нее".

Спартер сделал ошибку - он никогда не думал об этом.

Постоянно погруженный мыслями в свои дела, вечно думая о доках, верфях, он не имел времени для тонкостей и возмещал их недостаток периодической щедростью в деньгах.

Через пять лет он понял, что скорее еще больше потерял, нежели выиграл в сердце своей дамы.

И вот ощущение разочарования разбудило в нем самые скверные стороны его души. Он начал чувствовать приближение опасности.

Но увидел и убедился он в ней лишь тогда, когда получил в свои руки, благодаря предателю-слуге, письмо своей жены, из которого он убедился, что она, несмотря на свою холодность к нему, питает достаточно сильную страсть к другому.

С этого момента его дом, крейсера, патенты не занимали больше его мыслей, и он посвятил всю свою огромную энергию на гибель того человека, которого возненавидел всей душой.

II

В этот вечер за обедом он был холоден и молчалив. Жена его дивилась, что бы такое могло стрястись, что произвело в нем такую перемену.

Он не произнес ни слова за все то время, что они провели в салоне за кофе.

Она бросила на него два-три взгляда; они были встречены в упор глубоко посаженными серыми глазами, направленными на нее с каким-то особенным, совершенно необычным выражением.

Ее мысли были заняты каким-то посторонним предметом, но мало-помалу молчание ее мужа и это упорное каменное выражение его лица обратили на себя ее внимание.

- Не могу ли я что-нибудь для вас сделать, Вильям? Что случилось? спросила она. - Надеюсь, никаких неприятностей?

Он не ответил.

Он сидел, откинувшись на спинку кресла, наблюдая эту женщину редкой красоты, которая начала бледнеть, чувствуя неминуемую катастрофу.

- Не могу ли я что-нибудь для вас сделать, Вильям?

- Да, написать одно письмо.

- Какое письмо?

- Сейчас скажу.

Комната снова погрузилась в мертвую тишину.

Но вот раздались тихие шаги метрдотеля Петерсона и звук его ключа, повернувшегося в скважине; он по обыкновению запирает все двери.

Сэр Вильям минуту прислушивался.

Затем он встал.

- Пройдите в мой кабинет, - сказал он.

III

В кабинете было темно, но он повернул кнопку электрической лампы под зеленым абажуром, стоявшей на письменном столе.

- Сядьте к этому столу.

Он закрыл дверь и сел рядом с ней.

- Я хотел только сказать вам, Джеки, что мне все известно относительно Ламберта.

Она раскрыла рот, вздрогнула, отодвинулась от него и протянула руки, точно ожидая удара.

- Да, я знаю все, - повторил он.

Тон его был совершенно спокоен. В нем звучала такая уверенность, что она не имела сил отрицать справедливость его слов.

Она не ответила и сидела молча, не сводя глаз с серьезной массивной фигуры мужа.

На камине шумно тикали большие часы; если не считать этого звука, в доме царило абсолютное молчание.

До этого момента она не слышала этого тиканья; теперь звуки его казались ей рядом ударов молота, вколачивающего гвоздь в ее голову.

Он встал и положил перед ней лист бумаги.

Затем он вынул из кармана другой лист и разложил его на углу стола.

- Это черновик того письма, которое я попрошу вас написать, - сказал он. - Если угодно, я прочитаю его вам:

"Дорогой, милый Сесиль, я буду в № 29 в половине седьмого; для меня крайне важно, чтобы вы пришли прежде, чем уедете в оперу. Будьте непременно - у меня есть серьезные причины, в силу которых мне необходимо видеть вас. Всегда ваша Джеки."

- Возьмите перо и перепишите это письмо, - закончил он.

- Вильям, вы задумали мщение. О, Вильям, я оскорбила вас, я в отчаянии, и...

- Перепишите это письмо.

- Что вы хотите сделать? Почему вы хотите, чтобы он пришел в этот час?

- Перепишите это письмо.

- Как можете вы быть так жестоки, Вильям? Вы отлично знаете...

- Перепишите это письмо.

- Я начинаю ненавидеть вас, Вильям. Я начинаю думать, что вышла замуж за демона, а не за человека.

- Перепишите это письмо.

Мало-помалу железная воля и безжалостная решимость оказали свое могучее влияние на это создание, сотканное из нервов и капризов.

С видимым усилием, против воли, она взяла в руки перо.

- Вы не думаете причинить ему зло, Вильям?

- Перепишите это письмо.

- Пообещайте мне простить его, если я напишу?

- Перепишите это письмо.

Она взглянула ему прямо в глаза, но не выдержала его взора.

Она походила на полузагипнотизированное животное, которое хоть и упирается, но повинует.

- Ну вот, теперь вы довольны?

Он взял письмо, которое она подала ему, и вложил его в конверт.

- Теперь адрес.

Она написала:

"Сесилию Ламберту, 133 bis, Хаф-Авон стрит". Почерк был неправилен, лихорадочен.

Муж холодно приложил пропускную бумагу и бережно спрятал письмо в портфель.

- Надеюсь, что теперь вы довольны? - с худо скрытой растерянностью спросила она.

- Вполне. Можете вернуться к себе. Миссис Макей получила от меня приказание провести ночь в вашей спальне и наблюдать, чтобы вы не отправили какого-либо письма.

- Миссис Макей! Вы намерены подвергнуть меня унижению нахождения под надзором моей собственной прислуги?

- Идите к себе.

- И вы воображаете, что я подчинюсь приказаниям горничной?

- Идите к себе.

- О, Вильям, кто мог бы подумать в то незабвенное время, что вы станете обходиться со мной так? Если бы мол мать подумала бы...

Он взял ее за руку и подвел к двери.

- Идите к себе в комнату, - сказал он.

И она очутилась в слабо освещенном вестибюле.

IV

Вильям Спартер закрыл за ней дверь и вернулся к письменному столу.

Он вынул из ящика две вещи, купленные в тот же день.

Это был номер журнала и книга.

Журнал был последним выпуском "Музыкального Вестника", содержащим в себе биографию и портрет знаменитого синьора Ламберта, чудесного тенора, очаровавшего своим голосом публику и приведшего в отчаяние конкурентов.

Портрет изображал мужчину с открытым лицом, довольного самим собой, своей красотой и молодостью, и обладавшего большими глазами, вздернутыми кверху усами и бычачьей шеей.

В биографии сообщалось, что ему было всего 27 лет, что карьера его была сплошным триумфом, что он всецело посвятил себя искусству, и что его голос приносил ему, по самому скромному подсчету, 20.000 фунтов в год.

Вильям Спартер внимательно прочел все это, сильно сдвигая свои густые брови, так что между ними легла глубокая складка, похожая на рану.

Она появлялась на его лбу всегда, когда он сосредоточивал на чем-либо все свое внимание.

Наконец он сложил журнал и открыл книгу.

Это было сочинение, мало подходящее для легкого чтения; то был технический трактат об органах речи и пения.

В нем имелась масса раскрашенных рисунков, которым он уделил особенное внимание.

Большинство из них изображало внутреннее строение гортани и голосовых связок, блиставших серебристым оттенком среди красноты зева.

Сэр Вильям Спартер провел, сдвинув свои энергические брови, большую часть ночи над рассматриванием этих иллюстраций.

Кроме того, он читал и перечитывал пояснительный текст к ним.

Доктор Менфольд Ормонд, знаменитый специалист по болезням горла и дыхательных путей, был сильно удивлен на следующее утро, когда лакей подал ему в его приемный кабинет карточку сэра Вильяма Спартера.

Несколько дней назад он встретился с ним вечером на обеде у лорда Мальвина и вынес о Спартере из этой встречи впечатление как о человеке редкой физической силы и здоровья.

Он вспомнил это впечатление, когда в кабинет ввели знаменитого судовладельца.

- Рад снова видеть вас, сэр Вильям, - сказал известный специалист. Надеюсь, что вы вполне здоровы?

- О да, благодарю вас.

Сэр Вильям уселся на стул, указанный ему доктором, и спокойно оглядывал комнату.

Доктор Ормонд с некоторым любопытством следил за ним глазами, потому что у его посетителя был такой вид, точно он ищет что-то, что ожидает найти.

- Нет, - произнес, наконец, последний, - я пришел не ради здоровья, я пришел за справкой.

- Я вполне к вашим услугам.

- В последнее время я занялся изучением горла. Я читал трактат на эту тему Мак-Интайра. Полагаю, что этот труд заслуживает одобрения?

- Он элементарен, но составлен добросовестно.

- Я думал, что у вас должна иметься модель горла.

Доктор вместо ответа открыл крышку желтой полированной коробки.

В ней заключалась полная модель органов человеческого голоса.

- Вы, как видите, не ошиблись.

- Хорошая работа, - сказал Спартер, вглядываясь в модель опытным взором инженера. - Скажите, пожалуйста, это вот гортань?

- Совершенно верно; а вот голосовые связки.

- А что было бы, если бы вы их перерезали?

- Что перерезал?

- А эту штучку... эти голосовые связки.

- Но их невозможно перерезать. Такая несчастная случайность невозможна.

- Ну, а если бы она все-таки случилась?

- Такие случаи неизвестны, но, конечно, особа, с которой случится такой инцидент, онемевает, по крайней мере на некоторое время.

- У вас большая практика среди певцов.

- Огромная.

- Я полагаю, вы согласны с мнением Мак-Интайра, что красота голоса зависит отчасти от связок.

- Высота звука зависит от легких, но чистота ноты связана со степенью господства, приобретенного певцом над своими голосовыми связками.

- Значит, стоит только надрезать связки, и голос будет испорчен?

- У профессионального певца - наверное; но мне кажется, что ваши справки принимают не совсем обычное направление.

- Да, - согласился сэр Вильям, беря шляпу и кладя на угол стола золотую монету. - Они как будто не подходят к избитым дорожкам - не правда ли?

VI

Вурбуртон-стрит принадлежит к тому клубку улиц, которые соединяют Челси с Кенсингтоном; она замечательна огромным количеством помещающихся на ней ателье артистов.

Знаменитый тенор, синьор Ламберт, снял себе квартиру именно на этой улице, и на ней часто можно было видеть его зеленый "брухам".

Когда сэр Вильям, закутанный в плащ, с небольшим саквояжем в руке, повернул за угол улицы, он увидел фонари "брухама" и понял, что его соперник уже на месте.

Он миновал "брухам" и пошел по аллее, в конце которой сверкал огонь газового фонаря.

Дверь была открыта и выходила в огромный вестибюль, выложенный ковром, на котором была масса следов грязных ног.

Сэр Вильям приостановился, но все было тихо, темно, за исключением одной двери, из-за которой лился в щель поток света.

Он открыл эту дверь и вошел.

Затем он запер ее на ключ изнутри, а ключ сунул в карман.

Комната была огромная, с более чем скромной обстановкой, освещена она была керосиновой лампой, стоявшей на столе в центре комнаты.

В дальнем конце ее сидевший на стуле человек вдруг поднялся на ноги с радостным восклицанием, перешедшим в крик удивления, за которым последовало ругательство.

- Что за дьявольщина? Зачем вы заперли эту дверь? Откройте ее, сэр, да поскорее.

Сэр Вильям даже не ответил.

Он подошел к столу, открыл свой саквояж и вынул из него целую кучу вещей: зеленую бутылочку, стальную полосу для разжимания челюстей, какие употребляют дантисты, пульверизатор и ножницы странной формы.

Синьор Ламберт глядел на него остолбеневшими глазами, точно парализованный гневом и удивлением.

- Кто вы такой, черт возьми? Чего вам нужно?

Сэр Вильям снял плащ, положил его на спинку стула и впервые поднял глаза на певца.

Последний был выше его, но гораздо худощавее и слабее.

Инженер, несмотря на невысокий рост, обладал геркулесовской силой; мускулы его еще более укрепились благодаря тяжелому физическому труду.

Широкие плечи, выпуклая грудь, огромные узловатые руки придавали ему сходство с гориллой.

Ламберт откинулся назад, испуганный странным видом этой фигуры, ее холодным безжалостным взглядом.

- Вы пришли обокрасть меня? - задыхаясь, спросил он.

- Я пришел, чтобы поговорить с вами. Моя фамилия Спартер.

Ламберт сделал усилие вернуть себе хладнокровие.

- Спартер! - повторил он тоном, которому старался придать небрежный оттенок. - Значит, если я только не ошибаюсь, сэр Вильям Спартер? Я имел удовольствие встречаться с леди Спартер и слышал, как она говорила про вас. Могу я узнать цель вашего посещения?

Он застегнулся нервной рукой.

- Я пришел, - сказал Спартер, вливая в пульверизатор несколько капель жидкости, заключающейся в зеленой бутылочке, - я пришел изменить ваш голос.

- Мой голос?

- Именно.

- Вы с ума сошли! Что это значит?

- Будьте добры лечь на эту кушетку.

- Но это сумасшествие! Ага, я понимаю. Вы хотите запугать меня. У вас имеется для этого какой-нибудь мотив. Вы, вероятно, воображаете, что между мной и леди Спартер существует связь. Уверю вас, что ваша жена...

- Моя жена не имеет никакого отношения к этому делу ни в данный момент, ни раньше. Ее имени нет надобности произносить. Мои мотивы чисто музыкального характера. Ваш голос не нравится мне: его надо вылечить. Ложитесь на кушетку.

- Сэр Вильям, даю вам честное слово...

- Ложитесь.

- Вы душите меня! Это хлороформ. На помощь! Ко мне! На помощь! Скотина! Пустите меня, пустите, вам говорят! А-а! Пустите! Ля-ля-ля-я!..

Голова его откинулась назад, а крики перешли в несвязное бормотание.

Сэр Вильям подошел к столу, на котором стояла лампа и лежали инструменты.

VII

Несколько минут спустя, когда джентльмен в плаще и с саквояжем показался снова в аллее, кучер "брухама" услышал, что его зовет какой-то хриплый гневный голос, раздающийся внутри дома.

Затем послышался шум неверной походки, и в кругу света фонарей "брухама" показался его господин с лицом, побагровевшим от гнева.

- С этого вечера, Холден, вы больше не состоите у меня на службе. Вы разве не слышали мой зов? Почему вы не явились?

Кучер испуганно взглянул на своего принципала и вздрогнул, увидав цвет груди его сорочки.

- Да, сэр, я слышал чей-то крик, - доложил он, - но это кричали не вы, сэр. Это был голос, которого я ни разу не слышал раньше.

VIII

"На последней неделе меломаны оперы испытали большое разочарование. писал один из наиболее осведомленных рецензентов. - Синьор Ламберт оказался не в состоянии выступить в разных ролях, о которых было давно объявлено.

Во вторник вечером, в последнюю минуту перед спектаклем, дирекция получила известие о постигшем его сильном нездоровье; не будь Жана Каравати, согласившегося дублировать роль, оперу пришлось бы отменить.

Далее было установлено, что болезнь синьора Ламберта гораздо серьезнее, чем думали; она представляет собой острую форму ларингита, захватившего собой и голосовые связки, и способна вызвать последствия, которые, быть может, окончательно погубят красоту его голоса.

Все любители музыки надеются, что эти новости окажутся слишком пессимистическими, что скоро мы снова будем наслаждаться звуками самого красивого из теноров, которые когда-либо оглашали собой лондонские оперные сцены."

Пробел в жизни Джона Хёксфорда

Станным и удивительным кажется, если посмотреть, как на нашей планете самый маленький и незначительный случай приводит в движение целый ряд последовательных

событий, которые переплетаются между собою до того, что их окончательные результаты становятся чудовищными и неисчислимыми. Приведите в движение силу, хотя бы ничтожную, и кто может сказать, где она окончится или к чему она приведет. Из пустяков возникают трагедии, и безделица одного дня созревает в катастрофу другого. Устрица извергает выделения, которые окружают песчинку, и таким образом появляется на свете жемчужина; искатель жемчуга вытаскивает ее из воды, купец покупает и продает ювелиру, который отдает ее покупателю. У покупателя ее похищают два бездельника, которые ссорятся из-за добычи, один убивает другого и гибнет сам на эшафоте. Здесь прямая цепь событий с большим моллюском в качестве первого ее звена и с виселицей в качестве последнего. Не попади эта песчинка во внутренность раковины, два живых, дышащих существа со всеми их скрытыми задатками к добру и злу не были бы вычеркнуты из числа живых. Кто возьмет на себя оценку того, что действительно мало и что велико?

Таким образом, когда в 1821 году дон Диэго Сальвадор подумал, что если еретики в Англии платят за ввоз коры его пробкового дуба, то ему стоит основать фабрику для приготовления пробок, то, конечно никому и в голову не могло прийти, что это может нанести вред интересам части человечества. Когда дон Диэго прогуливался под липами, куря папироску и обдумывая свой план, он и не подозревал, что далеко от него, в неизвестных ему странах, его решение вызовет столько страдания и горя.

Так тесен наш старый земной шар, и так перепутаны наши интересы, что человеку не может прийти в голову новая мысль, чтобы какому-нибудь бедняку не сделалось от этого лучше или хуже.

Дон Диэго был капиталистом, и абстрактная мысль скоро приняла конкретную форму большого четырехугольного оштукатуренного здания, где две сотни его смуглых соотечественников работали своими ловкими, проворными пальцами за плату, на которую не согласился бы ни один английский мастеровой. Через несколько месяцев результатом этой новой конкуренции было резкое падение цен в торговле, серьезное для самых больших фирм и гибельное для менее значительных. Несколько давно основанных фирм продолжали производство в том же размере, другие уменьшили штаты и сократили издержки; одна или две заперли магазины и признали себя разбитыми. К этой последней злополучной категории принадлежала старинная и уважаемая фирма братьев Фэрбэрн из Бриспорта. Многие причины привели к этому несчастью, но дебют дона Диэго в качестве пробочного фабриканта довершил дело. Когда два поколения тому назад первый Фэрбэрн основал дело, Бриспорт был маленьким рыболовным городком, не имевшим ни одного занятия для излишка своего населения. Люди были рады иметь безопасную и постоянную работу на каких бы то ни было условиях. Теперь все это изменилось, так как город развернулся в центр большого округа на западе, а спрос на труд и его вознаграждение пропорционально возросли; с другой стороны, когда плата за провоз была разорительна, а сообщение медленно, виноторговцы Экзетера и Барнстоппля были рады покупать пробки у своего бриспортского соседа; теперь большие лондонские фирмы стали посылать странствующих приказчиков, которые соперничали друг с другом в приобретении покупателей до того, что местные торговцы лишились прибылей. Долгое время положение фирмы было непрочным, но дальнейшее падение цен решило дело и заставило мистера Чарльза Фэрбэрна, директора, закрыть свое заведение. Стоял мрачный, туманный субботний день, когда рабочим заплатили в последний раз, и старое здание должно было окончательно опустеть. Мистер Фэрбэрн, с озабоченным лицом, убитый горем, стоял на возвышении возле кассира, который вручал маленький столбик заработанных ими шиллингов и медных монет каждому из дефилировавших мимо его стола рабочих. Обыкновенно служащие ухилили поспешно, как только получали плату, словно дети, распускаемые из школы; но сегодня они не уходили, образовав небольшие группы в большой мрачной комнате и разговаривая вполголоса о несчастьи, постигшем их хозяев, и о печальном будущем, ожидавшем их самих. Когда последний столбик монет был передан через стол и последнее имя проверено кассиром, вся толпа молча окружила человека, который недавно был ее хозяином, и стояла в ожидании, что он скажет. Мистер Фэрбэрн смутился, так как не предвидел этого и присутствовал при раздаче жалованья по вошедшей в привычку обязанности. Он был молчаливый, недалекий человек, и неожиданный призыв к его ораторским способностям озадачил его. Он нервно провел длинными белыми пальцами по худой щеке и слабыми водянистыми глазами взглянул на повернутые к нему серьезные лица.

- Мне жаль, что нам приходится расстаться, друзья мои, - сказал он надтреснутым голосом. - Плохой это день и для всех нас и для Бриспорта. В течение трех лет мы терпели убытки в делах. Мы продолжали дело в надежде на перемену к лучшему, но оно шло все хуже и хуже. Ничего не остается больше, как отказаться от предприятия, чтобы не потерять и того, что осталось. Надеюсь, что вам всем удастся достать какую-нибудь работу в непродолжительном времени. Прощайте, и да благословит вас Бог!

- Да благословит вас Бог, сэр, да благословит вас Бог! - закричал хор грубых голосов.

- Прокричим три раза "ура" в честь мистера Чарльза Фэрбэрна! - закричал красивый молодой парень с блестящими глазами, вскакивая на скамью и размахивая своею остроконечною шапкою в воздухе.

Толпа ответила на призыв, но в ее крике не было того испытанного одушевления, которое можно высказать только из переполненного радостью сердца. Потом рабочие стали выходить толпою на улицу, где сияло солнце, оглядываясь по дороге назад на длинный ряд столов и усеянный пробками пол, особенно же на печального, одинокого человека, лицо которого вспыхнуло при грубой сердечности их прощания.

- Хёксфорд, - сказал кассир, дотрагиваясь до плеча молодого человека, который предложил толпе прокричать "ура", - директор хочет поговорить с вами.

Рабочий вернулся назад и остановился, неуклюже размахивая своею шапкой перед своим бывшим хозяином. Толпа продолжала, теснясь, идти к выходу, пока в дверях никого не осталось, и тяжелые клубы тумана без помех ворвались в покинутую фабрику.

- А, Джон! - сказал мистер Фэрбэрн, внезапно выходя из задумчивости и беря письмо со стола. - Вы служили у меня с детства и доказали, что заслуживали доверие, которое я оказывал вам. Думаю, я не ошибусь, сказав, что внезапная потеря заработка повредит вам больше, чем многим другим из моих бывших рабочих.

- Я хотел жениться на масленице, - ответил рабочий, водя по столу мозолистым указательным пальцем. - Теперь надо будет найти работу.

- А работу, мой друг, нелегко найти. Взгляните, вы провели в этой трущобе всю свою жизнь и неспособны ни к чему другому. Правда, вы были у меня надсмотрщиком, но даже это не поможет вам, так как фабрики во всей Англии рассчитывают рабочих, и невозможно найти место. Это плохое дело для вас и для подобных вам.

- Что же вы посоветуете мне, сэр? - спросил Джон Хёксфорд.

- Об этом-то я и хочу поговорить с вами. У меня есть письмо от Шеридана и Мура из Монреаля. Они спрашивают, нет ли хорошего рабочего, которому можно было бы вверить надсмотр над мастерской. Если вы согласны на это предложение, то можете выехать с первым пароходом. Жалованье гораздо больше того, что я мог бы дать вам.

- Как вы добры, сэр, - сказал молодой рабочий серьезно. - Она - моя невеста Мэри - будет вам так же благодарна, как и я. Я знаю, что мне пришлось бы искать работу; я вероятно, истратил бы то небольшое, что я отложил для обзаведения хозяйством, но, с вашего позволения, сэр, я хотел бы поговорить с ней относительно этого прежде, чем приму решение. Можете ли вы оставить этот вопрос открытым в течение нескольких часов?

- Почта отходит завтра, - отвечал мистер Фэрбэрн. - Если вы решите принять предложение, то можете написать сегодня вечером. Вот письмо, из которого вы узнаете адрес Шеридана и Мура.

Джон Хёксфорд взял драгоценную бумагу. Сердце его было полно признательности. Час тому назад его будущее казалось совсем мрачным, но теперь луч света прорвался с запада, обещая более светлую будущность. Он хотел сказать несколько слов, которые выразили бы его чувства к хозяину, но англичане не экспансивны по натуре, и он проговорил только несколько неуклюжих слов, сказанных глухим голосом, и которые так же неуклюже были приняты его благодетелем. С неловким поклоном он повернулся на каблуках и исчез в уличном тумане.

Туман был так непроницаем, что видны были только неясные очертания домов. Хёксфорд шел быстрыми шагами по боковым улицам и извилистым переулкам, мимо стен, где сушились сети рыбаков, и по замощенным булыжником аллеям, пропитанным запахом селедок, пока не достиг скромной линии выбеленных известью коттеджей, выходящих к морю. Молодой человек постучал в дверь одного из них и затем, не дожидаясь ответа, отпер щеколду и вошел в дом. Старая женщина с серебристыми волосами и молодая девушка, едва достигшая двадцати лет, сидели у очага. Последняя вскочила, когда вошел Хёксфорд.

- Вы принесли какие-нибудь приятные новости, Джон, - вскричала она, кладя руки на плечи и смотря ему в глаза. - Я сужу по вашей походке. Мистер Фэрбэрн намерен все-таки продолжать дело.

- Нет, дорогая, - отвечал Джон Хёксфорд, приглаживая ее роскошные темные волосы, - но мне предлагают место в Канаде с хорошим жалованьем, и если вы взглянете на это, как я, то я поеду туда, а вы с бабушкой можете приехать, когда я устроюсь там. Что вы скажете на это, моя милая?

- Как вы решите, так и будет хорошо, Джон, - спокойно проговорила молодая девушка. Выражение надежды и доверия светилось на ее бледном некрасивом лице и в любящих темных глазах. - Но бедная бабушка, как перенесет она переезд через океан?

- О, не заботьтесь обо мне, - весело вмешалась старуха. - Я не буду вам помехой. Если вы нуждаетесь в бабушке, бабушка не слишком стара для путешествия; а если не нуждаетесь, то ведь она может присматривать за коттеджем, и держать родной дом в готовности принять вас, когда вы вернетесь на родину.

- Конечно, мы нуждаемся в вас, бабушка, - сказал Джон Хёксфорд с веселым смехом. - Вот фантазия оставить бабушку дома! Этого никогда не будет, Мэри! Если вы обе приедете, и мы сыграем как следует свадьбу в Монреале, то обобщем весь город, пока не найдем дом, сколько-нибудь похожий на этот. Снаружи дома у нас будут такие же ползучие растения; а когда мы закроем двери и будем сидеть вокруг огня в зимние ночи, то пусть меня повесят, если можно будет сказать, что мы не дома. Там тот же язык, как и здесь, Мэри, и тот же король, и тот же флаг; не будет похоже на чужую страну.

- Нет, конечно, нет, - с убеждением ответила Мэри.

Она была сирота, и у нее не было родных, кроме старой бабушки. Единственным ее желанием было сделаться женой любимого человека и быть полезной ему. Там, где были два любимых ею существа, она не могла не чувствовать себя счастливой. Если Джон уезжает в Канаду, то Канада делается ее родиной, так как что мог дать ей Брис-порт, раз он уехал?

- Так, значит, сегодня вечером я напишу, что согласен на предложение? спросил молодой человек. - Я знал, что вы обе будете того же мнения, что и я, но, конечно, не мог принять предложения, пока не переговорил с вами о нем. Я могу отправиться в путь через неделю или две, а затем месяца через два я все приготовлю для вас сам, за морем.

- Как скучно будет тянуться время, пока мы получим от вас весточку, дорогой Джон, - сказала Мэри, пожимая руку Хёксфорда, - но да будет воля Божья! Мы должны быть терпеливыми. Вот перо и чернила. Вы можете сесть за стол и написать письмо, которое заставит нас троих переехать через Атлантический океан.

Странно, какое влияние мысли донна Диэго имели на человеческую жизнь в маленькой девонширской деревне.

Согласие было послано, и Джон Хёксфорд немедленно начал приготавливаться к отъезду, так как монреальская фирма дала понять, что вакансия верная, и что выбранный человек может явиться немедленно для вступления в исполнение своих обязанностей. Вскоре скромная экипировка была заключена, и Джон отправился на каботажном судне в Ливерпуль, где он должен был пересест на пассажирский пароход, идущий в Квебек.

- Помните, Джон, - прошептала Мэри, когда он прижал ее к груди, - на Бриспортской набережной коттедж принадлежит нам; и что бы ни случилось, мы можем всегда воспользоваться им. Если бы обстоятельства случайно приняли другой оборот, у нас всегда есть кров, под которым мы можем укрыться. Там вы найдете меня, пока не напишете, чтобы мы приезжали.

- А это будет очень скоро, моя милая, - ответил он весело, в последний раз обнимая ее. - Прощайте, бабушка, прощайте!

Корабль был дальше мили от берега, когда он потерял из виду фигуры стройной тонкой девушки и ее старой спутницы, которые стояли, смотря и кивая головами, на краю набережной из старого камня. С упавшим сердцем и смутным чувством угрожающей опасности увидел он их в последний раз в виде маленьких пятнышек, исчезнувших в толпе, которая окружала набережную.

Из Ливерпуля старуха со внучкой получили письмо от Джона, извещавшее, что он только что отправился на пароходе "Св. Лаврентий", а шесть недель спустя второе, более длинное, сообщавшее о благополучном прибытии в Квебек и описывавшее впечатление, которое на него произвела страна. После этого наступило долгое ненарушимое молчание. Проходили неделя за неделей и месяц за месяцем, но никаких известий из-за моря не было.

Минул год, за ним другой, а сведений о Джоне все не было. Шеридан и Мур в ответ на запрос ответили, что хоть письмо Джона Хёксфорда дошло до них, сам он не явился, и они были вынуждены заместить вакансию. Мэри и бабушка продолжали надеяться и каждое утро ожидали почтальона с таким нетерпением, что добросердечный малый часто делал крюк, чтобы не проходить мимо двух бледных озабоченных лиц, которые смотрели на него из окна коттеджа.

Спустя три года после исчезновения Хёксфорда старая бабушка умерла, и Мэри осталась совершенно одинокой. Убитая горем, она с грехом пополам жила на маленькую ренту, которая перешла к ней по наследству, с глубокой тоской раздумывая о тайне, которая окутала судьбу ее возлюбленного.

Но для провинциальных соседей давно уже не существовало никакой тайны в этом доме. Хёксфорд благополучно прибыл в Канаду - доказательством чего было письмо. Если бы он умер внезапно во время поездки из Квебека в Монреаль, то было бы произведено официальное следствие, а личность его можно было установить по багажу. Делали запрос канадской полиции, и она дала положительный ответ, что не было никакого следствия и не найдено никакого тела, которое можно было бы принять за тело молодого англичанина. Казалось, оставалось только одно объяснение: он воспользовался первым случаем, чтобы порвать все старые связи, и скрылся в девственные леса или в Соединенные Штаты, чтобы начать новую жизнь под другим именем. Никто не мог сказать, зачем ему было делать это, но судя по фактам, предположение это казалось весьма вероятным. Поэтому из уст мускулистых рыбаков часто вырывался ропот справедливого гнева, когда Мэри, бледная, с печально опущенной головой, шла по набережной за покупками. Более чем вероятно, что если бы Хёксфорд вернулся в Бриспорт, его встретили бы грубыми словами, а может быть, кое-чем и похуже, если бы он не смог привести каких-нибудь вполне уважительных причин своего поведения. Это общепринятое объяснение молчания Джона, однако, никогда не приходило в голову одинокой девушки с простым доверчивым сердцем. Шли годы, но к ее горю и недоумению никогда ни на одну минуту не примешивалось сомнение в честности пропавшего человека. Из молодой девушки она превратилась в женщину средних лет, затем достигла осени своей жизни, терпеливая, кроткая и верная, делая добро, насколько было в ее власти, и покорно ожидая, когда судьба в этом или другом мире возвратит ей то, чего она так таинственно лишилась.

Между тем ни мнение, поддерживаемое меньшинством, что Джон Хёксфорд умер, ни мнение большинства, обвинявшее его в вероломстве, не соответствовали действительному положению дел. Все еще живой, он был жертвою одного из тех странных капризов судьбы, которые так редко случаются и настолько выходят из области обыкновенного опыта, что мы могли бы отвергнуть их как невероятные, если бы не имели самых достоверных документов из случайной возможности. Высадившись в Квебеке с сердцем, полным надежды и мужества, Джон занял плохонькую комнату в одной из отдаленных улиц, где цены были не так непомерно дороги, как в других местах, и перевез туда два сундука со своими пожитками. Поместившись, он решился было переменить ее, так как хозяйка и жильцы пришили ему очень не по вкусу; но почтовая карета в Монреаль отправлялась через день или два, и он утешал себя тем, что неудобство продолжится только это короткое время. Написав письмо Мэри, чтобы дать знать о своем благополучном прибытии, он решился заняться осмотром города, сколько успеет, и гулял целый день, вернувшись в свою комнату только ночью.

Случилось, что дом, в котором остановился несчастный молодой человек, пользовался дурной славой из-за дурной репутации его жильцов. Хёксфорда направил туда человек, который только тем и занимался, что шлялся по набережным и заманивал в этот вертеп вновь приехавших. Благодаря благообразному виду и учтивости этого человека наивный английский провинциал попал в расставленные сети, и хотя инстинкт подсказал Хёксфорду, что он в опасности, но, к несчастью, он не привел в исполнение принятого было намерения сразу спастись бегством. Он удовлетворился тем, что целые дни проводил вне дома и избегал, насколько возможно, общения с другими жильцами. Из нескольких оброненных им слов, содержательница гостиницы вывела заключение, что он иностранец, о котором некому было справляться, если бы с ним случилось несчастье.

Дом имел дурную репутацию за спаивание матросов, которое совершалось не только с целью ограбления их, но также и для пополнения судовых команд отходящих кораблей, причем людей доставляли на корабль в бессознательном состоянии, и они приходили в себя, когда корабль был уже далеко от Св. Лаврентия. Презренные люди, занимавшиеся этим ремеслом, были очень опытные в употреблении одуряющих средств. Они решили применить эти знания к одинокому жильцу, чтобы обшарить его пожитки и посмотреть, стоило ли тратить время на их похищение. Днем Хёксфорд всегда запирали свою комнату на ключ и уносил его в кармане. Если бы им удалось привести его в бессознательное состояние, то ночью они могли бы

осмотреть его сундуки на досуге и затем отречься, что он вообще когда-либо привозил с собою вещи, которые у него пропали.

Накануне отъезда Хёксфорда из Квебека, он, вернувшись на свою квартиру, увидел, что его хозяйка и ее два безобразных сына, которые помогали ей в ее промысле, поджидают его за чашею пунша, который они любезно предложили ему разделить с ними. Была страшно холодная ночь; горячий пар, поднимавшийся от пунша, рассеял все сомнения, какие могли быть у молодого англичанина. Он осушил полный стакан и затем, удалившись в свою спальню, бросился на кровать, не раздеваясь, и тотчас же впал в сон без сновидений; в этом состоянии он все еще лежал, когда заговорщики прокрались в его комнату и, открыв сундуки, начали исследовать его пожитки.

Может быть, быстрота, с которою подействовало снадобье, была причиной эфемерности его действия, или крепкое сложение жертвы дало ей возможность с необычайной быстротой стряхнуть с себя опьянение. Как бы то ни было, Джон Хёксфорд внезапно пришел в себя и увидел гнусное трио сидящих на корточках над добычей, которую они делили на две категории: имеющую ценность и не имеющую никакой. Первую грабители намеревались взять себе, вторую же оставить ее владельцу. Одним прыжком Хёксфорд соскочил с кровати и, схватив за шиворот того из негодяев, который был к нему ближе других, вышвырнул его в открытую дверь. Его брат бросился на Джона, но молодой девонширец встретил его таким ударом по лицу, что тот покатился на пол. К несчастью, стремительность удара заставила Хёксфорда потерять равновесие и, споткнувшись о своего распростертого антагониста, он тяжело упал лицом вниз. Прежде чем он смог подняться, старая фурия вскочила ему на спину и вцепилась в него, крича сыну, чтобы он принес кочергу. Джону удалось стряхнуть с себя их обоих, но прежде чем он смог принять оборонительное положение, он был сшиблен с ног страшным ударом железной кочерги сзади и упал без чувств на пол.

- Ты ударил слишком сильно, Джо, - сказала старуха, смотря вниз на распростертую фигуру. - Я слышала, как треснула кость.

- Если бы я не сшиб его с ног, нам бы не справиться с ним, - угрюмо проговорил молодой негодяй.

- Однако ты мог сделать это и не убивая его, пентюх, - сказала мать. Ей приходилось часто присутствовать при таких сценах, и она знала разницу между ударом только оглушающим и ударом смертельным.

- Он еще дышит, - сказал другой, осматривая его, - хотя задняя часть его головы похожа на мешок с игральными костями. Череп весь разбит, он не сможет жить. Что мы будем делать?

- Он больше не придет в себя, - заметил другой брат. - И поделом ему. Посмотрите на мое лицо! Кто дома?

- Только четыре пьяных матроса.

- Они не обратят внимания ни на какой шум. На улице тихо. Отнесем его вниз, Джо, и оставим там. Он может там умереть и никто не припишет нам его смерти.

- Выньте все бумаги из его кармана, - сказала мать, - они помогут полиции установить его личность. Возьмите также часы и деньги - три фунта с чем-то; лучше, чем ничего. Несите его тихонько и не поскользнитесь.

Братья сбросили сапоги и понесли умирающего вниз по лестнице и вдоль по пустынной улице на расстоянии двухсот ярдов. Там они положили его в снег, где он был найден ночным патрулем, который отнес его на носилках в госпиталь. Дежурный хирург, осмотрев его, перевязал раненную голову и высказал мнение, что он проживет не больше полусуток.

Однако прошло двенадцать часов и еще двенадцать, а Джон Хёксфорд все еще крепко боролся за свою жизнь. По истечении трех суток он продолжал еще дышать. Эта необыкновенная живучесть возбудила интерес докторов, и они пустили пациенту кровь, по обычаю того времени, и обложили его разбитую голову мешками со льдом. Может быть, вследствие этих мер, а может быть, вопреки им, но после того, как он пробыл неделю в совершенно бессознательном состоянии, дежурная сиделка с изумлением услышала странный шум и увидела иностранца сидящим на кровати и с любопытством и изумлением оглядывающимся вокруг себя. Доктора, которых позвали посмотреть на необычайное явление, горячо поздравляли друг друга с успехом своего лечения.

- Вы были на краю могилы, мой друг, - сказал один из них, заставляя перевязанную голову

опуститься опять на подушку. - Вы не должны волноваться. Как ваше имя?

Никакого ответа, кроме дикого взгляда.

- Откуда вы приехали?

Опять никакого ответа.

- Он сумасшедший, - сказал один.

- Или иностранец, - сказал другой. - При нем не было бумаг, когда он поступил в госпиталь. Его белье помечено буквами "Д. Х." Попробуем заговорить с ним по-французски и по-немецки.

Они пробовали заговорить с ним на всех известных им языках, но наконец были вынуждены отказаться от своих попыток и оставили в покое молчаливого пациента, все еще дико смотревшего на выбеленный потолок госпиталя.

В течение многих недель Джон лежал в госпитале, и в течение многих недель прилагались все усилия к тому, чтобы получить какие-нибудь сведения о его прошедшей жизни, но тщетно. По мере того, как шло время, не только по поведению, но и по понятливости, с которой он начал усваивать обрывки фраз, точно способный ребенок, который учится говорить, стало заметно, что его ум достаточно силен, чтобы справиться с настоящим, но совершенно бессильен, что касается прошедшего. Из его памяти совершенно и безусловно исчезли воспоминания о всей его прошлой жизни до рокового удара. Он не знал ни своего имени, ни своего языка, ни своей родины, ни своего занятия - ничего. Доктора держали ученые консультации относительно его и говорили о центре памяти и придавленных поверхностях, расстроенных нервных клетках и приливах крови к мозгу, но все их многосложные слова начинались и кончались тем фактом, что память человека исчезла, и наука бессильна восстановить ее. В течение скучных месяцев своего выздоровления он понемногу упражнялся в чтении и письме, но с возвращением сил не вернулись его воспоминания о прошлой жизни. Англия, Девоншир, Бриспорт, Мэри, бабушка - эти слова не внушали никаких воспоминаний в его сознании. Все было покрыто мраком. Наконец его выпустили из госпиталя, без друзей, без занятий, без денег, без прошлого и с весьма малыми надеждами на будущее. Само его имя изменилось, так как нужно было придумать ему какое-нибудь имя. Джон Хёксфорд исчез, а Джон Харди занял его место среди людей. Таковы были странные следствия размышлений испанского джентльмена, навеянных ему курением папироски.

Случай с Джоном возбудил споры и любопытство в Квебеке, так что по выходе из госпиталя ему не пришлось остаться в беспомощном положении. Шотландский фабрикант по имени Мак-Кинлей дал ему должность носильщика в своем заведении, и в течение долгого времени он работал за семь долларов в неделю, нагружая и разгружая возы. С течением времени оказалось, что память его, как она ни была несовершенна во всем, что касалось прошлого, была крайне надежна и точна относительно всего происшедшего с ним после инцидента. С фабрики он в виде повышения был переведен в контору, и 1835 год застал его уже в качестве младшего клерка с жалованьем в 120 фунтов в год. Спокойно и твердо прокладывая себе Джон Харди дорогу от должности к должности, посвящая все сердце и ум делу. В 1840 году он был третьим клерком, в 1845 вторым, в 1852 управляющим всем обширным заведением и вторым лицом после самого мистера Мак-Кинлея. Мало кто завидовал быстрому возвышению Джона, так как было очевидно, что он обязан им не случайности и не протекции, а своим удивительным достоинствам - прилежанию и трудолюбию.

С раннего утра до поздней ночи он без устали работал в интересах своего хозяина, проверяя, надсматривая, надзирая, подавая всем пример веселой преданности долгу. По мере того, как он получал повышение, жалованье его увеличивалось, но образ жизни не изменялся, у него появилась только возможность быть более щедрым к бедняку. Он ознаменовал свое повышение в должности управляющего даром 1000 фунтов госпиталю, в котором лечился четверть века тому назад. Остаток своих заработков он вкладывал в дело, вынимая каждые три месяца небольшую сумму на свое содержание, и все еще жил в скромном жилище, которое занимал, когда был носильщиком в пакгаузе. Несмотря на удачу в делах, он оставался печальным, молчаливым, мрачным, по привычке, и находился всегда в состоянии смутного, неопределенного беспокойства, тяжелого чувства неудовлетворенности и страстного стремления к чему-то, которое никогда не покидало его. Часто он пытался своим бедным искалеченным мозгом приподнять занавес, который отделял его от прошлого, и разрешить загадку своего существования в дни молодости, но хотя он сживал перед огнем до того, что в голове начинало шуметь от усилий. Джон Харди никак не мог восстановить в своей памяти последнего момента в истории Джона Хёксфорда. Однажды ему пришлось по делам фирмы съездить в Квебек и посетить ту самую пробочную фабрику, из-за которой он покинул Англию,

Проходя через мастерскую со старшим приказчиком, Джон машинально поднял четырехугольный кусок коры и, не сознавая, что он делает, двумя или тремя ловкими надрезами своего перочинного ножа обделал его в ровно заостряющуюся к концу пробку. Его спутник взял ее у него из рук и осмотрел глазами знатока.

- Это - не первая пробка, вырезанная вами, вы их вырезали многими сотнями, мистер Харди, - заметил он.

- На самом деле вы ошибаетесь, - ответил Джон, улыбаясь, - никогда раньше мне не приходилось вырезать ни одной.

- Невозможно! - вскричал надсмотрщик. - Вот другой кусочек коры, попробуйте опять.

Джон приложил все усилия, чтобы вырезать опять пробку, но умственные способности помешали резальщику пробок выполнить работу. Привычные мышцы не потеряли искусства, но они должны были быть предоставлены самим себе, а не управляемы умом, который ничего не знал в этом деле. Вместо пробок ровной, изящной формы Хёксфорд мог сделать только несколько грубо вырезанных, неуклюжих цилиндров.

- Должно быть, это была случайность - сказал надсмотрщик, - но я мог бы поклясться, что это была работа опытной руки.

По мере того, как шли годы, гладкая английская кожа Джона коробилась и морщилась пока не сделалась смуглой и покрытой рубцами, как грецкий орех. Цвет его волос также под влиянием времени из седоватого окончательно сделался белым, как зимы усыновившей его страны. Но все же это был бодрый, державшийся прямо старик, и когда, наконец, он оставил должность управляющего фирмы, с которой был так долго связан, он легко и бодро нес на своих плечах тяжесть своих семидесяти лет. Он сам не знал своего возраста, так как у него не было ничего, кроме догадок относительно того, сколько ему было лет во время случившегося с ним несчастья.

Началась франко-прусская война, и в то время, как два могущественных соперника уничтожали друг друга, их более миролюбивые соседи спокойно выгоняли их со своих рынков и из своей торговли. Многие английские порты извлекали выгоду из этого положения вещей, но ни один из них не извлек больше, чем Бриспорт. Он давно перестал быть рыбацкой деревней и теперь это был большой и процветающий город с великолепной набережной, с рядом террас и больших отелей, куда все тузы западной Англии приезжали, когда чувствовали потребность в перемене места. Благодаря этим нововведениям Бриспорт сделался центром деятельности торговли, и его корабли проникали во все гавани мира. Поэтому нет ничего удивительного, что особенно в этот весьма оживленный 1870 год многие бриспортские суда стояли на реке и у набережных Квебека. Однажды Джон Харди, который находил, что время тянется слишком медленно с тех пор, как он удалился от дел, бродил по берегу, прислушиваясь к шуму паровых машин и смотря, как выгружают на берег и складывают на набережной бочки и ящики. Он смотрел на большой океанский пароход. Когда пароход благополучно пришвартовался, Хёксфорд хотел уже удалиться, как до его слуха донеслось несколько слов, сказанных кем-то на небольшом старом судне, находившемся близко от него. Это было только какое-то громко произнесенное банальное приказание, но в ушах старика оно прозвучало как что-то, от чего он отвык и что в то же время было близко знакомо ему. Он стоял около судна и слушал, как матросы за работой говорили все с тем же самым особым, приятно звучащим акцентом. Почему в то время, как он прислушивался к нему, такая дрожь пробежала по его телу? Он сел на свернутый в кольцо канат и прижал руки к вискам, жадно прислушиваясь к давно забытому диалекту и пытаясь привести в порядок тысячу еще не принявших определенной формы туманных воспоминаний, которые восставали в его сознании. Затем он встал и, подойдя к корме, прочел название корабля "Солнечный свет", Бриспорт. Бриспорт! Опять все нервы его затрепетали. Почему это слово и говор матросов так знакомы ему? Грустный, он пошел домой и всю ночь пролежал без сна, ворочаясь с боку на бок, стараясь поймать что-то неуловимое, что, казалось вот-вот будет в его власти, и однако же всякий раз ускользало от него.

На следующий день, рано утром, он ходил взад и вперед по набережной, прислушиваясь к говору матросов, приехавших с запада. Каждое слово, которое они произносили, казалось ему, восстанавливало его память и приближало к свету. Время от времени матросы прекращали свою работу и глядя на седого иностранца, сидевшего в такой безмолвно внимательной позе, прислушивавшегося к их говору, смеялись над ним и отпускали на его счет шуточки. И даже в этих шуточках было то знакомое изгнаннику, что вполне могло быть, потому что они были те же самые, которые он слышал в молодости, так как никто в Англии не отпускает новых шуток. Так он сидел в течение долгого дня, наслаждаясь западным говором и ожидая минуты

прояснения. Когда матросы прервали свою работу для обеда, один из них, подвижный любопытством или добродушием, подошел к старику и заговорил с ним. Джон попросил его сесть на бревно рядом с ним и стал задавать ему множество вопросов о стране и городе, откуда он приехал. На все это матрос отвечал довольно гладко, потому что нет ничего на свете, о чем бы матрос любил говорить так много, как о своем родном городе. Ему доставляет удовольствие показать, что он не простой бродяга, что у него есть домашний очаг, где его примут, когда он захочет перейти к спокойному существованию. Он болтал о ратуше Мартелло Тауэре и Эспаланде и Питт-Стрите, как вдруг его собеседник стремительно поднял длинную руку и схватил матроса за руку.

- Послушайте, друг мой, - сказал он тихим, быстрым шепотом, - ответьте мне ради спасения своей души, по порядку ли я назвал улицы, которые выходят из Хай-Стрита: Фокс-Стрит, Каролин-Стрит и Джордж-Стрит.

- По порядку, - отвечал матрос, отступая перед его дико сверкающим взглядом.

И в тот момент память Джона вернулась к нему, и он увидел ясно и отчетливо свою жизнь такую, какою она была и какою она могла бы быть, с мельчайшими подробностями, как бы начертанными огненными буквами. Слишком пораженный, чтобы закричать или заплакать, он мог только стремительно и почти не сознавая, что делает, убежать домой; убежать так быстро, как только допускали его старые члены. Бедняга как будто думал, что есть какая-нибудь возможность вернуть прошедшие пятьдесят лет. Шатаясь и дрожа, он торопливо шел по улице, как вдруг, словно какое-то облако застлало ему глаза и, взмахнув руками в воздухе с громким криком: "Мэри! Мэри! О, моя погибшая, погибшая жизнь!" - упал без чувств на мостовую.

Буря душевного волнения, которая охватила его, и умственное потрясение, испытанное им, вызвали бы у многих нервную горячку, но Джон обладал слишком сильной волей и был слишком практичен, чтобы позволить себе заболеть в то самое время, когда здоровье было ему нужнее всего. Через несколько дней он реализовал часть своего имущества и, отправившись в Нью-Йорк, сел на первый почтовый пароход отходивший в Англию. Днем и ночью, ночью и днем он бродил по шканцам до тех пор, пока закаленные матросы не стали смотреть на старика с уважением и удивляться, как может человеческое существо так много ходить, посвящая так мало времени сну. Только благодаря этому беспрестанному моциону, благодаря тому, что он измучивал себя до того, что усталость сменялась летаргией, ему удалось помешать себе впасть в настоящее безумие отчаяния. Он едва осмеливался спросить себя, что было целью его сумасбродной поездки. На что он надеялся? Жива ли все еще Мэри? Если бы он мог увидеть ее и смешать свои слезы с ее слезами, он был бы доволен. Пусть только она узнает, что это была не его вина, что они оба были жертвами одной и той же жестокой судьбы. Коттедж был ее собственный, и она сказала, что будет ждать его там, пока он не даст ей о себе весточку. Бедная девушка, она никак не рассчитывала, что придется ждать так долго!

Наконец показались огни на берегах Ирландии и исчезли; берег Англии показался на горизонте, подобно облаку голубого дыма, и громадный пароход стал рассекал волны вдоль крутых берегов Корнваллиса, и наконец бросил якорь в Плимутской бухте. Джон поспешил на станцию железной дороги и через несколько часов увидел себя опять в родном городе, который он покинул бедным резальщиком пробок пятьдесят лет тому назад.

Но тот ли это город? Если бы не надписи повсюду на станциях и на отелях, Джону трудно было бы поверить этому. Широкие, хорошо замощенные улицы с линиями трамвая, проложенными по направлению к центру, сильно отличались от узких, извилистых переулков, которые он мог припомнить. Место, на котором стояла станция, было теперь самым центром города, а в старые дни оно было далеко за городом в полях. Во всех направлениях ряды роскошных вилл раскинулись в улицах и переулках, носящих имена, новые для изгнанника. Большие амбары и длинные ряды лавок с роскошными витринами доказывали, как возросло благосостояние Бриспорта, равно как и его размеры. Только когда Джон вышел на старую Хай-Стрит, он начал чувствовать себя дома. Многое изменилось, но все еще было узнаваемо, а несколько зданий имели тот же самый вид, в котором он оставил их. Там было место, где стояли пробочные мастерские Фэрбэрна. Теперь оно было занято большим только что выстроенным отелем. А там была старая серая ратуша. Путник повернул и быстрыми шагами, но с упавшим сердцем, направился к линии коттеджей, которые он знал так хорошо.

Ему было нетрудно найти их. Море по крайней мере было то же, как в старину, и по нему он мог узнать, где стояли коттеджи. Но, увы, где они были теперь! На их месте внушительный полукруг высоких каменных домов выступал к морю высокими фасадами. Джон уныло бродил мимо пышных подъездов, охваченный скорбью и отчаянием, когда внезапно его охватила дрожь, которую сменила горячая волна возбуждения и надежды. Немного позади линии домов

виднелся старый, выбеленный известью коттедж с деревянным крыльцом и стенами, обвитыми ползучими растениями. Он казался тут таким же неуместным, как мужик в бальной зале. Джон протер глаза и посмотрел опять, но коттедж действительно стоял так со своими маленькими окнами ромбоидальной формы и белыми кисейными занавесками, таким же до мельчайших подробностей, каким он был в тот день, когда он в последний раз видел его.

Темные волосы Хёксфорда стали седыми, а рыбачьи деревушки превратились в города, но деятельные руки и верное сердце сохранили коттедж бабушки в том же виде, как и прежде, готовым принять странника.

Теперь, когда он приближался к цели своих стремлений, им больше, чем когда-либо, овладел страх, и он почувствовал себя так нехорошо, что должен был сесть на одну из скамеек на набережной против коттеджа. На другом конце ее сидел старый рыбак, покуривая свою черную глиняную трубку; он обратил внимание на бледное лицо и печальные глаза незнакомца.

- Вы устали, - сказал он. - Не следует таким старикам, как мы с вами, забывать свои годы.

- Теперь мне лучше, благодарю вас, - ответил Джон. - Не можете ли вы сказать мне, приятель, каким образом этот коттедж затесался между всеми этими прекрасными домами?

- А видите ли, - сказал старик, энергично стуча своим костылем по земле, - этот коттедж принадлежит самой упрямой женщине во всей Англии. Поверите ли, этой женщине предлагали в десять раз больше того, что стоит коттедж, а она не захотела расстаться с ним. Ей обещали даже перенести его целиком, поставить на каком-нибудь более подходящем месте и заплатить ей хорошую круглую сумму впридачу, но - Господи помилуй! - она не хотела и слышать об этом.

- А почему? - спросил Джон.

- Вот в том-то и штука! Это все вследствие одной ошибки. Видите ли, ее любезный уехал, когда я был еще молодым человеком, и она вбила себе в голову, что он может когда-нибудь вернуться, и он не будет знать, куда ему деться, если коттедж не будет там. Ну, если бы парень был жив, то он был бы так же стар, как вы, но я не сомневаюсь, что он давно умер. Она счастливо отделалась от него, так как он, должно быть, был негодяй, если покинул ее, как он это сделал.

- О, он покинул ее, говорите вы?

- Да, уехал в Соединенные Штаты и не прислал ей ни слова на прощанье. Это был бессердечный, постыдный поступок, так как девушка с тех пор все время ждала его и тосковала по нем. Я думаю, что она и ослепла оттого, что плакала в течение пятидесяти лет.

- Она слепа! - воскликнул Джон, приподнимаясь.

- Хуже того, - сказал рыбак. - Она смертельно больна, и думают, что она не будет жить. Вы посмотрите, вот карета доктора у ее дома.

Услышав эти дурные вести, Джон вскочил и поспешил к коттеджу, где встретил доктора, сажившегося в карету.

- Как здоровье вашей пациентки, доктор? - спросил он дрожащим голосом.

- Очень плохо, очень плохо... - сказал медик напыщенным тоном. - Если силы будут продолжать падать, то здоровью ее будет угрожать большая опасность; но если, с другой стороны, в ее состоянии произойдет изменение, то возможно, что она может выздороветь! - изрекши тоном оракула этот ответ, он уехал, оставив за собой облако пыли.

Джон Хёксфорд все еще стоял в нерешимости в дверях, не зная, как объявить о себе, и насколько опасным для больной может быть нравственное потрясение, когда какой-то джентльмен в черном неспешно подошел к нему.

- Не можете ли вы сказать мне, друг мой, здесь больная? - спросил он.

Джон кивнул головой, и священник вошел, оставив дверь полуоткрытой. Странник подождал, пока он вошел в внутреннюю комнату, и тогда проскользнул в гостиную, где он провел столько счастливых часов. Все было по-старому до самых незначительных украшений, так как Мэри имела обыкновение, когда что-нибудь разбивалось, заменять разбитую вещь копией, так что в комнате не могло быть никакой перемены. Он стоял в нерешимости, осматриваясь

вокруг себя, пока не услышал женского голоса из внутренней комнаты; тогда, прокравшись к двери, он заглянул в нее.

Больная полулежала на кровати, обложенная подушками, и ее лицо было повернуто прямо по направлению к Джону в то время, как он смотрел в открытую дверь. Он чуть не вскрикнул, когда ее глаза остановились на нем, так как это были бледные, некрасивые, нежные, простые черты Мэри, такие же нежные и не переменявшиеся, как будто бы она была все еще тем полуробенком-полуженщиной, какою он прижимал ее к сердцу на набережной Бриспорта. Ее спокойная, лишенная событий жизнь не оставила на ее лице ни одного из тех грубых следов, которые свидетельствуют о внутренней борьбе и беспокойном духе. Целомудренная печаль облагородила и смягчила выражение ее лица, а то, что оно потеряло вследствие утраты зрения, было возмещено тем выражением спокойствия, которым отличаются лица слепых. Со своими серебристыми волосами, выбившимися из-под белоснежного чепчика, она была прежняя Мэри, выигравшая во внешности и развившаяся с примесью чего-то небесного и ангельского.

- Вы найдете человека, который присмотрит за коттеджем, - сказала она священнику, который сидел спиной к Джону. - Выберите какого-нибудь бедного достойного человека в приходе, который будет рад даровому жилищу. А когда он придет, вы скажите ему, что я ждала его, пока не была вынуждена уйти, но он найдет меня там по-прежнему верной и преданной ему. Здесь немного денег только несколько фунтов, но я хотела бы, чтобы они достались ему, когда он придет, так как он, может быть, будет нуждаться в них, и тогда вы скажите человеку, которого вы поместите в коттедже, чтобы он был ласков с ним, так как он будет огорчен, бедняжка, и скажите ему, что я была весела и счастлива до конца. Не говорите ему, что я беспокоилась когда-нибудь, чтобы он также не стал беспокоиться.

Джон тихо слушал все это за дверью и не раз был готов схватить себя за горло, чтобы удержать рыдания, но когда она кончила и он подумал о ее долгой, безупречной, невинной жизни и увидел дорогое лицо, смотрящее прямо на него и, однако, неспособное увидеть его, то почувствовал что его оставляет мужество, и разразился неудержимыми, прерывистыми рыданиями, которые потрясли все его тело. И тогда случилась странная вещь, так как, хотя он не сказал ни слова, старая женщина протянула к нему свои руки и вскрикнула: "О, Джонни, Джонни! О, дорогой, дорогой Джонни, вы вернулись ко мне опять!" И прежде чем священник мог понять, что случилось, эти два верных любовника держали друг друга в объятиях; их слезы смешались, их серебристые головы прижались друг к другу, их сердца были так полны радости, что это почти вознаградило их за пятьдесят лет ожидания.

Трудно сказать, как долго предавались они радости. Это время показалось им очень коротким - и очень длинным почтенному джентльмену, который думал, наконец, скрыться, когда Мэри вспомнила о его присутствии и о вежливости, которую обязана иметь по отношению к нему.

- Мое сердце полно радости, сэр, - сказала она. - Божья воля, что я не могу видеть моего Джонни, но я могу представлять его себе так же ясно, как если бы он был перед моими глазами. Теперь встаньте, Джон, и я покажу джентльмену, как хорошо я помню вас. Ростом он будет до второй полки; прям, как стрела, его лицо смугло, а его глаза светлы и ясны. Его волосы почти черны и усы также. Я не удивилась бы, если бы узнала, что у него в настоящее время есть также бакенбарды. Теперь, сэр, не думаете ли вы, что я могу обойтись без зрения?

Священник выслушал ее описание и, посмотрел на изнуренного, седовласого человека, стоявшего перед ним, не зная, смеяться ему или плакать.

К счастью, все кончилось благополучно. Был ли то естественный ход болезни, возвращение Джона подействовало ли благоприятно на ее течение, достоверно только то, что начиная с этого дня, здоровье Мэри стало постепенно улучшаться, пока она совершенно не выздоровела.

- Мы не будем венчаться потихоньку, - решительно говорил Джон, - а то как будто мы стыдимся того, что сделаем, как будто бы мы не имеем большего права венчаться, чем кто бы то ни был в приходе.

Итак, было сделано церковное оглашение и три раза объявлено, что Джон Хёксфорд, холостяк, и Мария Хаудлен, девица, намереваются сочетаться браком, и так как никто не представил возражений, то они были надлежащим образом обвенчаны.

- Мы, может быть, не очень долго будем жить в этом мире, - сказал старый Джон, - но по крайней мере мы спокойно перейдем в другой мир.

Доля Джона в Квебекском предприятии была ликвидирована, и это дало повод к возбуждению весьма интересного юридического вопроса, мог ли он, зная, что его имя Хёксфорд все-таки

подписать именем Харди, как это было необходимо для окончания дела. Было решено, однако же, что если он представит двух достойных доверия свидетелей своего тождества, то все обойдется, так что имущество было реализовано и дало в результате весьма приличное состояние. Часть его Джон употребил на постройку красной виллы как раз за Бриспортом, и сердце собственника на набережной террасы подпрыгнуло от радости, когда он узнал, что коттедж будет, наконец, покинут и не будет больше нарушать симметрию и ослаблять эффекта ряда аристократических домов.

И там, в этом уютном новом доме, сидя на лужайке в летнее время и у камина в зимнее, эта достойная старая чета продолжала жить много лет невинно и счастливо, как двое детей. Те, кто знал их хорошо, говорят, что никогда между ними не было и тени несогласия, и что любовь, которая горела в их старых сердцах, была так же высока и священна, как любовь любой молодой четы, которая когда-либо стояла у алтаря. И по всей окрестной стране, всякому, кто, будь он мужчина или женщина, был в горе и изнемогал в борьбе с тяжелыми обстоятельствами, стоило только пойти на виллу, и он получал помощь и то сочувствие, которое более ценно, чем сама помощь. Так что, когда, наконец, Джон и Мэри, достигнув преклонного возраста, заснули навеки, один через несколько часов после другой, между оплакивавшими их были все бедные, нуждающиеся и одинокие люди прихода, которые, разговаривая о горестях, которые оба они перенесли так мужественно, приучались к мысли, что их собственные несчастья также только преходящие вещи, и что вера и правда получают вознаграждение в этом или в будущем мире.

Ссора

Буря начинается легким движением воздуха, чуть заметным дуновением ветерка. Затем ветерок свежее, усиливается, превращается в крепкий ветер, доходит до силы шторма; наконец, начинает слабеть, проходя снова те же ступени, только в обратном порядке - шторм, крепкий ветер, свежий ветер, и легкое движение воздуха - чуть заметное дуновение ветерка.

Виноват во всем был Франк. Он в этот день измучился над работой и над денежными вопросами, что нередко бывает с молодыми людьми, амбиции которых оцениваются четырьмястами фунтов ежегодного дохода. А у него имелись еще кроме того нервы. Будь Франк идеальным человеком, это обстоятельство не имело бы значения.

В самом деле, умение управлять тончайшими нитями нервов, умение заставить их повиноваться вам и разуму - это умение есть неотъемлемое свойство идеального мужчины. Это есть высшая победа духа над материей, победный венок героя. Но увы, Франк был далек от господства над своей душой. Он был нервен и легко выходил из себя.

Его нельзя было обвинять за нервную слабость, но читать вслух книгу, переполненную невозможно запутанными фразами, - от этого-то он во всяком случае мог бы удержаться. Если женщина любит мужчину, он может читать ей "Энциклопедический Словарь" хоть с конца - она будет сидеть у его ног и слушать часами, и просить еще и еще. Но мужчина не должен выказывать при этом своего превосходства над ней. Франку лучше всего было бы воздержаться от чтения "Оснований Восточной Церкви" немедленно же после ужина; а если уж ему так хотелось читать, он должен был приготовиться быть снисходительным.

"Бежав от роскоши и соблазнов Александрии, благородный юноша направил свои стопы в мрачные скалистые окрестности Фив, где жил несколько лет анахоретом". Такова была фраза, которая послужила яблоком раздора.

- Что такое анахорет, Мод? - спросил Франк.

Эти глупейшие вопросы! Как будто значение этого слова было Бог весть как важно.

Мод улыбнулась мужу, но в глазах ее показалось тревожное выражение.

- У вас нет ни капли здравого смысла, Франк, - сказала она.

- Отвечайте же, дорогая. Что оно значит, это слово?

- Ну, а как вы объясняете его?

- Нет, нет, Мод, это не пройдет. Вы, право, должны были бы знать это слово?

- Почему вы знаете, что я не знаю его?

- Коли так - что оно значит?..

- О, читайте дальше!
- Нет, сперва вы ответите мне.
- Отвечу - что? Вы в самом деле становитесь невозможны.
- Что такое анахорет?

Мод собралась с духом.

- Нечто вроде моряка, - проговорила она залпом. - Боже мой! Боже мой! Читайте же, читайте дальше эту интереснейшую книгу.

Франк положил том на колени.

- Какой смысл продолжать чтение? Сколько раз я вам говорил, чтобы вы спрашивали у меня объяснения, когда не понимаете чего-нибудь. Вы, я думаю, и половины прочитанного не поняли.
- Не будьте грубы, Франк.
- Я вовсе не груб.
- Хорошо, как бы это ни называлось, но не будьте таким.
- Я только немного обижен и разочарован. Я читаю, а вы не обращаете на это никакого внимания. Вам лень побеспокоить себя вопросом. Вы не хотите читать книг, которые я люблю.
- Вы несправедливы, Франк! Да, да - вы страшно несправедливы. Вы не знаете, что я прочла тот пятитомный труд в голубых переплетах, что стоит на второй полке; и я прочла его от доски до доски для того только, чтобы угодить вам.
- Не думаю, чтобы вы помнили из него хоть слово.
- Пять недель! - дрожащими губами воскликнула Мод. - За эти пять недель я ничего другого не читала. А теперь - вы же говорите мне такие ужасные вещи.
- А что я сказал?
- Что я не интересуюсь вещами, которые нравятся вам. Вы представить себе не можете, как это оскорбляет меня. Если вы, в самом деле, думаете так, почему вы не женились на мисс Мэри Сомервилль?
- Это кто такая?
- А-га! Видите, есть вещи, которых и вы, в свою очередь, не знаете! Это очень умная и известная женщина.
- А! Это та, знаменитая! Да она умерла пятьдесят лет назад.
- Ну, тогда на другой, вроде нее. Почему вы не сделали предложения этой мисс Алисе Мортимер, которая была на пикнике и разговаривала об архитектуре старинного замка?
- Ах, это та, которую я еще нашел хорошенькой?
- Вот, вот! Вы еще в башню с ней пошли, чтобы сообщить ей это. Она была бы способна говорить с вами в течение часа об... об анахоретах. Вы, верно, все время думаете о мисс Алисе Мортимер.

- Клянусь вам, что ее имя не приходило мне в голову после пикника вплоть до сегодняшнего дня. Я вряд ли могу считаться ее знакомым. Вы положительно неразумны.

- Я вызубрила всю хронологию английских королей. Вам известно это. И я знала их отлично всех, кроме Генрихов. Вы сами сказали это. А теперь, вы говорите мне такие страшные вещи. Я представить себе не могу, чего ради вы пожелали жениться на мне. Зачем вам жена? Вы должны были жениться на ходячем словаре. Только... только подумать, что всему должен был наступить такой конец! - Мод начала рыдать, утираясь своим до смешного маленьким платком.

Франк отложил книгу в сторону и с сердитым лицом принялся набивать трубку.

- Ну, что я такое сделал? - угрюмо спросил он.

- Вы были... вы вели себя отвратительно, - всхлипывая, говорила Мод Вы так переменились! Вспомните первое время нашего знакомства. Разве вы спрашивали у меня тогда значение слов, разве говорили со мной так грубо за то, что я не знаю их? Вот если бы вы сразу после того, как были представлены мне, спросили бы: "Ну-с, мисс Сельвин, а что такое анахорет?" - это было бы честным поступком. Я бы знала, чего мне ждать впереди. Но вы не задавали мне никаких вопросов.

- Ну, ну! Один-то вопрос я задал вам в то время.

- Да, тот, на который я дала ошибочный ответ.

- О, Мод! Это жестоко говорить такие вещи.

- Вы сами заставляете меня говорить так.

- Я не сказал ничего нелюбезного.

- Нет, вы массу грубостей мне наговорили. Вы и сами не знаете, каким вы можете быть грубияном. У вас на лице появляется упорное выражение, и вы начинаете говорить отвратительные вещи.

- Что же я такое сказал?

- Что я всегда была глупой девочкой, и что вы были бы рады, если бы женились на Алисе Мортимер.

- О, Мод! Как можете вы?..

- Вы, конечно, подразумевали это.

- Вы положительно невозможны!

- Вот опять! Ну сознайтесь сами! Разве это любезно, говорить такие вещи? А через пять минут вы готовы будете клясться, что никогда не говорили мне: "Вы невозможны".

- Простите меня, дорогая. Мне не следовало говорить этого. Я хотел сказать только, что мне никогда и не снилось ни слова из того, что вы тут мне приписали. Я не встречал еще никогда другой такой живой и милой женщины, как вы. И само собой во всем свете нет женщины, которую я предпочел бы вам.

Из-за измятого платка показалась пара вопрошающих недоверчивых голубых глаз.

- Честное, благородное слово?

- Клянусь вам! Подите сюда! Теперь вы верите, что это правда, не так ли?

Тут настало долгое молчание.

- Сколько во мне злости, - начала затем Мод.

- Это все моя дурацкая, неуклюжая манера говорить.

- Дорогой мой мальчик, вы вполне правы, когда хотите научить меня чему-нибудь. Вы так добры. Но я люблю вас так сильно, что при малейшем намеке на ссору, которая хоть на секунду разъединит нас, я моментально погружаюсь в отчаяние и способна сказать или сделать самую невозможную вещь. Я исправляюсь, уверяю вас, исправляюсь. Но смогу добиться этого только, если заставляю себя любить вас меньше.

- Ради бога, только не меняйтесь, любовь моя! - вскричал Франк. - Я знаю, что вы говорите правду, я сам ощущаю то же самое. Для меня небо темнеет и свет меркнет, как только между нами мелькнет хоть тень раздора. Но мне кажется, что эти размолвки необходимая принадлежность любви; они очищают любовь и придают ей новую силу, точно гроза, которая освежает душную атмосферу июльского дня. Ведь, вот, как мы с вами любим и уважаем друг друга, А все-таки и мы...

- Я прямо не понимаю, с чего это вдруг происходит, - заметила Мод.

- Мне кажется, это заложено в самой глубине истинной любви. Она, эта любовь, так чутка, что

отзывается со страшной силой на малейший пустяк. Она так пуглива, что видит тень там, где ее нет и в помине. Малейшая трещинка кажется ей бездонной пропастью. И она вскрикивает, и ужасается, и кидается в бой с воображаемой опасностью.

- Ах, какой ужас! - Мод вздрогнула и крепче прижалась к груди мужа.

- Но как приятно чувствовать, что эти размолвки не враг, а скорее замаскированный друг, что они скорее закрепляют любовь, чем разрушают ее.

- Но нам ведь нет нужды подкреплять нашу любовь, Франк? - спросила боязливо Мод.

Так они сидели, эта неразумная молодая пара, всецело поглощенная своим собственным счастьем, и нимало не сознающая, что эти тернии и розы любви, обычная дорожка миллионов и миллионов людских парочек, которая не пройдет, доколе стоит мир. Летят в бездну бытия народы, сменяются династии, грандиознейшие революции в политике и промышленности потрясают человечество, и лишь интимная жизнь людей остается неизменной.

Наша парочка долго сидела, обдумывая в молчании странность явлений природы.

- Вы теперь не сердитесь больше, Мод?

- О, нет, нет, но... как вы находите, Франк, уступила ли бы мисс Мортимер, если бы она была вашей женой?

- Вы несравненно лучше ее. Вы лучшая жена, какую когда-либо имел мужчина.

- Я постараюсь стать еще лучше.

- Нет, нет; пожалуйста оставайтесь, какая вы есть.

- Ах, да, Франк...

Мод была удивительно мила со своим задумчиво-любопытным выражением лица.

- Да, моя радость?

- А вы не будете сердиться?

- Нет, нет, никогда не буду.

- Ну, так вот... - голос ее перешел в шепот, - что такое анахорет?

- О, повесить бы его! Не все ли вам равно?

- Но я правда, хотела бы знать.

- О, это просто-напросто отшельник. Люди этого сорта жили в кельях в Египте, на материке Европы, и даже в Англии.

- В Англии?

- Да, дорогая.

- В нее они приезжали из чужих стран?

- Да, думаю, что так. Их было несколько в Глестонбюри и еще в некоторых местностях.

- Но каким же образом они переезжали в Англию?

- А на кораблях, конечно.

Мод самодовольно улыбнулась и прильнула лицом к куртке мужа.

- Ах, вы, глупый, глупый мальчик! - звонко засмеялась она. - Вот оно и вышло, что они были "нечто вроде моряка".

Наши ставки на дерби

- Боб! - крикнула я.

Никакого ответа.

- Боб!

Нарастающий бурный храп и протяжный вздох.

- Проснись же, Боб!

- Что стряслось, черт побери?! - произнес сонный голос.

- Пора завтракать, - пояснила я.

- Подумаешь, завтракать! - донесся из постели мятежный ответ.

- И тебе, Боб, письмо, - добавила я.

- Что же ты сразу не сказала? Тащи его сюда!

Получив такое радушное приглашение, я вошла в комнату брата и примостилась на краешке кровати.

- Получай, - сказала я. - Марка индийская, а почтовый штемпель поставлен в Бриндизи. От кого бы это?

- Не суй нос не в свои дела, Коротышечка, - ответил брат, отбросив со лба спутанные кудри, и, протерев глаза, он сломал сургучную печать.

Я терпеть не могу, когда меня называют Коротышкой. Когда я еще была маленькой, бессердечная нянька наградила меня этим прозвищем, обнаружив диспропорцию между моей круглой серьезной физиономией и коротенькими ножками. А я, право же, не больше коротышка, чем любая другая семнадцатилетняя девушка. На этот раз вне себя от благородного гнева я уже была готова обрушить на голову брата карающую подушку, но меня остановило выражение его глаз: в них загорелся живой интерес.

- А знаешь, Нелли, кто к нам едет? - спросил он. - Твой старый друг!

- Как? Из Индии? Да неужели Джек Хоторн?

- Он самый, - ответил Боб. - Джек возвращается в Англию и намерен погостить у нас. Он пишет, что будет здесь почти одновременно с письмом. Да перестань ты плясать. Свалишь ружья или еще что-нибудь натворишь. Будь пайной и сядь ко мне.

Боб говорил со всей солидностью человека, над кудлатой головой которого уже промчалось двадцать две весны, и потому я уgomонилась и заняла прежнюю позицию.

- То-то будет весело! - воскликнула я. - Но только, Боб, Джек был еще мальчишкой, когда мы видели его в последний раз, а теперь он мужчина. Это уже будет совсем не тот Джек.

- Ну и что же, - ответил Боб, - ты тогда тоже была девочкой - противной маленькой девчонкой с кудряшками, теперь же...

- А что теперь? - спросила я.

Мне показалось, что брат готов сказать мне комплимент.

- Ну, теперь у тебя нет кудряшек, ты выросла и стала еще противнее.

В одном отношении братья благо. Ни одна девица, если бог наградил ее братьями, не может без достаточных оснований вырасти самодовольной.

По-моему, все очень обрадовались, услышав за завтраком, что приезжает Джек Хоторн. "Все" - это моя мама, Элли и Боб. Но когда, захлебываясь от восторга, я объявила эту новость, лицо нашего кузена Соломона Баркера не засияло радостью. Раньше это никогда не приходило мне в голову, но, быть может, юноше нравится Элли и он боится соперника? А иначе зачем бы он, услышав самую обычную вещь, вдруг отодвинул яйцо, сказав, что совершенно сыт, причем таким вызывающим тоном, что все усомнились в его искренности? А Грейс Маберли, подруга Элли, сохранила свое обычное благожелательное спокойствие.

Я же бурно выражала восторг. Мы с Джеком вместе росли. Он был мне как старший брат, пока не поступил в военное училище и не уехал. Сколько раз они с Бобом забирались на яблоню старика Брауна, а я стояла под деревом и собирала в белый передничек их добычу. Как мне помнится, Джек был деятельным участником всех наших проказ. Но теперь он уже лейтенант

Хоторн, участвовал в афганской войне и, по словам Боба, стал "опытным воином". Как же он теперь выглядит? При слове "воин" Джек почему-то представлялся мне в латах и шлеме с перьями, он жаждал крови и рубил кого-то огромным мечом. Я боялась, что после всего этого он уже не захочет принимать участия в шумных играх, шарадах и прочих развлечениях, принятых в Хазерли-хаус.

Все следующие дни кузен Сол явно пребывал в плохом настроении. С трудом удавалось уговорить его быть четвертым, когда играли в теннис; он обнаружил необычайное пристрастие к уединению и курил крепчайший табак. Мы встречали его в самых неожиданных местах: то в глухих уголках сада, то на реке, и, если имелась хоть малейшая возможность избежать с нами встречи, он всякий раз глядел вдаль и делал вид, что совсем не замечает нас. Хотя мы окликали его и махали зонтиками. Он вел себя, конечно, крайне невежливо. Однажды вечером, перед обедом, я все-таки его поймала и, выпрямившись во весь рост пять футов четыре с половиной дюйма, - высказала ему все, что о нем думаю. Такие мои действия Боб именует верхом благотворительности, потому что я при этом раздаю перлы мудрости, которых мне-то самой как раз и не хватает.

Кузен Сол полулежал в качалке перед камином. Держа в руках "Таймс", он меланхолично смотрел поверх газеты в огонь. Я приблизилась к нему сбоку и дала залп из бортовых орудий.

- Мы, кажется, чем-то оскорбили вас, мистер Баркер, - с высокомерной учтивостью заметила я.

- Что вы, Нелл, хотите этим сказать? - спросил Сол, с удивлением глядя на меня.

- Вы, по-видимому, лишили нас чести быть знакомыми с вами, - ответила я, но тут же оставила высокопарный стиль. - Это же просто глупо, Сол! Что с вами?

- Ничего, Нелл. Во всяком случае, ничего достойного внимания. Вы же знаете, через два месяца у меня экзамен по медицине и я много занимаюсь.

- Ах, так! - вскипела я. - Если все дело в этом, мне больше сказать нечего. Разумеется, если вы предпочитаете своим родственникам кости, это ваше право. Конечно, есть молодые люди, которые ведут себя любезно и не прячутся по углам, чтобы учиться, как втыкать ножи в человека. - Дав столь исчерпывающее определение благородной хирургической науке, я с излишней горячностью принялась поправлять на кресле сбившийся чехол.

Я видела, что Сол весело улыбался, глядя на стоявшую перед ним сердитую молодую особу с голубыми глазами.

- Пощадите меня, Нелл, - сказал он. - Вы ведь знаете, я уже на одном экзамене провалился. Кроме того, - Сол стал серьезен, - вам предстоит много развлечений, когда придет этот - как его? - лейтенант Хоторн.

- Уж, во всяком случае, Джек не станет всему предпочитать общество скелетов и мумий.

- Вы всегда называете его Джеком? - спросил Сол.

- Конечно, Джон звучит слишком официально.

- Ах, вот как? - с сомнением произнес мой собеседник.

Моя теория насчет Элси все еще не выходила у меня из головы, и я решила, что дело, пожалуй, можно представить не в столь трагическом свете. Сол встал с качалки и глядел теперь в открытое окно. Я подошла к нему и робко посмотрела в его обычно такое добродушное, а сейчас мрачное лицо. Он был очень застенчив, но я подумала, что сумею заставить его признаться.

- А ведь вы ревнивы, старина, - заметила я.

Он покраснел и посмотрел на меня сверху вниз.

- Я знаю ваш секрет, - смело заявила я.

- Какой секрет? - сказал Сол, еще больше краснея.

- Неважно, но я его знаю. Позвольте мне сказать вам вот что, - еще смелее продолжала я. - Элси и Джек никогда не ладили. Скорее уж Джек влюбится в меня. Мы всегда с ним дружили.

Если бы я воткнула в кузена Сола вязальную спицу, которую держала в руке, то и тогда он

вряд ли подпрыгнул бы выше.

- Бог мой! - воскликнул он, и в сумерках я разглядела, что его темные глаза впились в меня. - Неужели вы на самом деле думаете, что мне нравится ваша сестра?

- Разумеется, - невозмутимо ответила я, не собираясь сдаваться.

Никогда еще ни одно слово не производило такого эффекта. Изумленно ахнув, кузен Сол повернулся и выпрыгнул в окно. Он всегда выражал свои чувства довольно странно, но на этот раз оригинальность его поведения меня просто ошеломила. Я вглядывалась в сгущавшиеся сумерки. И вдруг на фоне лужайки передо мной возникло смущенное и полное недоумения лицо.

- Мне нравитесь вы, Нелл, - сказала это лицо и сразу исчезло, и я услышала, как кто-то бросился бежать по аллее. Удивительно экстравагантным был этот юноша.

Хотя кузен Сол и заявил о своих симпатиях в присущей ему манере, жизнь в Хазерли-хаус текла по-прежнему. Он не попытался узнать, каковы мои чувства, и несколько дней вообще не касался этой темы. Очевидно, он полагал, что проделал все необходимое в подобных случаях. Однако порой он ставил меня в крайне неловкое положение, когда, внезапно появившись, усаживался напротив и молча устремлял на меня упорный взгляд, от которого мне становилось просто страшно.

- Не надо, Сол, - как-то сказала я ему. - У меня от этого мурашки по коже бегают.

- Но почему, Нелл? - спросил Сол. - Разве я вам совсем не нравлюсь?

- Да нет, нравитесь, - ответила я. - Лорд Нельсон мне тоже нравится, но мне было бы не очень приятно, если бы сюда явился его памятник и целый час на меня глядел.

- А почему вы вдруг заговорили про лорда Нельсона? - спросил кузен.

- Сама не знаю.

- Значит, Нелл, я нравлюсь вам так же, как лорд Нельсон?

- Да, только больше.

Этим лучом надежды бедняге Солу и пришлось удовольствоваться, потому что в комнату бежали Элси и мисс Маберли и нарушили наш *tete-a-tete* [уединение(франц.)].

Кузен мне, конечно, очень нравился... Я знала, какая чистая, преданная душа скрывается под его невозмутимой внешностью. Но мысль о том, чтобы иметь возлюбленным Сола Баркера, того самого Сола, чье имя служило синонимом застенчивости, была нелепа. Отчего он не влюбился в Грейс или Элси? Они-то уж знали бы, как с ним обойтись: они были старше меня и сумели бы поощрить его или отвергнуть, по своему усмотрению. Но Грейс слегка флиртовала с моим братом Бобом, а Элси словно вообще ничего не замечала. Мне вспоминается один случай, характерный для кузена, и я не могу не упомянуть о нем здесь, хотя случай этот никак не связан с моим повествованием. Произошел он, когда Сол впервые приехал в Хазерли-хаус.

Однажды нам нанесла визит жена приходского священника, и принимать ее пришлось мне и Солу. Сначала все шло хорошо. Вопреки обыкновению Сол был весел и разговорчив. К несчастью, им овладел жар гостеприимства, и, несмотря на все мои знаки и подмигивания, он спросил гостью, не желает ли она выпить бокал вина. На беду, вино в доме как раз кончилось, и, хотя мы уже написали в Лондон, новая партия вин еще не прибыла. Затаив дыхание, я ждала, что ответит гостья, надеясь, что она откажется, но, к моему ужасу, она охотно приняла предложение Сола.

- Не трудись звонить, Нелл, - сказал Сол, - я исполню роль дворецкого. - И с безмятежной улыбкой направился к стенному шкафу, где хранилось вино. Только забравшись в него, Сол внезапно припомнил, как утром кто-то сказал, что вино кончилось. Сол оцепенел от ужаса и до окончания визита миссис Солтер просидел в шкафу, решительно отказываясь выйти, пока гостья не удалилась. Если бы можно было сделать вид, что из шкафа есть выход, или дверь в другую комнату, дело, обстояло бы не так скверно, но я знала, что расположение нашего дома известно миссис Солтер не хуже, чем мне. Она прождала возвращения Сола почти час, а затем удалилась, глубоко возмущенная.

- Дорогой, - сказала она, описывая случившееся своему супругу и от гнева впадая в библейский тон, - шкаф, казалось, разверзся и поглотил его!

Однажды утром Боб вышел к завтраку, держа в руках телеграмму.

- Джек приезжает с двухчасовым.

Я видела, что Сол посмотрел на меня с укором, но это не помешало мне выразить свою радость.

- Вот уж начнется веселье, когда он придет! - сказал Боб. - Станем ловить в пруду бреднем рыбу и всячески развлекаться. Верно, Сол?

Сол, видимо, почувствовал слишком большую радость: он даже не смог выразить ее словами и в ответ лишь что-то буркнул.

В то утро я долго раздумывала в саду о Джеке. Я ведь в конце концов становилась уже взрослой девушкой, о чем бесцеремонно напомнил мне Боб. Теперь я должна вести себя осмотрительно. Ведь настоящий мужчина уже взглянул на меня глазами любящего человека. Конечно, не было ничего дурного, что в детстве Джек повсюду ходил за мной и целовал меня, но теперь я должна держать его на расстоянии. Я вспомнила, как Джек подарил мне однажды дохлую рыбу, которую он выловил в хазерлейской речушке, и я бережно хранила ее среди самых драгоценных моих сокровищ, пока наконец тошнотворный запах в доме не заставил мою мать написать мистеру Бартону возмущенное письмо, а он в ответ сообщил, что все трубы в нашем доме вполне исправны. Я должна научиться держаться холодно и с достоинством. Я представила себе нашу встречу и решила ее прорепетировать. Вообразив, что куст остролиста - это Джек, я не спеша приблизилась к нему, сделала глубокий реверанс и, протянув руку, произнесла: "Рада вас видеть, лейтенант Хоторн!" Тут из дома появилась Элси, но ничего не сказала. Однако за завтраком она спросила Сола, наследственная ли болезнь идиотизм, или же она поражает отдельных индивидов; бедняга Сол отчаянно покраснел и так и не смог ей что-либо вразумительно объяснить.

Наш скотный двор выходит на аллею, расположенную между Хазерли-хаус и сторожкой. Я, Сол и мистер Николас Кронин, сын помещика, нашего соседа, отправились туда после завтрака. Такое представительное шествие имело целью утихомирить мятеж в курятнике. Первые известия о восстании доставил в дом юный Бейлис, сын и наследник старика, ходившего за птицей, и меня настоятельно просили прийти. Тут мне следует в скобках объяснить, что наши куры находились исключительно в моем ведении и на птичнике ничего не делалось без моего совета и помощи. Старик Бейлис вышел, прихрамывая, нам навстречу и доложил все подробности переполоха. Оказалось, что у одной хохлатки и у бентамского петуха настолько отросли крылья, что они смогли уже перелететь в парк, и пример этих вожаков оказался таким заразительным, что дух бродяжничества овладел солидными матронами вроде криволапых кохинхинок и они также проникли на запретную территорию. В птичнике состоялся военный совет, и было единодушно решено подрезать непокорным крылья.

Ну и пришлось же нам побегать! "Нам", то есть мне и мистеру Кронину, потому что кузен Сол суетился с ножницами на заднем плане и подбадривал нас криками. Оба преступника, несомненно, знали, что охотятся за ними: они с таким проворством ныряли под кормушки и перелетали через клетки, что вскоре нам уже казалось, будто во дворе мечется целая дюжина хохлаток и бентамских петухов. Остальных кур все происходящее интересовало мало, и только любимая супруга бентамского петуха, взобравшись на крышу курятника, без устали обливала нас презрением. Больше всех осложняли дело утки; к причине переполоха они не имели никакого отношения, но очень сочувствовали беглецам и ковыляли след за ними со всей быстротой, на которую были способны, и поэтому все время путались под ногами у преследователей.

- Все, попалась! - крикнула я, когда хохлатку загнали в угол. Хватайте ее, мистер Кронин! Ах, да вы упустили ее! Упустили! Загороди ей, Сол, дорогу! Боже мой, она бежит ко мне!

- Ловко, мисс Монтегю! - воскликнул мистер Кронин, когда я ухватила пролетающую мимо меня курицу за лапу и зажала ее под мышкой, чтобы она не вырвалась. - Позвольте, я отнесу ее.

- Нет, нет. Вы должны поймать петуха. Вон он, за кормушкой. Забегайте с того края, а я с этого.

- Он убегает через калитку! - крикнул Сол.

- Кыш! Кыш! - закричала я. - Убежал! - И оба мы кинулись за петухом в парк, выскочили на аллею, свернули, и я нос к носу столкнулась с загорелым молодым человеком в костюме из твида, который неторопливо шел к дому.

Я сразу узнала эти смеющиеся серые глаза - ошибиться было невозможно, хотя, мне кажется, если б я даже и не посмотрела на него, инстинкт подсказал бы мне, что передо мной Джек. Как могла я сохранить достоинство с хохлаткой под мышкой? Я попыталась выпрямиться, но злосчастной курице показалось, что она обрела защитника, и она закудаhtала громче прежнего. Я махнула на все рукой и засмеялась, и Джек вместе со мной.

- Как поживаете, Нелл? - спросил он, протягивая мне руку, и тут лее удивленно добавил: - Да вы же стали совсем другой!

- Ну да, прежде у меня под мышкой не было хохлатки, - ответила я.

- Ну кто бы мог подумать, что маленькая Нелл может превратиться в женщину? - Джек никак не мог прийти в себя.

- Не ожидали же вы, что я превращусь в мужчину? - с возмущением спросила я. Но тут же оставила церемонный тон. - Мы ужасно рады, Джек, вашему приезду. В дом попасть вы еще успеете, а сейчас помогите нам изловить бентамского петуха.

- С удовольствием, - весело, как встарь, ответил Джек, все еще не сводя глаз с моего лица. - Вперед! - И мы все трое стремглав бросились в парк, а бедняга Сол в тылу поощрял нас криками, с ножницами и пленницей в руках. Когда Джек явился поздороваться с моей матушкой, вид у него был весьма помятый, а мое намерение вести себя с ним сдержанно и с достоинством развеялось, как дым.

В тот май в Хазерли-хаус собралось большое общество. Боб, Сол, Джек Хоторн и мистер Николас Кронин; а кроме них, мисс Маберли, и Элси, и мама, и я. В случае необходимости, когда играли в шарады или ставили любительский спектакль, мы всегда могли раздобыть зрителей, пригласив пять-шесть соседей. Мистер Кронин, веселый, атлетического сложения оксфордский студент, оказался замечательным приобретением, просто удивительно, как он умел придумывать и устраивать всяческие затеи. Джек в значительной мере утратил былую живость, и все мы дружно объявили, что он, разумеется, влюблен. Выглядел он при этом не менее глупо, чем выглядит в таких случаях любой молодой человек, но даже не пытался отпираться.

- Что будем делать сегодня? - спросил как-то утром Боб. - Кто что может предложить?

- Ловить рыбу в пруду, - сказал мистер Кронин.

- Мало мужчин, - ответил Боб. - Что еще?

- Мы должны сделать ставки на дерби, - заметил Джек.

- Ну, для этого времени хватит. Скачки состоятся лишь через две недели. Что еще?

- Теннис? - неуверенно предложил Сол.

- Надоело.

- Вы можете устроить пикник в хазерлейском аббатстве, - предложила я.

- Отлично! - воскликнул мистер Кронин. - Лучше не придумаешь.

- Как твое мнение, Боб?

- Первоклассно, - ответил брат, ухватившись за подсказанную мысль. Пикники необычайно привлекают тех, чьим сердцем еще только овладевает нежная страсть.

- А как мы туда доберемся, Нелл? - спросила Элси.

- Я-то совсем не пойду, - ответила я. - Мне бы очень хотелось, только надо посадить папоротники, которые раздобыл для меня Сол. Добираться туда лучше пешком. Тут всего три мили, а юного Бейлиса с корзиной провизии можно послать вперед.

- Ты пойдешь, Джек? - спросил Боб.

Новая помеха: накануне лейтенант вывихнул себе лодыжку. Тогда он об этом никому не сказал. Но теперь лодыжка начала болеть.

- Слишком далеко для меня, - сказал Джек. - Три мили туда да три обратно!

- Пойдем. Не ленись же, - бросил Боб.

- Дорогой мой, - ответил лейтенант, - я уже столько отшагал, что с меня хватит до самой могилы. Видели бы вы, как наш brave генерал заставил меня пройти от Кабула до Кандагара, - вы бы мне посочувствовали.

- Оставьте ветерана в покое, - сказал мистер Кронин.

- Сжальтесь над измученным войной солдатом, - заметил Боб.

- Ну, довольно смеяться, - сказал Джек и, просияв, добавил: - Вот что. Я возьму, Боб, если разрешишь, твою двуколку, и, как только Нелл посадит свои папоротники, мы к вам приедем. И корзинку можем взять с собой. Вы поедете, Нелл, правда?

- Хорошо, - ответила я.

Боб согласился с таким оборотом дела, и так как все остались довольны; за исключением мистера Соломона Баркера, который весьма злобно посмотрел на лейтенанта, то сразу начались сборы, и вскоре веселое общество пустилось в путь.

Просто удивительно, до чего быстро прошла больная лодыжка после того, как последний из участников пикника скрылся за поворотом аллеи. А к тому моменту, когда папоротники были посажены и двуколка готова, Джек уже был весел и, как никогда, полон энергии.

- Что-то уж очень внезапно вы поправились, - заметила ему я, когда мы ехали по узкой, извилистой проселочной дороге.

- Да, - ответил Джек, - но дело в том, Нелл, что со мной ничего и не было. Просто мне надо поговорить с вами.

- Неужели вы способны прибегнуть ко лжи, лишь бы поговорить со мной? сказала я с упреком.

- Хоть сорок раз, - твердо ответил Джек.

Я попыталась измерить всю глубину коварства, таившегося в Джеке, и ничего не ответила. Меня занимал вопрос: была бы Элси польщена или рассердилась, если бы кто-нибудь солгал ради нее столько раз?

- Когда мы были детьми, мы очень дружили, Нелл, - заметил мой спутник.

- Да. - Я глядела на полость, закрывавшую мне колени. Как видите, к этому времени я уже приобрела кое-какой опыт и научилась различать интонации мужского голоса, что невозможно без некоторой практики.

- Кажется, теперь я вам совсем безразличен, не то что тогда, продолжал Джек.

Шкура леопарда на моих коленях по-прежнему поглощала все мое внимание.

- А знаете, Нелл, - продолжал Джек, - когда я мерз в палатке на перевалах среди гималайских снегов, когда я видел перед собой вражеские войска, да и вообще, - голос Джека внезапно стал жалобным, - все время, пока я был в этой гнусной дыре, в Афганистане, я не переставал думать о маленькой девочке, которую оставил в Англии...

- Неужели? - пробормотала я.

- Да, я хранил память о вас в сердце, а когда я вернулся, вы уже перестали быть маленькой девочкой. Вы, Нелли, превратились в прелестную женщину и, наверное, забыли те далекие дни.

От волнения Джек заговорил очень поэтично. Он предоставил старенькому гнедому полную свободу, и тот, остановившись, мог вволю любоваться окрестностями.

- Послушайте, Нелли, - сказал Джек, вздохнув, как человек, который готов дернуть шнур и открыть душ, - походная жизнь учит, в частности, сразу брать то хорошее, что тебе встречается. Раздумывать и колебаться нельзя: пока ты размышляешь, другой может тебя опередить.

"Вот оно, - в отчаянии подумала я. - И тут нет окна, в которое Джек, сделав решительный шаг, мог бы выпрыгнуть".

После признания бедняги Сола любовь для меня ассоциировалась с прыжками из окон.

- Как вам кажется, Нелл, стану ли я вам когда-нибудь настолько дорог, чтоб вы решились разделить мою судьбу? Согласитесь вы стать моей женой?

Он даже не соскочил с двуколки, а продолжал сидеть рядом со мной и жадно смотрел на меня своими серыми глазами, а пони брел себе по дороге, пощипывая то слева, то справа полевые цветы. Было совершенно очевидно, что Джек намерен получить ответ. Я сидела, потупившись, и вот мне показалось, что на меня смотрит бледное, застенчивое лицо, и я слышу, как Сол признается мне в любви. Бедняга! И во всяком случае, он признался первым.

- Вы согласны, Нелл? - снова спросил Джек.

- Вы мне очень нравитесь, Джек, - ответила я, тревожно взглянув на него, - но... - как изменилось его лицо при этом коротеньком слове! - мне кажется, не настолько. И, кроме того, я ведь, еще очень молода. Наверное, ваше предложение должно быть для меня очень лестно и вообще, только... вы не должны больше думать обо мне.

- Значит, вы мне отказываете? - спросил Джек, слегка побледнев.

- Почему вы не пойдете к Элси и не сделаете предложение ей? - в отчаянии воскликнула я. - Отчего все вы идете ко мне?

- Элси мне не нужна, - ответил Джек и так ударил кнутом пони, что привел это добродушное четвероногое в немалое изумление. - Почему вы сказали "все"?

Ответа не последовало.

- Теперь мне все понятно, - с горечью сказал Джек. - Я уже заметил, что с тех пор, как я приехал, этот ваш кузен ни на шаг от вас не отходит. Вы обручены с ним?

- Нет, не обручена.

- Благодарение богу! - благочестиво воскликнул Джек. - Значит, я еще могу надеяться. Может быть, со временем вы и передумаете. Скажите мне, Нелли, вам нравится этот дуралей-медик?

- Он не дуралей, - возмутилась я, - и он нравится мне так же, как вы.

- Ну, в таком случае он вам вовсе не нравится, - надувшись, заметил Джек. И мы больше не проронили ни слова до тех пор, пока оглушительные крики Боба и мистера Кронина не возвестили о близости остальных участников пикника.

Если пикник и удался, то только благодаря стараниям этого последнего. Из четырех участвовавших в пикнике мужчин трое были влюблены - пропорция неподходящая, - и мистеру Кронину приходилось поистине быть душой общества, чтобы поддержать веселье вопреки этому неблагоприятному обстоятельству. Очарованный Боб был всецело поглощен мисс Маберли, бедняжка Элси прозябала в одиночестве, а оба моих поклонника были заняты тем, что попеременно свирепо смотрели то друг на друга, то на меня. Мистер Кронин, однако, мужественно боролся с общим унынием, был любезен со всеми и с одинаковым усердием обследовал развалины аббатства и откупоривал бутылки.

Кузен Сол был особенно мрачен и угнетен. Он, конечно, думал, что мы заранее сговорились с Джеком проехаться вдвоем. И, однако, в глазах его сквозило больше печали, чем злости, а Джек, должна с огорчением заметить, был явно зол. Именно поэтому после завтрака, когда мы пошли гулять по лесу, я выбрала себе в спутники моего кузена. Джек держался с невыносимой самоуверенностью собственника, и я хотела раз и навсегда положить этому конец. Сердилась я на него и за то, что он вообразил, будто я, отказав ему, его обидела, и за то, что он пытался дурно говорить про бедного Сола за его спиной. Я совсем не была влюблена ни в того, ни в другого, но мое детское представление о честной игре не позволяло мне мириться с тем, чтобы кто-либо из моих поклонников прибегал к нечестным приемам. Если бы не появился Джек, я, наверное, в конце концов приняла бы предложение кузена, но, с другой стороны, если б не Сол, я бы никогда не отказала Джеку. А сейчас они оба мне слишком нравились, чтобы предпочесть одного другому. "Чем же все это кончится?" - думала я. Надо на что-то решиться, а быть может, лучше выждать и посмотреть что принесет будущее.

Сол немного удивился, когда я выбрала в спутники его, но принял мое приглашение с благодарной улыбкой. Он, несомненно, испытал большое облегчение.

- Значит, я не потерял тебя, Нелл, - пробормотал он, когда голоса остальных уже все глуше

долетали до нас из-за громадных деревьев.

- Никто не может потерять меня, - сказала я, - потому, что пока меня еще никто не завоевал. Пожалуйста, не надо об этом. Почему ты не можешь говорить просто, без противной сентиментальности, как говорил два года назад.

- Когда-нибудь ты это узнаешь, Нелл, - с укором ответил мне Сол. Когда влюбишься сама, тогда ты поймешь.

Я недоверчиво фыркнула.

- Присядь, Нелл, вот тут, - сказал кузен Сол, подведя меня к пригорку, поросшему мхом и земляникой, и сам пристраиваясь рядом на пенке. - Я только прошу тебя ответить мне на несколько вопросов и больше не стану тебе надоедать.

Я покорно уселась, сложив ладони на коленях.

- Ты обручена с лейтенантом Хоторном?

- Нет, - решительно ответила я.

- Он тебе нравится больше, чем я?

- Нет, не больше.

Термометр счастья Сола сделал скачок вверх до ста градусов в тени, не меньше.

- Значит, Нелли, я тебе нравлюсь больше? - сказал он очень нежно.

- Нет.

Температура снова упала до нуля.

- Ты хочешь сказать, что для тебя мы оба совсем одинаковы?

- Да.

- Но ведь когда-нибудь тебе придется сделать выбор, ты знаешь, - сказал кузен Сол с легким укором.

- Ну до чего же хочется, чтобы вы мне не надоедали! - воскликнула я, рассердившись, как частенько делают женщины, когда они не правы. - Обо мне вы совсем не думаете, не то бы вы меня не терзали. Вы вдвоем доведете меня до сумасшествия.

Тут я начала всхлипывать, а баркеровская фракция, потерпев поражение, пришла в совершеннейшее смятение.

- Пойми же, Сол, - сказала я, улыбаясь сквозь слезы при виде его горестной физиономии. - Ну представь себе, что ты вырос вместе с двумя девочками и обеих очень полюбил, но никогда не предпочитал одну другой и не помышлял жениться на одной из них. И вдруг тебе говорят, что ты должен выбрать одну и тем самым сделать очень несчастной другую. Так, по-твоему, это легко сделать?

- Наверное, нет, - сказал студент.

- Тогда ты не можешь меня винить.

- Я не виню тебя, Нелли, - ответил он, ударив тростью по громадной лиловой поганке. - Я думаю, ты совершенно права, желая разобраться в своих чувствах. По-моему, - продолжал он, с запинкой, но честно высказывая свои мысли, как и подобает истинному английскому джентльмену, каким он и был, по-моему, Хоторн - отличный малый. Он повидал на своем веку гораздо больше моего и всегда говорит и делает именно то, что надо, а мне этого как раз и не достаёт. Он из прекрасной семьи, перед ним открыто хорошее будущее. Я могу быть тебе только благодарен, Нелл, за твои колебания, - они говорят о твоей доброте.

- Давай никогда больше об этом не говорить, - сказала я, а сама подумала: насколько же он благороднее того, кого хвалил. - Смотри, я весь жакет выпачкала этими мерзкими поганками. Не лучше ль нам присоединиться к остальным? Интересно, где они сейчас?

Вскоре мы это узнали. Сначала мы услышали разносившиеся по длинным просекам крики и

смех, а когда пошли в ту сторону, с изумлением увидели, что всегда флегматичная Элси, как стрела, несется по лесу - шляпа у сестры слетела, волосы развеваются по ветру. Сначала я подумала, что стряслось что-нибудь ужасное - вдруг на нее напали разбойники или бешеная собака, - и я заметила, что сильная рука моего спутника крепко стиснула трость. Но тут же выяснилось, что ничего трагического не произошло, а просто неугомонный мистер Кронин затеял игру в прятки. Как весело было нам бегать и прятаться среди хазерлейских дубов! А как ужаснулся бы старик аббат, посадивший эти дубы, и многие поколения облаченных в черные рясы монахов, бормотавших в их благодатной тени свои молитвы! Джек, сославшись на вывихнутую лодыжку, играть в прятки отказался и, полный негодования, лежал, покуривая в тени, бросая недобрые взгляды на мистера Соломона Баркера, а этот джентльмен с азартом участвовал в игре и отличался тем, что его все время ловили, сам же он никого ни разу не поймал.

Бедный Джек! В этот день ему, несомненно, не незло. Я думаю, что происшествие, случившееся на обратном пути, могло бы выбить из колеи даже поклонника, которому ответили взаимностью. Двуколку с пустыми корзинами уже отправили домой, и было решено, что все пойдут пешком полями. Едва мы перебрались через перелаз, собираясь пересечь участок в десять акров, принадлежавший старику Брауну, как вдруг мистер Кронин остановился и сказал, что лучше нам идти по дороге.

- По дороге? - спросил Джек. - Чепуха! Полеми мы сократим себе путь на целых четверть мили.

- Да, но это весьма опасно. Лучше обойти.

- Что ж нам грозит? - спросил наш воин, презрительно покручивая свой ус.

- Да ничего особенного, - отвечал Кронин. - Вон то четвероногое, что стоит посреди поля - бык, и не слишком-то добродушный. Только и всего. Полагаю, что нельзя позволить идти туда дамам.

- Мы и не пойдем, - хором заявили дамы.

- Так идемте вдоль изгороди к дороге, - предложил Сол.

- Вы идите, где хотите, - холодно сказал Джек, - а я пойду через поле.

- Не валяй дурака, - сказал мой брат.

- Вы, друзья, считаете возможным спасовать перед старой коровой, но я так не считаю. Я должен сохранить к себе уважение. Поэтому я присоединюсь к вам по ту сторону фермы.

С этими словами Джек свирепо застегнул на все пуговицы свой сюртук, легко взмахнул тростью и небрежной походкой двинулся через участок Брауна.

Мы столпились около перелаза и с тревогой следили за ним. Джек старался показать, что он целиком поглощен окружающим ландшафтом и погодой: он с безразличным видом смотрел по сторонам и на облака. Однако его взгляд в конце концов обязательно обращался на быка. Животное, уставившись на незваного гостя, попятилось в тень изгороди, а Джек стал пересекать поле.

- Все в порядке, - сказала я. - Бык уступил ему дорогу.

- А по-моему, бык его заманивает, - сказал мистер Николас Кронин. - Это злобная, хитрая тварь.

Мистер Кронин не успел договорить, как бык отошел от изгороди, стал рыть копытом землю и замотал своей страшной черной головой. Джек, который достиг уже середины поля, притворился, будто не замечает этого маневра, однако слегка ускорил шаг. Затем бык быстро описал два-три круга, внезапно остановился, замычал, опустил голову, поднял хвост и со всех ног устремился к Джеку. Притворяться дальше и не замечать быка было бессмысленно. Джек обернулся и посмотрел на врага. На него несло полтонны рассвирепевшего мяса, а у него в руке была лишь тонкая тросточка, и Джек сделал единственное, что ему оставалось, - поспешил к изгороди на противоположном конце поля.

Сначала он не снизошел до бега и двинулся небрежной рысцой - это был своего рода компромисс между страхом и чувством собственного достоинства, но зрелище было такое нелепое, что, несмотря на испуг, мы все дружно расхохотались. Однако слыша, что стук копыт раздается все ближе, Джек ускорил шаг и в конце концов он уже мчался во весь дух. Шляпа у него слетела, фалды сюртука развевались на ветру, а враг был от него уже в десяти ярдах.

Если бы за ним гналась вся конница Аюбхана, наш афганский герой не смог бы проворнее преодолеть оставшееся расстояние. Как ни быстро он бежал, бык мчался еще быстрее, и оба достигли изгороди почти одновременно. Джек отважно прыгнул в кусты и через мгновение вылетел из них, как ядро из пушки, бык же просунул в образовавшуюся дыру морду, и воздух несколько раз огласился его торжествующим ревом. Мы с облегчением увидели, как Джек поднялся и, не обернувшись в нашу сторону, пошел домой. Когда мы добрались туда, он уже ушел к себе в комнату и только на другой день вышел, прихрамывая, к завтраку с весьма удрученным видом. Однако ни у кого из нас не хватило жестокости напомнить Джеку о вчерашнем происшествии, так что благодаря нашей тактичности он еще до второго завтрака обрел свое обычное хладнокровие.

Дня через два после пикника настало время сделать ставки на дерби. Эту ежегодную церемонию в Хазерли-хаус никогда не пропускали, и желающих приобрести билеты из числа гостей и соседей обычно набиралось столько же, сколько записано было лошадей на скачках.

- Дамы и господа, сегодня вечером будем ставить на дерби, - объявил Боб как глава дома. - Цена билета - десять шиллингов, второй выигравший получает четверть всей суммы, а третьему возвращается его ставка. Каждый может приобрести лишь один билет, и никто не имеет права свой билет продавать. Тянуть билеты будем в семь часов.

Все это Боб произнес весьма напыщенно и официально, но звучное "аминь!", которым заключил его речь мистер Николас Кронин, сильно испортило весь эффект.

Тут я должна на время отказаться от повествования в первом лице. До сих пор я брала отдельные записи из своего дневника, но теперь я должна описать сцену, о которой мне рассказали лишь много месяцев спустя.

Лейтенант Хоторн, или Джек, - не могу удержаться, чтоб не называть его так, - со дня нашего пикника стал очень молчалив и задумчив. И вот случилось так, что в тот день, когда ставили на дерби, мистер Соломон Баркер, прохаживаясь после второго завтрака, забрел в курительную и обнаружил в ней лейтенанта, который сидел в торжественном одиночестве на одном из диванов и курил, погружившись в размышления. Уйти означало бы проявить трусость, и студент, молча усевшись, стал перелистывать "График". Оба соперника немного растерялись. Они привыкли избегать друг друга, а теперь неожиданно оказались лицом к лицу, и не было никого третьего, чтобы послужить буфером. Молчание становилось гнетущим. Лейтенант зевнул и с подчеркнутым безразличием кашлянул, а честный Сол чувствовал себя крайне неловко и угрюмо глядел в газету. Тиканье часов и стук бильярдных шаров по ту сторону коридора казались теперь нестерпимо громкими и назойливыми. Сол бросил взгляд на Джека, но его сосед проделал то же самое, и обоих юношей сразу же необычайно заинтересовал лепной карниз.

"Почему я должен с ним ссориться? - подумал Сол. - В конце концов я ведь только хочу, чтобы игра была честной. Возможно, он меня оборвет, но я могу дать ему повод к разговору".

Сигара у Сола потухла - такой удобный случай нельзя было упустить.

- Не будете ли вы любезны, лейтенант, дать мне спички? - спросил он.

Лейтенант выразил сожаление - он крайне сожалеет, но спичек у него нет.

Начало оказалось плохим. Холодная вежливость была еще более отвратительна, чем откровенная грубость. Но мистер Соломон Баркер, как многие застенчивые люди, сломав лед, вел себя очень смело. Он не желал больше никаких намеков или недомолвок. Настало время прийти к какому-то соглашению. Он передвинул свое кресло через всю комнату и расположился напротив ошеломленного воина.

- Вы любите мисс Нелли Монтегю? - спросил Сол. Джек соскочил с дивана так проворно, словно в окне показался бык фермера Брауна.

- Если даже и так, сэр, - сказал он, крутя свой рыжеватый ус, - какое, черт побери, до этого дело вам?

- Успокойтесь, - сказал Сол. - Садитесь и обсудим все, как разумные люди. Я тоже ее люблю.

"Куда, черт побери, гнет этот малый?" - размышлял Джек, усаживаясь на прежнее место и все еще с трудом сдерживаясь после недавней вспышки.

- Короче говоря, мы любим ее оба, - объявил Сол, подчеркивая сказанное взмахом своего

тонкого пальца.

- Так что же? - сказал лейтенант, проявляя некоторые симптомы нарастающего гнева. - Я полагаю, победит достойнейший, и мисс Монтегю вполне в состоянии сама сделать выбор. Ведь не рассчитывали же вы, что я откажусь от борьбы только потому, что и вы хотите завоевать приз?

- В том-то и дело! - воскликнул Сол. - Один из нас должен отказаться от борьбы. В этом вы совершенно правы. Понимаете, Нелли - то есть мисс Монтегю, - насколько я могу судить, гораздо больше нравиться вы, чем я, но она достаточно расположена ко мне и не хочет огорчать меня решительным отказом.

- По совести говоря, - сказал Джек уже более миролюбиво, - Нелли - то есть мисс Монтегю - гораздо больше нравиться вы, чем я; но все же, как вы выразились, она достаточно расположена ко мне, чтобы в моем присутствии не предпочитать открыто моего соперника.

- Полагаю, что вы ошибаетесь, - возразил студент. - То есть, я это определенно знаю - она сама мне об этом говорила. Тем не менее сказанное поможет нам договориться. Ясно одно: пока оба мы показываем, что в равной мере любим ее, ни один из нас не имеет ни малейшей надежды на успех.

- Вообще-то это разумно, - задумчиво заметил лейтенант, - но что же вы предлагаете?

- Я предлагаю, чтобы один из нас, говоря вашими словами, отказался от борьбы. Другого выхода нет.

- Но кто же из нас? - спросил Джек.

- В том-то и дело!

- Я могу сказать, что познакомился с ней раньше, чем вы.

- Я могу сказать, что полюбил ее раньше, чем вы.

Казалось, дело зашло в тупик. Ни тот, ни другой не имел ни малейшего намерения уступить сопернику.

- Послушайте, так бросим жребий, - сказал студент.

Это казалось справедливым, и оба согласились. Но тут обнаружилась новая трудность. Нежные чувства не позволили им доверить судьбу своего ангела такой случайности, как полет монетки или длина соломинки. И в этот критический момент лейтенанта Хоторна осенило.

- Я знаю, как мы это решим, - сказал он. - И вы и я собираемой ставить на дерби. Если ваша лошадь обойдет мою, я слагаю оружие, если же моя обойдет вашу, вы бесповоротно откажетесь от мисс Монтегю. Согласны?

- При одном условии, - сказал Сол. - До скачек еще целых десять дней. В течение этого времени ни один из нас не будет пытаться завоевать расположение Нелли в ущерб другому. Мы должны договориться, что, пока дело не решено, ни вы, ни я не станем за ней ухаживать.

- Идет! - сказал воин.

- Идет! - сказал Соломон.

И они скрепили договор рукопожатием.

Как я уже упомянула, я не знала об этом разговоре моих поклонников. В скобках замечу, что в это время я была в библиотеке, где мистер Николас Кронин читал мне своим низким, мелодичным голосом стихи Теннисона. Однако вечером я заметила, что оба молодых человека очень волновались, делая ставки на лошадей, и не проявляли ни малейшего намерения быть любезными со мной, и я рада заметить, что судьба их покарала - они вытянули явных аутсайдеров. По-моему, лошадь, на которую поставил Сол, звали Эвридикой, а Джек поставил на Велосипеда. Мистер Кронин вытянул американскую лошадь по кличке Ирокез, а все остальные, кажется, остались довольны. Перед тем как идти спать, я заглянула в курительную, и мне стало смешно, когда я увидела, что Джек изучает спортивные предсказания в "Филде", в то время как внимание Сола целиком поглотила "Газетт". Это внезапное увлечение скачками показалось мне тем более странным, что кузен Сол, как мне было известно, едва мог отличить лошадь от коровы - и то к некоторому удивлению своих

друзей.

Многие из обитателей нашего дома нашли, что последующие десять дней тянулись невыносимо медленно. Однако я этого мнения не разделяла. Возможно, потому, что за это время случилось нечто весьма неожиданное и приятное. Было таким облегчением не бояться больше ранить чувства моих прежних поклонников. Теперь я могла делать и говорить что хотела - ведь они совершенно покинули меня и предоставили мне проводить время в обществе моего брата Боба и мистера Николаса Кронина. Увлечение скачками, казалось, совершенно изгнало из их сердец прежнюю страсть. Никогда еще наш дом не наводняло столько специальных, полученных частным образом сведений и всевозможных низкопробных газетенки, в которых могли оказаться какие-либо подробности относительно подготовленности лошадей и их родословной. Даже конюхи устали повторять, что Велосипед - сын Самоката, и объяснять жадно слушающему студенту-медику, что Эвридика - дочь Орфея и Фурии.

Один из конюхов обнаружил, что бабушка Эвридики по материнской линии пришла третьей в гандикапе Эбора, но он так нелепо вставил полученные за эти сведения полкроны в левый глаз, а правым так подмигнул кучеру, что достоверность его слов могла показаться сомнительной. К тому же вечером за кружкой пива он сказал шепотом:

- Этот дурак ни черта не смыслит, - думает, что за свои полкроны он от меня узнал правду.

Приближался день скачек, и волнение все возрастало. Мы с мистером Крониным переглядывались и улыбались, когда Джек и Сол за завтраком кидались на газеты и внимательно изучали котировку лошадей. Но все достигло кульминации вечером накануне дня скачек. Лейтенант побежал на станцию узнать последние новости и, запыхавшись, вернулся домой, размахивая, как сумасшедший, смятой газетой.

- Эвридику сняли! - крикнул он. - Ваша лошадь, Баркер, не бежит!

- Что? - взревел Сол.

- Не бежит - сухожилие полетело к чертям, и ее сняли!

- Дайте я взгляну. - простонал кузен, хватая газету, потом отшвырнул ее, бросился вон из комнаты и кинулся вниз по лестнице, прыгая через четыре ступеньки. Мы увидели его только поздно вечером, когда он, весь взъерошенный, прокрался в дом и молча проскользнул в свою комнату. Бедняга! Я бы, конечно, ему посочувствовала, если бы он сам не поступил со мной так вероломно.

С этой минуты Джека как подменили. Он сразу же стал настойчиво за мной ухаживать, и это крайне раздражало меня и еще кое-кого в комнате. Джек играл, и пел. затевал игры - словом, узурпировал роль, которую обычно играл мистер Николас Кронин.

Помню, как поразило меня то обстоятельство, что утром того самого дня, когда происходили дерби, лейтенант совершенно перестал интересоваться скачкой. За завтраком он был в отличнейшем расположении духа, но даже не развернул лежавшую перед ним газету. Именно мистер Кронин наконец раскрыл и просмотрел ее.

- Что нового, Ник? - спросил мой брат Боб.

- Ничего особенного. Ах, нет, вот кое-что. Еще один несчастный случай на железной дороге. По-видимому, столкновение, отказали тормоза. Двое убитых, семеро раненых и - черт побери! Послушайте-ка: "Среди жертв оказалась и одна из участниц сегодняшней конской Олимпиады. Острая щепка проткнула ей бок, и из чувства гуманности пришлось положить конец страданиям ценного животного. Лошадь звали Велосипед". Э, да вы, Хоторн, опрокинули свой кофе и залили всю скатерть. Ах! Я и забыл - Велосипед был вашей лошадью, не так ли? Боюсь, у вас нет больше шансов. Теперь фаворитом стал Ирокез, который вначале почти не котировался.

Это были пророческие слова, как, несомненно, подсказывала вам, читатель, по крайней мере на протяжении последних трех страниц ваша проницательность.

Но прежде, чем назвать меня легкомысленной кокеткой, взвесьте тщательно факты. Вспомните, как было задето мое самолюбие, когда мои поклонники внезапно меня бросили; представьте себе мой восторг, когда я услышала признание от человека, которого я любила, хотя даже самой себе боялась в этом признаться. И не забудьте, какие возможности открылись перед ним после того, как Джек и Сол, соблюдая свой глупый уговор стали меня всячески избегать. Взвесьте все, и кто тогда первым бросит камень в маленький скромный

приз, который разыгрывали в тот раз на дерби?

Вот как выглядело это через три коротких месяца в "Морнинг-пост":

"12 августа в Хазерлейской церкви состоится бракосочетание Николаса Кронина, эсквайра, старшего сына Николаса Кронина, эсквайра, Будлендс Кропшир, с мисс Элеонорой Монтегю, дочерью покойного Джеймса Монтегю, эсквайра, мирового судьи Хазерли-хаус".

Джек уехал, объявив, что собирается отправиться на Северный полюс с экспедицией воздухоплателей. Однако через три дня он вернулся и сказал, что передумал, - он намерен по примеру Стенли пешком пересечь экваториальную Африку. С тех пор несколько раз он грустно намекал на свои разбитые надежды и несказанные радости смерти, но, в общем, заметно оправился и в последнее время иногда ворчал: то баранина не дожарена, то бифштекс пережарен, а это симптомы весьма обнадеживающие.

Сол воспринял все гораздо спокойнее, но боюсь, что сердечная рана его была глубже. Однако он взял себя в руки, как славный мужественный юноша, каким он и был, и даже, собравшись с духом, за свадебным завтраком предложил тост за подружек невесты, но безнадежно запутался в торжественных словах и сел на место; все зааплодировали, а он покраснел до ушей. Я узнала, что он поведал о своей горе и разочаровании сестре Грейс Маберли и нашел у нее желанное сочувствие. Боб и Грейс поженились через несколько месяцев, так что надо готовиться к новой свадьбе.

Тайна черного чемодана

I

Мольтон-Чейс - очаровательное старинное имение, в котором семья Клейтонов проживает уже не одну сотню лет. Его нынешний владелец, Гарри Клейтон, богат, и поскольку прелестиями супружеской жизни он наслаждается всего лишь пятый год и пока что не получает к Рождеству счетов из колледжа и школы, то ему хочется, чтобы дом постоянно был полон гостей. Каждого из них он принимает с сердечным и искренним радушием.

Декабрь, канун Рождества. Семья и гости собрались за обеденным столом.

- Белла! Не желаешь ли после обеда принять участие в верховой прогулке? - обратился Гарри к сидевшей напротив него супруге.

Белла Клейтон, маленькая женщина с ямочками на щеках и простодушным под стать своему супругу - выражением на лице, сразу же ответила:

- Нет, Гарри! Только не сегодня, дорогой. Ты же знаешь, что до семи вечера в любую минуту могут приехать Деймеры, и мне не хотелось бы отлучаться из дому, не встретив их.

- А можно ли узнать, миссис Клейтон, кто, собственно, такие эти Деймеры, чей приезд лишает нас нынче вашего милого общества? - осведомился капитан Мосс, друг мужа, который подобно многим красивым мужчинам считал себя вправе быть еще и нескромным.

Но обидчивость менее всего была свойственна натуре Беллы Клейтон.

- Деймеры - мои родственники, капитан Мосс, - ответила она, - во всяком случае, Бланш Деймер - моя кузина.

Черноглазый мужчина, сидевший на другом конце стола, прервал беседу с младшей сестрою миссис Клейтон и прислушался к словам хозяйки.

- Полковник Деймер, - продолжала она, - двенадцать лет прожил в Индии и вернулся в Англию не далее как месяц тому назад. К нам в гости придет впервые, и если дома никого не окажется, будет, право, весьма неловко.

- И что, миссис Деймер тоже так долго жила за границей? - не унимался капитан, и в воображении его рисовалась женщина с пожелтевшей кожей и в стоптанных туфлях на босу ногу.

- Да нет же, Боже мой! - отвечала хозяйка. - Бланш вернулась в Англию еще лет пять назад, и с той поры здоровье не позволяло ей присоединиться к мужу. Гарри, дорогой, мы, кажется, закончили? - бросила она взгляд на стол, и минутой позже посуда исчезла со стола.

Когда миссис Клейтон направилась в детскую, черноглазый мужчина, не сводивший с нее глаз

с той минуты, как она завела разговор о Бланш Деймер, догнал Беллу в коридоре и спросил:

- А вы давно не видели свою кузину, миссис Клейтон?

- Уже года три, мистер Лоренс. Но после этого она серьезно заболела и жила на континенте. А почему это вас так интересует?

- Да как вам сказать, - улыбнулся он, - может быть, я просто немного завидую вашим новым гостям: вы, право, так озабочены их приездом... Они отнимут у нас, бедных, большую часть вашего внимания.

Слова были сказаны с известной долей сарказма, настоящего или мнимого неведомо, но миссис Клейтон оказалась задета за живое:

- Я не замечала за собой привычки пренебрегать гостями, мистер Лоренс, - отвечала она. - И моя кузина Бланш не заставит меня забыть об обязанностях хозяйки, скорее наоборот.

- О, Бога ради, простите меня, - уже вполне серьезно сказал друг мужа. - Вы меня не совсем верно поняли. Вы ведь очень близки с этой леди?

- Да, очень, - отвечала Белла, - мы вместе выросли и любили друг друга, как сестры. Затем она вышла замуж и уехала в Индиго. После ее возвращения мы снова стали встречаться, но потом, как я вам уже рассказывала, Бланш заболела и уехала за границу. С ее мужем я, конечно, знакома не так близко, но успела понять, что он очень хороший и порядочный человек, так что теперь я горю желанием оказать им обоим самый радушный прием. Она очень милая женщина, моя Бланш, и я уверена, она вам понравится.

- Нисколько не сомневаюсь, так оно и будет - ответил г-н Лоренс, - лишь бы она не попыталась привлечь к себе все наши взоры, ведь до сей поры они были устремлены исключительно на вас, миссис Клейтон.

- О, об этом можете не беспокоиться, - озорно рассмеялась маленькая леди, поднимаясь по лестнице и оставляя мистера Лоренса в коридоре одного.

- Клейтон, - обратился он к хозяину, вернувшись в столовую и отведя того в сторону, - боюсь, что нынче вечером мне придется вас покинуть. Только не сочти, ей-Богу, мой внезапный отъезд за обиду.

- Но почему, дорогой друг? - удивился Гарри Клейтон, устремив на него пристальный взгляд голубых глаз. - В чем причина? Ведь ты обещал остаться с нами до Рождества?

- Видишь ли... У меня вдруг возникло множество неотложных дел... Время так летит, а оно - деньги для таких бедняков, как я, поэтому...

- Послушай, дорогой мой Лоренс, - решительно прервал его Клейтон, - ты ведь сам знаешь, что это пустые отговорки. Все дела, с которыми тебе, якобы, надлежит срочно разобраться до Рождества, ты уладил еще до приезда к нам, и сам говорил, что теперь можешь позволить себе целый месяц отдыха. Разве не так?

Лоренсу было нечего возразить, и он стоял в замешательстве, храня неловкое молчание.

- Так вот, дорогой друг, до Рождества я и слышать ничего не хочу о твоём отъезде, - заявил хозяин. - Иначе мы с Беллой просто обидимся; я уж не говорю о Беллиной сестре... Договорились, Лоренс? И ни слова больше.

После такой отповеди Лоренсу ничего не оставалось, как смириться; решив, что судьба против него, он отказался от мысли об отъезде.

Часом позже, когда кавалькада гостей находилась в нескольких милях от Мольтон-Чейса, к дому подъехал экипаж, нагруженный дорожной поклажей, и миссис Клейтон, радостная и улыбающаяся, вышла на ступени дома, чтобы встретить долгожданных гостей.

Первым показался полковник Деймер - мужчина средних лет, но военная выправка словно делала его моложе. Все внимание его было сосредоточено на жене; он заботливо помогал ей выйти из экипажа, и у него едва хватило времени прикоснуться рукой к шляпе, чтобы поприветствовать раскрасневшуюся от радости Беллу, стоящую на ступенях дома.

- Ну, любовь моя, - воскликнул он, когда в дверях кареты появилась женская фигура, - прошу тебя, будь осторожна: здесь две ступеньки; вот так... Ну вот, все в порядке!

Благополучно сойдя на землю, миссис Деймер, с разрешения супруга, устремилась в объятия кухни.

- Дорогая Белла!

- Милая Бланш! Как я рада снова тебя видеть! Да ты, я смотрю, совсем продрогла в дороге! Давай же проходи к огню. Полковник Деймер, слуги займутся багажом, оставьте все здесь и ступайте греться.

Двое слуг занялись разгрузкой экипажа, но миссис Деймер не двинулась с места.

- Что же ты не идешь в дом с кухней, любовь моя? - спросил ее муж. - Я прослежу за багажом, если хочешь.

- Нет, спасибо, - еле слышно отвечала миссис Деймер; в голосе ее звучала меланхолия, которая не могла укрыться даже от слуха постороннего. Я лучше подожду, пока экипаж разгрузят.

- О багаже не волнуйся, Бланш, - зашептала миссис Клейтон, - пойдем лучше к огню, дорогая, мне столько нужно тебе рассказать, - уговаривала она.

- Обожди минутку, Белла, - отвечала кухня; просьба прозвучала настолько твердо, что миссис Клейтон больше просить не стала.

- Раз, два, три, четыре, - считал полковник Деймер, пока сундуки и чемоданы сгружали на землю. - Боюсь, вы решите, будто мы собираемся взять вас штурмом, миссис Клейтон. Но вы, наверняка, знаете, что супруга моя путешествует в полном боевом снаряжении. Это все, Бланш?

- Да, все, спасибо, - в голосе ее слышались все те же меланхолические нотки. - Белла, скажи, дорогая, какую комнату ты мне отведешь?

- Ты, может быть, сначала взглянешь на нее, Бланш?

- Да, если можно. Я очень устала... Этот чемодан, пожалуйста, отнесите ко мне, - обратилась она к слуге, указав на один из чемоданов, стоявших на земле.

- Сию минуту, мэм, - ответил слуга, но замешкался, получая повеление от полковника Деймера, и собрался, было, сопровождать его, но потом спохватился и вернулся выполнить указание леди. Все это время она не двинулась с места. Затем слуга поднял чемодан, но не тот, а стоявший рядом. Миссис Деймер указала ему на ошибку, и он поменял ношу.

- Да все туда отнесут, мэм, - проворчал слуга, но миссис Деймер промолчала и стояла как вкопанная, пока он не зашагал в дом, держа указанный чемодан на плече.

Затем она устало оперлась на руку Беллы Клейтон, нежно прижимая ее к себе, и вдвоем они направились наконец в приготовленную опочивальню. Это был просторный и уютно обставленный покой, к которому примыкала гардеробная. Когда дамы вошли, то увидели слугу, дожидавшегося их с чемоданом en question 1.

- Куда прикажете поставить, мэм? - осведомился слуга у миссис Деймер.

- Под кровать, пожалуйста.

Но кровать была французская, красного дерева, со столь широкими боковинами, что пролезть под них могла разве что пыль; да и сам чемодан - он походил скорее на сундук - хоть и невелик, а тяжел и крепок, и по углам окован железом. Такому чемодану не всякое место подходило.

- Под кровать он никак не поместится, мэм, - заметил слуга.

Миссис Деймер слегка побледнела.

- Ладно, оставьте его здесь. О, как уютно у хорошего камина! продолжала она, повернувшись к огню и буквально падая в кресло. - Мы так замерзли в дороге.

- А как же все-таки быть с сундуком, Бланш? - спросила миссис Клейтон, она не могла допустить, чтобы гостям пришлось мириться с каким-нибудь неудобством. - Он же не может стоять здесь. Ты распакуешь его, да? А хочешь, я велю передвинуть его в коридор?

- Нет-нет, спасибо, Белла, пусть он останется здесь, как стоит. Меня это вполне устраивает.

В спальню вошел и полковник Деймер. За ним проследовал слуга с другим сундуком.

- Что здесь останется, любовь моя? - спросил полковник.

- Чемодан Бланш, мистер Деймер, - ответила Белла. - Она никак не желает его распаковать, а я боюсь, он будет мешаться в проходе. Лучше бы, право, поставить его в вашу гардеробную. - Но миссис Клейтон не стала настаивать, зная, что некоторые мужчины не терпят стеснений даже в своей гардеробной. Однако полковник Деймер оказался отнюдь не эгоистом, как, собственно, и подобает старому солдату, вернувшемуся из Индии.

- Конечно, так лучше, - ответил он и, повернувшись к слуге, сказал: Чемодан отнесите, пожалуйста, в соседнюю комнату.

Слуга довольно небрежно поднял сундук, но не рассчитал сил и едва не уронил его. Миссис Деймер бросилась на помощь, чтобы сундук не упал.

- Прошу вас, поставьте его на место, - раздраженно сказала она. - Не нужно его трогать... Он в любую минуту может мне понадобиться. И нисколько здесь не помешает.

- Ну, как знаешь, дорогая, - проговорила миссис Клейтон; дискуссия по столь незначительному поводу явно затянулась и начала уже утомлять ее. Бланш, милая, переоденься, а я велю приготовить чаю.

Полковник Деймер направился в гардеробную, оставив наконец женщин одних. Последние вещи были перенесены наверх, приготовлен чай, и пока миссис Клейтон разливала его в чашки, миссис Деймер прилегла у камина на диван и завела разговор с кузиной.

В юности Бланш была редкостной красавицей, но сейчас, при взгляде на нее, мало кому такая мысль пришла бы в голову. Передавая ей чай, Белла заметила худую руку, протянувшуюся за чашкой, затем взгляд ее упал на изможденное, измученное лицо и запавшие глаза кузины, и ей с трудом верилось, что перед ней та самая красавица, с которой она рассталась всего три года назад. И все-таки это срок не малый: они три года не виделись - и былой задушевности в разговоре не получалось, так что Белла не решалась заговорить с Бланш о произошедшей в ее наружности перемене: она опасалась огорчить кузину. Белла сказала только:

- Ты, наверное, не вполне поправилась, дорогая Бланш. А ведь я надеялась, что поездка на континент пойдет тебе на пользу.

- О, нет, я уже никогда не выздоровлю, - равнодушно бросила миссис Деймер, - впрочем, это старая история и нет смысла говорить о ней. Кто же у вас нынче гостит, дорогая?

- О, дом почти до отказа полон гостей, - отвечала миссис Клейтон. Здесь мой крестный, старый генерал Нокс, - ты помнишь его, я знаю, - вместе с сыном и дочерью; еще семья Анслеев, а также Бейли и Армстронги; есть несколько молодых людей, среди них - Брук-младши, капитан Мосс (это старый друг Гарри), Герберт Лоренс и... Бланш, что с тобой?

Из груди миссис Деймер вдруг вырвался не то вскрик, не то приглушенный стон; и непонятно было, чего в нем больше - боли или страха.

- Тебе плохо? - повторила миссис Клейтон, с тревогою глядя на свою хрупкую кузину.

- Нет, нет, ничего, - ответила Бланш, сжав ей руку, но смертельная бледность не сходила с ее лица. - Просто приступ слабости, наверное, с долгой дороги.

Полковник Деймер тоже услышал вскрик жены и появился на пороге. Он явно был из числа тех благожелательных, но суетливых людей, которые вечно волнуются по пустякам, и никак не мог оставить двух женщин хотя бы на четверть часа одних.

- Ты звала меня, дорогая? - встревожено спросил он. - Тебе что-нибудь нужно?

- Нет, ничего, спасибо, - ответила за кузину Белла. - Бланш просто немного устала с дороги.

- Все-таки, я думаю, нужно перенести этот чемодан в мою комнату, сказал полковник Деймер и шагнул, было, к чемодану, ставшему причиной недавнего спора. Миссис Деймер тут же вскочила с дивана, лицо ее покраснелось.

- Прошу вас, оставьте, оставьте мои чемоданы в покое, - в голосе ее звучала мольба,

совершенно не приличествующая данному случаю. - Я не привезла с собой ничего лишнего, пусть же он остается у меня под рукой.

- Ну, не иначе здесь хранятся какие-то сокровища, - шутливо заметил полковник, направляясь к себе.

- В нем наряды? - поинтересовалась миссис Клейтон.

- Да, - как-то неуверенно подтвердила кузина, - то есть, я хочу сказать - кое-какие вещи, постоянно мне нужные. Однако, Белла, ты не закончила рассказ о своих гостях. Кто еще приехал?

- На ком же я остановилась? Ах, да, на холостяках. Так вот, здесь капитан Мосс, мистер Брук, мистер Лоренс - он, доложу я тебе, поэт; капитан Мосс познакомил его с Гарри в прошлом году. Наконец, Альфред, мой брат. Вот и все.

- Весьма приличный список, - как-то вяло отметила миссис Деймер. - А что за человек этот... поэт, о котором ты говорила?

- Лоренс? О, он, по всей видимости, очень приятный мужчина. Но слишком уж молчалив и задумчив, как, полагаю, и все поэты. Моя сестра Кэрри здесь, и у них с Лоренсом, похоже, небольшой роман; во всяком случае, не думаю, чтоб это было нечто серьезное.

- Ну, а как дети?

- Благодарю, дорогая, прекрасно. Мой мальчик, наверное, тебе понравится. Старая миссис Клейтон говорит, что он в два раза больше, чем Гарри был в его годы. А девочки уже бегают взапуски и говорят не хуже меня. Но это, Бланш, я думаю, тебя едва ли интересует.

Фраза вырвалась у Беллы сама собой, из-за того что у кузины не было детей. Миссис Деймер неловко заерзала на диване, но ничего не сказала. Вскоре звук гонга возвестил о приближении ужина и о том, что гости вернулись с верховой прогулки. Миссис Клейтон вышла их встретить, оставив подругу переодеваться.

Итак, миссис Деймер осталась, наконец, одна. У нее не было горничной, а от помощи миссис Клейтон она отказалась, уверяя, что привыкла одеваться сама. Похоже, однако, она и не собиралась заниматься своим туалетом, а просто лежала на диване, закрыв лицо руками и думая Бог весть о чем.

- Пойдем же, дорогая, - послышался ласковый и успокаивающий голос мужа. Постучав несколько раз в дверь и не дождавшись ответа, он вошел в комнату. Он уже переоделся к ужину, а Бланш даже не сняла дорожного костюма и не распаковала вещи. - Право, ты так никогда не оденешься к ужину. Давай я извинюсь и скажу, что сегодня ты не выйдешь. Я уверен, миссис Клейтон сама захочет, чтоб ты осталась у себя, раз так устала.

- Я не так уж и устала, Генри, - отвечала миссис Деймер, поднимаясь с дивана, - и минут через десять буду готова, - С этими словами она открыла один из сундуков и стала перебирать его содержимое.

- Может, все-таки не стоит, любовь моя, - попытался разубедить ее полковник. - Тебе, полагаю, лучше полежать, а с нашими добрыми друзьями увидишься завтра утром.

- Сегодня я выйду к ужину, - негромко, но твердо ответила миссис Деймер.

Она встала и скинула с себя тяжелую меховую пелерину, в которой была в дороге, и стало видно, что у нее грациозная фигура, тонкая и гибкая, но казавшаяся почти прозрачной - настолько она была худа. Голубые глаза на осунувшемся лице, исполненные страдания и страха, излучали какую-то неясную тревогу. Красивые, но худые руки ее поднялись, поправляя волосы, некогда бывшие пышными и блестящими, так что муж не смог удержаться от восклицания, увидев происшедшую с ними перемену:

- Я и не замечал раньше, что ты потеряла так много волос, дорогая, сказал он, глядя ее волосы и вспоминая, какими длинными и густыми они были до его отъезда. - Отчего это случилось?

- О, я не знаю, - печально отвечала она. - Наверное, исчезли вместе с моей юностью, Генри.

- Бедная моя девочка! - нежно проговорил он, - Ты, верно, ужасно страдала от одиночества. Не имел я права оставлять тебя на столько лет одну. Но теперь все позади, дорогая, и я буду о тебе так заботиться, что ты будешь просто обязана поправиться.

Она вдруг отвернулась от зеркала и поцеловала руку, которой он гладил ей волосы, и прошептала:

- Не надо, прошу тебя, не говори так со мною, Генри! Я не вынесу этого, не вынесу!

Он решил, что она говорит ему это в избытке чувств; в какой-то мере так оно и было, но истинной причины он не ведал. Генри мягко перевел разговор на другую тему, а потом попросил Бланш не лениться и переодеться, раз уж она действительно решила выйти к ужину.

Миссис Деймер, не мешкая, расчесала поредевшие волосы, сделав прическу, которую носила все последнее время, надела черное вечернее платье, приятно контрастировавшее с ее светлыми волосами, но вместе с тем и невыгодно подчеркивавшее ее худобу. Через несколько минут Бланш была готова сопровождать мужа.

На пороге столовой их встретил сам хозяин. Он всячески старался быть сердечным и радушным с гостями, столь чтимыми его супругой. С миссис Деймер они были знакомы еще с тех пор, как она вернулась в Англию. Клейтон провел их к дивану, где сидела Белла. Почти тут же объявили ужин, и хозяйка принялась рассаживать гостей.

- Мистер Лоренс! - позвала она, оглядывая комнату. - Где же он? Мистер Лоренс!

Поэту пришлось выйти из-за оконной шторы, за которой он пытался укрыться, и стать посередине комнаты.

- А, вот вы наконец. Прошу вас, сядьте рядом с миссис Деймер, - сказала хозяйка.

Последовало обычное в таких случаях представление:

- Мистер Лоренс - миссис Деймер.

Они поклонились друг другу, но в лице женщины промелькнуло нечто настолько явное и недвусмысленное, что миссис Клейтон, хотя и не сразу, заметив это, невольно спросила кузину:

- Ты уже знакома с мистером Лоренсом, Бланш?

- Кажется, я имела удовольствие... в Лондоне... много лет назад.

Последние слова она произнесла так тихо, что их едва было слышно.

- Почему же вы мне сразу об этом не сказали? - обратилась Белла с упреком к своему гостю.

Лоренс уже пытался выдать из себя что-то насчет того, как быстро летит время и как давно это было, но тут миссис Деймер пришла ему на выручку, произнеся холодно и четко:

- Да, это действительно было очень давно: мы оба успели почти позабыть об этом, так что винить здесь некого.

- Ну что ж, тогда вам придется восстановить свое знакомство за ужином, - весело бросила миссис Клейтон, отходя от них, чтобы рассадить остальных гостей. Так и не произнеся ни слова, Лоренс остался стоять подле дивана. Лишь когда комната почти опустела, он наконец решился предложить Бланш руку, и та встала ему навстречу, но в следующую же секунду без сил упала назад на диван. Миссис Клейтон поспешила к кузине.

- Бедняжка! - воскликнул полковник Деймер, также бросаясь к ней. Боюсь, ей не следовало спускаться к ужину. Но она превозмогла себя, невзирая на мои уговоры. У нее сильная воля. Прошу вас, миссис Клейтон, не задерживайте ужина. Я останусь с ней, если вы, конечно, простите мне эту явную бестактность, пока Бланш не станет лучше и она сможет вернуться в постель.

Но жена его уже пыталась встать на ноги, освободившись от поддерживавших ее рук.

- Белла, дорогая! Все уже прошло. Будь добра, не беспокойся обо мне это всего лишь минутная слабость. Со мной теперь иногда случаются обмороки. Позволь, я пойду к себе, а завтра утром, думаю, все будет хорошо. Мне просто нужно отдохнуть с дороги.

Она не согласилась принять ничьей помощи - отказала даже мужу, чем сильно его обидела, - самостоятельно вышла из комнаты и с трудом начала подниматься по лестнице. Настроение и аппетит почти у всех были испорчены.

- Вы не находите, что Бланш выглядит весьма неважно? - спросила Белла за столом у полковника Деймера.

Ее поразило, как изменилась кухня, и, по ее мнению, муж не столь был обеспокоен этим обстоятельством, как следовало бы.

- Да, вы правы, - согласился он, - но Бланш не желает этого признавать. У нее очень плохое настроение и скверный аппетит. Она постоянно встревожена и так волнуется, что пугается любой мелочи. Для меня это самая ужасная и непостижимая перемена: ведь она всегда отличалась смелостью.

- Да, именно такой я ее и знаю, - отвечала миссис Клейтон, - и с трудом могу себе представить, чтобы Бланш волновалась по пустякам. Должно быть, это началось у нее после отъезда на континент, потому что прежде она была совершенно другой.

- Когда же это произошло? - с тревогой спросил полковник.

- Как раз три года назад, на Рождество, - ответила Белла. - Мне кажется, Бланш никогда не была так ослепительно хороша, как в те дни. Она казалась душой всего дома. Но вскоре она уехала в Париж, а потом мы узнали о ее болезни, и я с той поры ее не видела. Когда сегодня она сошла с экипажа, я была потрясена: узнать ее мне стоило немалого труда.

Миссис Клейтон умолкла, заметив, что слова ее привлекли внимание мистера Лоренса, сидевшего напротив, а полковник Деймер погрузился в свои невеселые раздумья и больше за весь вечер не проронил ни слова.

Тем временем миссис Деймер вернулась в опочивальню. Служанки, посланные хозяйкой, наперебой предлагали ей свою помощь, но Бланш хотелось побыть одной, и она отослала их. Она была невероятно слаба, силы, казалось, совсем оставили ее, и, сев у огня, она в изнеможении зарыдала, и рыдала долго и безутешно. Наконец, она решила, что лучше всего лечь в постель, но, начав раздеваться, вдруг почувствовала, что последние силы оставляют ее: в темени возникла странная пустота, все завертелось к поплыло перед глазами... Судорожным движением руки она безуспешно попыталась ухватиться за столик, стоявший подле кровати. В конце концов она сползла на пол и осталась лежать там подле черного сундука, о котором так пеклась пару часов назад. Миссис Деймер подумала, что умирает и что лучшего места и более приятного соседства ей для этого не найти.

- На самом деле у меня нет никого, кроме тебя, - прорыдала она. - Я ненавидела и любила тебя и оплакивала одновременно...

Сказав это, миссис Деймер повела себя по меньшей мере странно: она встала перед этим окованным по углам железом и запертым на висячий замок сундуком на колени, а затем поцеловала его твердую и грубую крышку, словно он был живым существом и мог ответить на ее ласку. Потом изможденная женщина невероятным усилием воли все-таки поднялась на ноги, еле-еле добралась до постели и рухнула на нее.

На утро она почувствовала себя значительно лучше. Полковник Деймер и Белла Клейтон решили, что до вечера ей не следует вставать с постели, и тем самым ее знакомство с остальными гостями Мольтон-Чейса оказалось отложено до ужина. Однако после ленча, который большинство мужчин игнорировало, миссис Клейтон предложила Бланш прокатиться в небольшой карете.

- Тебе не будет холодно, дорогая, а домой мы можем вернуться по аллее и встретим там мужчин, когда они будут возвращаться с охоты.

В числе охотников был и полковник Деймер. Но миссис Деймер от прогулки отказалась, весьма ясно дав кухне понять, что предпочитает побыть одна, и та, ввиду такой категоричности, без сожаления выполнила ее желание - ей надо было еще позаботиться о других женщинах, не уехавших в эти часы из дому.

Миссис Деймер действительно желала остаться одна. Она хотела обдумать все, что случилось с ней прошлой ночью, и решить, как уговорить мужа скорее покинуть этот дом. Притом надо было избежать расспросов с его стороны, потому что дать ему объяснение казалось ей делом нелегким. Когда вдали затих скрип колес отъезжавшей кареты, в которой Белла отправилась на променады, и в Мольтон-Чейсе воцарилась полная тишина, свидетельствующая, что Бланш осталась одна, она надела теплую накидку, опустила на голову капюшон и решила пройтись по окрестностям замка, так как полагала, что небольшая прогулка ей не повредит. С этим намерением она и вышла из дома.

Парк вокруг замка был обширный и разбитый по весьма сложному плану, аллеи, обсаженные кустарником, замысловато петляли, и стороннему путнику, ступившему в его пределы, было куда легче войти в парк, нежели из него выйти.

В поисках уединения и отдохновения миссис Деймер углубилась в одну из таких аллей; но не прошла она и десяти шагов, как, свернув за угол, натолкнулась на мужчину, представленного ей накануне хозяйкою, - мистера Лоренса, хотя ему в это время надлежало охотиться вместе со всеми. Он полулежал на скамейке, которая полукругом охватывала громадный ствол старого дерева, и курил, впевив взор в землю. Герберт Лоренс не отличался красотой, но человек он был бесспорно привлекательный, образованный и обладал двумя качествами, более ценными в мужчине, нежели сама красота, - большим умом и искусством очаровывать людей. Миссис Деймер натолкнулась на него слишком неожиданно, чтобы остановиться или отступить. Мужчина быстро поднялся и, уверившись, что их никто не потревожит, загородил ей дорогу. Она, поклонившись, попыталась, было, пройти мимо, но он протянул руку и остановил ее.

- Бланш, не уходи, прошу тебя! Ты должна объясниться со мною. Я настаиваю!

Она безуспешно пыталась высвободить руку:

- Мистер Лоренс, какое вы имеете право так говорить со мною?

- Какое право, Бланш? Право всякого мужчины на женщину, которая его любит!

- У вас больше нет этого права. Я пыталась избежать встречи с вами. Вы это прекрасно знаете. Джентльмен не должен привлекать внимание дамы подобным образом.

- Твои колкости меня не остановят. Я долго искал объяснения твоим непонятным поступкам, но так и не нашел его. Мои письма оставались без ответа, просьбы о последней встрече были напрасны. И сейчас, когда случай вновь свел нас, я должен спросить тебя и услышать ответ... Не я подстроил эту встречу. До вчерашнего вечера я вообще не знал, что ты вернулась в Англию, а едва услышав, что ты приезжаешь сюда, я постарался выдумать предлог, чтобы уехать самому. Но судьбе было угодно, чтобы мы встретились, и ей же угодно, чтобы ты объяснилась со мною.

- Что же ты хочешь узнать? - еле слышно вымолвила она.

- Во-первых, скажи: ты больше не любишь меня?

Выражение оскорбленного достоинства, появившееся, было, на лице ее, когда он пытался ее удержать, исчезло без следа; мертвенно-бледные губы задрожали, а в запавших глазах показались две большие слезинки и повисли на длинных ресницах.

- Не надо, Бланш, - заговорил Лоренс уже более мягко. - Твое сердце ответило мне. Не причиняй себе ненужную боль, не отвечай, не надо. Но скажи, почему тогда ты покинула меня? Почему уехала из Англии, не написав ни строчки, не простившись? Почему никак не хотела связаться со мной с той поры?

- Я не могла, - прошептала она. - О, ты ничего не знаешь. Тебе этого не понять... Ты никогда не поймешь, что я испытала тогда.

- Это не ответ, Бланш, - твердо произнес Лоренс, - а я должен получить ответ. Что за внезапная причина заставила тебя порвать наши отношения? Я любил тебя, и ты знаешь, как сильна была моя любовь. Что же разлучило нас? Страх, безразличие или внезапное раскаяние?

- Причиной была... - медленно произнесла она и замолкла, но потом, словно вдруг решившись, воскликнула:

- Так ты в самом деле хочешь знать, что случилось?

- Да. я хочу знать, что разлучило нас, - отвечал он, вновь ощущая свою власть над нею. - Так или иначе, Бланш, оно принесло тебе несчастье - весь облик твой говорит об этом. Ты ужасно изменилась! Я все-таки думаю, что смог бы сделать тебя счастливее.

- Я была слишком счастлива, отсюда и происшедшая со мной перемена, отвечала она. - Если хочешь знать, то пойдем, я покажу тебе.

- Когда? Сегодня?

- Прямо сейчас. Завтра может оказаться поздно.

С этими словами, она направилась к дому, ступая порывисто и быстро. Сердце ее учащенно билось, но в теле от бывшей слабости не осталось и следа.

И Герберт Лоренс направился за нею вослед, сам не ведая зачем, лишь повинаясь ее желанию.

Так они вошли в дом, поднялись по широкой лестнице к дверям опочивальни Бланш. На пороге она остановилась и оглянулась, как бы желая удостовериться, идет ли он следом. Лоренс стоял в нескольких шагах, подле лестницы.

- Можешь войти, - прошептала Бланш, распахивая настежь двери, - не бойся, здесь ничего нет, ничего, кроме причины нашей разлуки.

Едва затворив двери, миссис Деймер в сильном волнении упала на колени перед небольшим, окованным железом черным сундуком. Он был заперт на висячий замок. Вынув из-за корсажа ключ, она вставила его в замок и секунду спустя откинула тяжелую крышку. Сверху в сундуке оказалось белье, которое она принялась вытаскивать, а затем позвала стоящего за спиной мужчину, предложив ему заглянуть внутрь.

Мистер Лоренс приблизился, совершенно не понимая, в чем дело; но едва взгляд его упал на содержимое сундука, как он отшатнулся и, вскрикнув, закрыл лиф руками. Когда же он медленно убрал руки, то увидел грустные и искренние глаза женщины, стоявшей перед сундуком на коленях.

Несколько минут они смотрели друг на друга, не проронив ни слова. Затем миссис Деймер отвернулась от Лоренса и принялась снова укладывать белье в чемодан. С лязгом захлопнулась тяжелая крышка, вновь был повешен замок, ключ от него вернулся за корсаж, а Бланш поднялась на ноги и в том же молчании собралась выйти из комнаты.

Но Лоренс вновь остановил ее, только теперь голос его изменился, и с дрожью он хрипло произнес:

- Бланш! Скажи, это правда?

- Богом клянусь, да! - отвечала она.

- И это единственная причина, по которой мы расстались, единственная причина нашего разрыва?

- Неужели этого мало? Я согрешила, но все то время я жила, словно во сне. Когда же проснулась, то не смогла грешить более и потеряла покой. Да какой там покой! Я знать не знала его с той поры, как встретила тебя. Не расстанься мы тогда, я бы просто умерла и очутилась в аду. Вот, собственно, и вся правда. Хочешь верь, хочешь нет. Между нами, однако, все кончено. Прошу тебя, дай мне пройти.

- Но этот... этот... чемодан, Бланш! - вскричал Герберт Лоренс, на лбу которого, несмотря на холод, выступили капли пота. - Ведь правда же случилось несчастье? Ведь не ты же совершила такое?

Она устремила на него взгляд, в котором смешались ужас и презрение.

- Совершила? Я? О чем ты? - молвила она. - Да, я была безумна. Но не настолько! Как мог ты подумать?..

И вновь на глазах у нее навернулись слезы, но не потому, что он подумал о ней дурное, а просто оттого, что она представила себе нечто действительно страшное.

- Но зачем ты возишь его с собою, Бланш? Это же чистое безумие. Сколько ты путешествуешь со своим ужасным чемоданом?

- Уже более двух лет, - со страхом прошептала она. - Я пыталась избавиться от него, но тщетно: каждый раз что-нибудь мешало мне и он снова оставался со мной. А теперь - какая разница? Мука и тяжесть первых дней позади.

- И все же позволь мне избавить тебя от него, - сказал Лоренс. - Как бы ни сложились теперь наши отношения, я не могу допустить, чтобы ты, по моей вине, подвергалась столь чудовищному риску. Ты и без того настрадалась. О, если б я мог тогда нести это бремя вместо

тебя! Но ты даже не сказала мне о своих мучениях. Не в моей власти стереть в твоей душе память о происшедшем, но теперь я хотя бы освобожу тебя от присутствия этого кошмара.

И он собрался, было, поднять сундук, чтобы унести его, но миссис Деймер подбежала к нему:

- Не трогай! - крикнула она. - Не смей трогать его, он мой! Он всегда со мной. Дни мои сочтены, и мне поздно думать о счастье. Я ни за что не расстанусь с единственным, что связывает меня с прошлым!

Она упала на черный сундук и залилась слезами.

- Бланш! Ты любишь меня как и прежде, - воскликнул Герберт Лоренс. Твои слезы красноречивее всяких слов. Позволь же мне хоть как-то выразить тебе свою благодарность, уверен, я могу еще сделать тебя счастливой!

Слова не успели замереть у него на устах, а миссис Деймер стремительно встала и посмотрела ему прямо в глаза.

- Выразить благодарность! - презрительно повторила она. - Как же ты собираешься ее выразить? Ничто не может стереть в моей памяти стыда и страданий, через которые я прошла, ничто не вернет мне утраченного спокойствия. Уж не знаю, люблю ли я тебя еще или нет. Подумаю только об этом - и у меня голова кружится, в душе смятение и тревога. Твердо знаю лишь одно: я раскаиваюсь в том, что виделась и говорила сейчас с тобою. Ужас от нашей встречи вытеснил из моего недостойного сердца все чувства к тебе, и даже находиться подле тебя для меня смертельно. Когда я столкнулась сегодня с тобой, то пыталась как раз придумать причину, чтобы уехать отсюда, не привлекая ничьего внимания и не вызывая ненужных подозрений. Если ты действительно любил меня, то сжался надо мною хотя бы сейчас: сделай это за меня - уезжай!

- Это твое последнее слово, Бланш? - с трудом вымолвил он. - Не пожалеешь ли ты, когда будет уже поздно и ты останешься одна, наедине вот сэтим?

Она вздрогнула, и Лоренс решил, что Бланш смягчилась.

- Дорогая, любимая, - зашептал он. Когда-то прежде он страстно любил эту женщину, и хотя она подурнела с той поры, да и его отношение к ней порядком изменилось, Герберт Лоренс, ее былой возлюбленный, мог распознать в нынешней больной, исстрадавшейся женщине ту цветущую и прекрасную Бланш, которая пожертвовала собой ради него. Пусть слова его звучали слишком возвышенно и на самом деле он думал о ней иначе, но, зная, что она выстрадала после их разрыва, он готов был поверить, что чувство к Бланш еще теплится в его душе и может разгореться вновь. Поэтому Лоренсу подумалось, что обращение "дорогая, любимая" вполне уместно. Но она взглянула на него так, словно он оскорбил ее, и воскликнула:

- Мистер Лоренс, я дала понять вам, что былого не воротить. Неужто вы думаете, будто я более двух лет прожила в стыде и горе лишь для того, чтобы теперь разбить сердце человека, который мне верит? Да пожелай я такого, все равно ничего бы не вышло: муж окружил меня нежностью и любовью, вниманием и лаской. Я, словно пленница в четырех стенах, крепко-накрепко прикована к дому и семье. При всем желании я не смогла бы освободиться, - продолжала она, взмахнув руками, словно пытаясь скинуть с себя сеть. - Нет, сначала я должна умереть. Признательность к мужу связала меня незримыми нитями. Она-то всего более и убийственна для меня, - добавила она, перейдя на шепот. - Все эти годы я жила с мыслью о том, что потеряла тебя, и терпела свое бесчестье, но я не в силах жить, ощущая неизменную доброту мужа и его полное доверие ко мне. Это не сможет продолжаться долго. Ради Бога, оставь меня - конец мой близок!

- А сундук? - вопрошал он.

- Я успею позаботиться о нем, - грустно отвечала она, - но если ты так боишься, то держи ключ у себя: сломать такой замок нелегко.

Она вынула из-за корсажа ключ, висевший на широкой черной ленте, и вручила ему. Лоренс принял ключ без колебаний.

- Ты так неосторожна, - молвил он. - У меня безопасней. Позволь мне унести и сам сундук.

- Нет, нет! - возразила она, - не надо. Да и что пользы в том? Если его не будет подле меня, я стану думать, что его нашли, и начну говорить о нем во сне. По ночам я часто встаю с постели

- мне нужно убедиться, что он рядом. - Тут голос ее перешел в тихий и боязливый шепот, а взгляд приобрел какое-то дикое, тревожное выражение - так было теперь всегда, стоило ей заговорить о минувшем: - Ничто его не может уничтожить. Если ты его зароешь, кто-нибудь выкопает, если бросишь в воду, он поплывет. В безопасности он будет лишь рядом с моим сердцем - там, там он и должен находиться. Только там его место!

- Это безумие, - пробормотал Герберт Лоренс. И он был прав: миссис Деймер помешалась на своем черном сундуке.

Он снова, было, попытался заговорить, чтобы как-то смягчить ее безрассудство, но внизу послышались веселые голоса, и лицо Бланш искажилось при мысли, что их тайна окажется раскрыта.

- Уходи, - прошептала она, - прошу тебя, немедленно уходи. Я все рассказала тебе, мне больше нечего добавить.

И Герберт Лоренс опрометью кинулся по коридору в свою комнату; а миссис Клейтон, раскрасневшаяся после поездки, зашла проводить кухню, держа на руках симпатичного румяного малыша.

II

Когда Белла вошла, Бланш сидела в кресле, на плечах ее все еще была накидка, лицо казалось пепельно-бледным - следствие пережитого напряжения.

- Дорогая моя, да ты совсем нездорова! - невольно вырвалось у Беллы. Скажи, ты выходила на улицу?

- Я немного прошлась по аллее, - ответила миссис Деймер, - но что-то уж сильно похолодало.

- Ты находишь? А мы все говорили, какой хороший сегодня выдался день. Взгляни на моего мальчика: разве он не славный? Он целый день был в парке. Я всегда хотела, чтоб у тебя был ребенок, Бланш.

- Правда, дорогая?

- О, но ты ведь и не можешь представить ту радость, которую доставляют дети, пока у тебя самой нет ребенка. Для этого нужно стать матерью.

- Да, наверное, - резко вздрогнув, согласилась миссис Деймер и грустно посмотрела на пухлое, беззаботное личико ребенка. Миссис Клейтон решила, что невольно обидела кухню и склонилась, чтобы поцеловать ее, но Бланш буквально отпрянула.

"Должно быть, она и в самом деле нездорова", - решила добрая маленькая Белла, она никак не догадывалась о тайной сердечной боли женщины, брак которой выглядел вполне счастливым. - "Ей следует показаться доктору, обязательно скажу об этом полковнику."

Через полчаса они пришли к ней вдвоем и уговаривали последовать их совету.

- Вот что, моя дорогая, - сказал полковник после того, как миссис Деймер слабо запротестовала против ненужной суеты, поднятой вокруг нее, послушайся нас, сделай мне одолжение. Ты же знаешь, как я тебя люблю и как меня печалит твоя болезнь. Позволь послать за доктором Барлоу, как предлагает твоя кухня. Ты слишком устала после поездки, и боюсь, что волнение от встречи с нашими добрыми друзьями также на тебе сказалось. Ты даже представить себе не можешь, как ты мне дорога, Бланш, иначе ты не стала бы отказывать мне в столь пустячной просьбе. Пять долгих лет, любовь моя, я считал каждый день, ожидая, когда же наконец вновь встречу со своей дорогой любимой женушкой. И твоя болезнь в первый же месяц после моего приезда - это ужасное несчастье для меня. Прошу тебя, позволь послать за доктором Барлоу.

Но миссис Деймер просила повременить. Она сказала, что просто замерзла, гуляя в парке, что еще не совсем оправилась от усталости после путешествия, что простудилась по дороге из Гавра в Фолькстоун, что это всего лишь небольшое недомогание и доктора совсем не требуется. Ну, а если и на следующий день ей не станет лучше, она обещала не противиться их желанию.

После этого она сделала над собой усилие - поднялась и оделась к ужину. На протяжении всего вечера она казалась спокойной и собранной, говорила с мистером Лоренсом и другими гостями; спать она отправилась одновременно с остальными обитателями Мольтон-Чейса, и

кузина, пожелав ей спокойной ночи, поздравила с очевидным выздоровлением.

- Никак не могу взять в толк, что творится с твоей кухней, Белла, сказал Гарри Клейтон жене, когда они направились в свой покой. - Ее словно подменили, и от былой ее веселости не осталось и следа.

- Она и в самом деле сильно изменилась, - ответила миссис Клейтон, - но думаю, она просто нездорова. Упадок сил ведь весьма сказывается на настроении.

- Может быть, ее что-то гнетет? - предположил муж после некоторой паузы.

- Гнетет? - повторила Белла, даже приподнявшись на постели от удивления. - Да, конечно же, нет, Гарри! С чего бы это? У Бланш есть все, чего душа ни пожелает. Кроме того, я уверена, что более идеального мужа, нежели полковник Деймер, просто и быть не может: он - сама преданность. Сегодня он много говорил со мной, и я знаю, он весьма встревожен. Гнетет! что за чудная мысль, Гарри? И почему она вообще пришла тебе в голову?

- Уж и сам не знаю, - растерянно отвечал муж, словно сознав, что совершил большую оплошность.

- Мой старенький дурачок! - отвечала жена, с улыбкой целуя его и собираясь погрузиться в безмятежный сон.

Но проспав спокойно эту ночь им было не суждено. На рассвете сон их оказался прерван. Миссис Клейтон проснулась от стука в дверь опочивальни.

- Войдите! - крикнул мистер Клейтон, но стук в ответ только усилился.

- Кто это может быть, Гарри? Встань и посмотри, - сказала Белла.

Гарри, как и подобает любящему мужу, тут же послушно поднялся, открыл дверь и увидел на пороге полковника Деймера, одетого в халат. В свете брезжущей зари фигура его выглядела таинственно и нереально.

- Могу я поговорить с вашей супругой, мистер Клейтон? - отрывисто спросил полковник.

- Разумеется, - ответил Клейтон, недоумевая однако, зачем она могла ему понадобиться в столь ранний час.

- Тогда пусть она поспешит в спальню миссис Деймер. Бланш очень плохо, - дрожащим голосом сообщил полковник.

- Очень плохо! - вскричала Белла, прыгивая с кровати и заворачиваясь в халат. - Что вы имеете в виду, господин полковник? Когда это случилось?

- Увы, я не знаю! - в волнении ответил он. - Она вроде бы заснула, но потом начала метаться по кровати и не переставая говорить что-то. Среди ночи я вдруг проснулся и, не найдя ее рядом, зажег свечу и побежал на поиски. Она упала на лестничной площадке, где я ее и нашел.

- Обморок? - спросила Белла.

- Не знаю, что это - обморок или удар, - отвечал он, - боюсь, скорее всего именно последнее. Перенеся Бланш в постель, я дал ей кое-какие лекарства, чтобы она пришла в себя... Мне не хотелось будить вас, и я не...

- Да почему же, полковник Деймер? Какие тут могут быть церемонии?! перебила его хозяйка.

- Я думал, ей станет лучше, но она только что снова впала в забытие и так слаба, что не может шевельнуться. Еще у нее жар - я убедился в этом по учащенному пульсу, и, по-моему, она немного не в себе.

- Гарри, дорогой, немедленно пошли за доктором Барлоу, - попросила Белла мужа. - Пойдемте, полковник Деймер. Ее ни на минуту нельзя оставлять одну.

Они поспешили по коридору в комнату Бланш. Когда они проходили мимо покоя мистера Лоренса, дверь приоткрылась, и он хрипло спросил хозяйку:

- Что случилось, миссис Клейтон? Уже почти целый час в доме какой-то переполох.

- Моей кухне, миссис Деймер, стало плохо, мистер Лоренс и мы послали за доктором. Сейчас

я иду к ней.

Дверь притворилась, и Белле почудилось, будто она услышала тягостный вздох.

Бланш Деймер лежала в постели. У нее был жар, лицо пылало, во взгляде читалось то выражение смятения и тревоги, какое бывает у человека в бреду, когда он не совсем теряет сознание.

- Бланш, дорогая, - вскричала Белла при виде ее, - что с тобой? Что случилось?

- Мне просто показалось, что он его унес, - медленно и печально проговорила миссис Деймер. - Но я ошиблась... Нет, пока он не должен его трогать - еще не время! О, ему недолго осталось ждать! У него ключ...

- Она сейчас бредит, - сказал полковник Деймер, входя в комнату вслед за миссис Клейтон.

- О, полковник, - со слезами воскликнула Белла. - Как это ужасно! Она меня пугает! Может, падая, она ударилась головой? Вы знаете, почему она встала и вышла на лестницу?

- Совершенно не представляю, - ответил он.

Взглянув на него сейчас при свете занявшегося утра, проникавшем в комнату сквозь раскрытые ставни, Белла заметила, как состарила и измучила его эта тревожная ночь.

- Вернувшись из Индии, я заметил, что жена моя разговаривает и ходит во сне. Несколько раз я не заставал ее рядом, как и этой ночью, и видел, как она во сне ходит по комнате, но прежде с ней такого не бывало. Когда я нашел ее в коридоре, то спросил, зачем она туда вышла, что искала, и Бланш ответила: "Ключ". Когда я отнес ее обратно в кровать, то заметил, что на столике у нее, как всегда, лежит связка ключей, и решил поэтому, что она не понимает, о чем говорит. Надеюсь, доктор Барлоу скоро придет. Я ужасно тревожусь.

Он действительно был крайне встревожен, и бедная маленькая миссис Клейтон могла лишь пожать ему руку и просить не терять надежды, а тем временем его жена безмолвно лежала на подушках, устремив взгляд в пустоту.

Как только появился доктор, он сразу же объявил, что пациентка перенесла тяжелый нервный шок, и пожелал узнать, не случилось ли с ней накануне какого-либо сильного потрясения. Полковник Деймер, отвечая на вопрос доктора, решительно отверг такого рода возможность. Он сказал также, что приехал из Индии лишь месяц тому назад, что все это время жена его была слаба, но здорова, и что он с той поры не отходит от нее ни на шаг. Три дня назад они прибыли из Гавра в Фолькстоун, и у миссис Деймер не было жалоб на какое-нибудь необычное недомогание или усталость. Он добавил, что у его жены слабые нервы, она легковозбудима, что у нее может часто меняться настроение и пропадать аппетит, однако у ее друзей не было никаких причин серьезно опасаться за ее здоровье.

Доктор Барлоу весьма скептически выслушал полковника, но не стал больше поднимать вопроса о том, что могло дать толчок случившемуся несчастью. То, что таковой имел место, по-видимому, не вызвало у него сомнений. Вместо этого доктор сразу же прибег к средствам, которые применялись в ту пору. Но пиявки и банки, компрессы и примочки в равной мере оказались бесполезны, необратимый процесс шел своим чередом: Бланш Деймер суждено было умереть. В течение дня перспективы вырисовывались все более мрачные, прогнозы доктора делались все менее обнадеживающими, и неизбежное становилось очевидным всем. Полковника Деймера страх за жизнь жены довел почти до безумия.

- Спасите ее, доктор Барлоу, спасите! - молил он с тем неистовством, с каким люди в такие минуты обращаются к врачам, словно во власти тех сделать нечто большее, чем просто помочь организму в его борьбе с недугом. - Спасите ей жизнь, ради Бога! Я все что угодно для вас сделаю, абсолютно все, что в моих силах! Может, вызвать других докторов? Телеграфировать в Лондон? Может ли кто-нибудь там помочь ей? Сейчас решается не только ее жизнь, но и моя также. Ради всего святого, не церемоньтесь, только скажите, что нужно сделать!

Доктор Барлоу, разумеется, отвечал полковнику, что если он не удовлетворен, то может телеграфировать в город и попросить совета других специалистов, причем назвал имена нескольких врачей, занимавшихся особо подобными случаями. В то же время он уверил полковника, что все они вряд ли могут сделать для пациентки больше, чем он уже сделал сам, и что, по видимости, исход болезни можно будет предугадать не ранее, как через несколько дней.

Белла Клейтон перестала заниматься гостями и все время находилась подле кухни, несчастный муж которой, словно привидение, непрерывно ходил по комнате взад и вперед. Всякий раз, взглянув на больную, он пытался уверить себя, что ей стало чуть-чуть лучше. И все это время он молился о спасении жизни женщины, которая, как он в простоте своей полагал, предана ему душой и телом.

Время от времени миссис Деймер начинала говорить, и тогда с уст ее слетали невероятные слова:

- О, умираю! - глухо воскликнула она, - погибаю под тяжестью пирамиды... пирамиды его благодеяний... словно огромный камень, она придавила мне грудь... Я задыхаюсь под бременем молчаливых упреков... Его ласковые слова, забота и помощь, внимание и обходительность... непосильной ношей лежат на моей душе! Два и два - четыре... Четыре и еще четыре восемь... На него нужно повесить восемь замков... Но все равно червь раскаяния гложет меня, и неугасимое пламя сжигает меня...

- О! не подходите так близко, полковник Деймер! - воскликнула бедная Белла, когда несчастный, побледнев как полотно, снова приблизился к кровати и прислушался к неистовому бреду жены. - Помните, она не ведает, что говорит. Завтра ей точно будет лучше. Не слушайте сейчас эту чепуху - не мучьте себя.

- Я уже не верю, что ей будет лучше, миссис Клейтон, - на третий день агонии ответил он ей.

- Любимый! - горестно и нежно проговорила больная, не обращая никакого внимания на их разговор. - Если ты когда-нибудь любил меня, то узнай сейчас, что и я тоже всегда любила тебя. И за твою любовь я пожертвовала не только жизнью.

- Она говорит обо мне? - спросил полковник Деймер.

- Думаю, да, - грустно молвила Белла.

- Снимите его! Слышите? снимите! - вдруг в ужасе закричала миссис Деймер, - этот сундук... сундук, окованный железом. Он давит мне на грудь, не дает покоя душе. Что я сделала? Куда я отправлюсь? Как я теперь увижусь с ним?

- Что она такое говорит? - дрогнувшим голосом спросил полковник.

- Полковник Деймер, я должна просить вас выйти из комнаты, - плача ответила Белла. - Вы не можете больше здесь оставаться. Прошу вас, оставьте меня с Бланш наедине, пока она не успокоится.

Полковник был вынужден выйти из спальни, плача, словно малый ребенок, а Белла с болью в сердце попыталась успокоить лежавшую в бреду женщину.

- Если бы он хоть ударил меня, - простонала миссис Деймер. - Или нахмурился, или сказал, что я лгу... Мне не было бы так тяжело... Но он убивает меня своей добротой... Где же сундук?.. Откройте его... Пусть он сам увидит... Я готова умереть... Но я забыла... Нет ключа... И никто, никто не сможет открыть его... Он мой, мой... Чу! Я слышу! Слышу его! Он зовет меня! Как я могла оставить его там одного?.. Пустите меня к нему... Никто меня не удержит!.. Пустите, я говорю... Я... слышу его... и... мне все равно, что скажут люди!

Наконец, когда Белла почти потеряла надежду на облегчение ее страданий, Бланш, совершенно выбившись из сил, задремала на час, после чего широко открыла запавшие глаза и изменившимся, но твердым голосом спросила:

- Белла! Я была больна? - бред закончился.

Заканчивалась и ее жизнь.

Придя в следующий раз, доктор Барлоу увидел, что сознание прояснилось, но пульс почти не прослушивается, а тело холодеет, после чего сказал ее друзьям, что Бланш осталось жить часов двенадцать, не более.

Полковник Деймер в исступлении телеграфировал в Лондон и вызывал докторов, которые приехали, когда жену его уже укладывали в гроб.

Белла, услышав приговор, беззвучно заплакала; великая печаль опустилась на всех обитателей Мольтон-Чейса. Гости со времени болезни миссис Деймер были оставлены хозяйкою на попечении бедного Гарри.

После короткого сна, возвратившего ей рассудок, Бланш некоторое время лежала недвижно и молча. Силы совершенно оставили ее. Вот, наконец, глядя в опухшие от слез глаза кузины, умирающая спросила:

- Я умираю, Белла? Правда?

Бедная маленькая миссис Клейтон не знала, как ответить на столь прямой вопрос, и что-то пыталась выдавить из себя, но Бланш посчитала ее невнятные слова утвердительным ответом.

- Я так и думала. Я больше не смогу встать с постели?

- Боюсь, что нет, дорогая. Ты так слаба!

- Да, я едва могу пошевелить рукой. И все же я должна Постараться. Мне нужно кое-что сделать.

- Могу я сделать это за тебя, Бланш?

- Ты... ты сделаешь это, Белла?

- Все, что ни скажешь, любовь моя! Ты еще спрашиваешь!

- А можешь ли ты обещать мне, что сохранишь эту тайну? Дай мне посмотреть тебе в глаза. Да, они, как всегда, правдивы, и я могу на тебя положиться. Так вот, пусть, пока я не умерла, черный сундук заберут из моей комнаты - запомни, Белла, пока я не умерла. Вели поставить его у себя, в твою гардеробную.

- Что поставить, дорогая? Твой сундук для белья?

- Да, да, его, сундук для белья, вернее... Впрочем, называй его, как знаешь, Белла. Только вели унести его прямо сейчас. И смотри: никому ни слова. А когда умру, вели зарыть его в могилу вместе со мной. Ты, конечно, сделаешь это ради меня?

- А полковник Деймер?

- Если, Белла, ты хоть слово скажешь ему... ему или кому-нибудь еще, знай: я никогда не прощу тебе этого! - вскричала умирающая и в возбуждении приподнялась на кровати. - О, я умираю... Ах! зачем я так долго откладывала, почему не сделала этого раньше? А теперь я не могу даже умереть спокойно.

- Да, да, моя дорогая Бланш, я все, все сделаю, как ты сказала, обязательно сделаю, - пообещала миссис Клейтон, встревоженная ее состоянием, - и, кроме меня, никто не будет об этом знать. Хочешь, я прямо сейчас велю отнести его ко мне? Ты можешь вполне на меня положиться. Прошу тебя, ни о чем не волнуйся!

- Да! Прямо сейчас - сразу же. Нужно спешить! - проговорила умирающая, в изнеможении упав на подушку. Белла позвала слугу - и черный сундук, окованный железом, был перенесен и спрятан в ее покоях. Миссис Деймер была уже так слаба, что кузина хотела позвать ее мужа, однако умирающая не пожелала говорить с ним.

- Мне нечего сказать ему... Я могу лишь причинить ему боль, прошептала она. - Я умираю, Белла, и хочу, чтобы рядом была только ты, ты одна. Так лучше.

Пожелание Бланш было исполнено, и полковника Дей-мера, всю ночь метавшегося по коридору взад и вперед, не оказалось подле жены в ее последние мгновения. Она умерла на рассвете, перед восходом солнца, наедине со своей преданной маленькой кузиной.

Перед самой смертью она тихо прошептала:

- Скажи ему, Белла, что я ему все прощаю. Скажи еще, что этой ночью я видела, как отверзлись небеса и дух младенца вместе с Богородицей молился за нас... Груз грехов больше не гнетет меня, и на душе у меня теперь легко и покойно...

И, торжественно добавив:

- Я вознесусь к Небесному Отцу... - она умерла, не докончив фразы.

Простодушная Белла добросовестно передала последние слова умершей полковнику Деймеру.

- Она просила меня сказать вам, что чувствует себя прощенной, что видела, как для нее

открылись небеса и бремя грехов упало с ее души... Ах, полковник Деймер, прошу вас, думайте об этом - и в мысли найдете утешение. Бланш теперь счастливее, чем будь она с вами.

Но бедный верный муж оставался совершенно безутешен.

Днем приехали доктора из Лондона. Их торжественно приняли, усадили завтракать и вежливо отправили обратно. Все гости, приехавшие на Рождество, собирали вещи и готовились уехать из Мольтон-Чейса, потому что тяжелая утрата не позволяла помышлять об увеселениях. И Гарри Клейтон сказал жене, что очень признателен им за такое решение.

- Все это слишком прискорбно, Белла, и праздники все равно расстроились. Несчастные гости, конечно, это поняли, к тому же они решительно ничем не могут помочь нам. Всю неделю в доме царил горе, и останься они, стало бы еще горше. А вот Лоренса я, право, ни разу не видел таким убитым. С той самой поры, как твоя бедная кузина заболела, он ничего не ел. Можно подумать, что она была его сестрой или лучшим другом.

- Он уезжает вместе с остальными, Гарри?

- Нет. Он намерен остаться и быть на похоронах, а затем уедет за границу. Он сильно соболезнует тебе, Белла, и хотел, чтобы я тебе об этом сказал.

- Он очень добр, поблагодари его от моего имени.

* * * *

Бедная миссис Клейтон, избавленная от необходимости заботиться о гостях и горько рыдающая в своей комнате, никак не могла решить, как же ей поступить с черным сундуком кухни. Она обещала Бланш ничего не говорить полковнику Деймеру и своему мужу. Полковник, поскольку у него не было фамильного склепа, пожелал похоронить жену рядом с могилами Клейтонов на кладбище при деревенской церкви Мольтона. Но как было тайне поместить в могилу черный сундук на глазах у всех участников похорон - этого наивная Белла решить никак не могла. Однако судьба помогла ей выйти из затруднительного положения. На второй день после смерти кухни в дверь комнаты Беллы негромко постучали. Она пригласила стучавшего войти и к своему удивлению увидела на пороге мистера Лоренса. Белла подумала, что он желает выразить ей свое соболезнование лично.

- Очень великодушно с вашей стороны, мистер Лоренс... - начала, было, она.

- Я едва ли достоин вашей признательности, миссис Клейтон. Я искал вас, чтобы поговорить о весьма важном, но скорбном деле. Можно мне занять несколько минут вашего времени?

- Разумеется! - она указала ему на стул.

- Это касается той, которую мы потеряли. Миссис Клейтон, скажите мне правду - вы любили свою кухню?

- О, да, всей душой, мистер Лоренс. Мы подруги детства.

- Тогда я могу вам довериться. Если вы хотите спасти добрую память своей кухни, то должны для нее кое-что сделать. Среди вещей миссис Деймер был небольшой черный сундук, окованный железом. Он не должен попасть в руки полковника Деймера. Сможете ли вы перенести его из ее комнаты к себе и если настолько все еще простирается ваше доверие ко мне - передать его мне?

- Вам, мистер Лоренс? Чемодан, окованный железом? Откуда вам может быть известно о тайне моей кухни?

- Тайне?

- Да. Этот чемодан она доверила мне. Перед самой смертью. Она взяла с меня, не позволив задать вопросов, клятву, что я сделаю именно то, о чем вы сейчас попросили. Так вот, чемодан уже здесь.

Белла распахнула стеной шкаф и показала Лоренсу сундук, о котором он говорил.

- Да, я вижу, это он, - подтвердил Лоренс. - Как же вы собираетесь им распорядиться?

- Она хотела, чтоб он был закопан в могиле вместе с нею.

- Сейчас этого сделать никак нельзя, и дело, собственно, не в нем: нужно просто извлечь его содержимое.

- Но как? - удивленно спросила миссис Клейтон. - Он заперт, и очень хорошо заперт, а ключа нет.

- Ключ у меня, - печально молвил собеседник.

- У вас?! Ах, мистер Лоренс, - с дрожью воскликнула хозяйка, - здесь кроется какая-то ужасная тайна. Бога ради, объясните мне, в чем тут дело! Какое отношение вы можете иметь к сундуку моей несчастной кузины, если лишь однажды встретились с ней?

- Это она так вам сказала? - спросил Лоренс.

- Нет, но мне так показалось. Вы знали ее? Когда вы познакомились? Где? И почему вы об этом не сказали раньше?

- Как мне теперь рассказать вам? - вымолвил Лоренс, глядя на невинное женское лицо, на котором смешались удивление и страх, но которое, казалось, нельзя было и помыслить залитым краской стыда. - Вы слишком добры и слишком счастливы, миссис Клейтон, и вам, надо полагать, нелегко себе представить, а тем более проникнуться сочувствием к тем терзаниям и искушениям, которые предшествовали нашей с Бланш роковой дружбе и ее падению.

- Ее падению? Бланш согрешила? - с ужасом воскликнула Белла Клейтон.

- Будьте добры не перебивать меня, миссис Клейтон, - поспешно выговорил он, закрывая лицо руками, - иначе я никогда не смогу рассказать вам эту грустную историю. Я познакомился с вашей кузиной много лет назад. Подозревали ль вы, что она несчастлива в своем браке?

- Никоим образом! - удивленно ответила Белла.

- Бланш в самом деле была очень несчастна, как несчастны и многие женщины потому, что у мужчин, с которыми они связали свою судьбу, совершенно противоположные чувства и вкусы. Мы встретились после ее возвращения в Англию и... О, это старая история, миссис Клейтон... Я полюбил ее и был достаточно безумен, чтобы признаться ей. Ну, а когда мужчина-эгоист и самоотверженная женщина признаются друг другу в любви, совсем нетрудно предугадать, к чему это приведет. Я разбил ее жизнь - простите, что я говорю без обиняков, - а она продолжала любить меня и все мне прощала.

- О, Бланш! - воскликнула Белла, густо покраснев и закрывая лицо руками.

- Несколько месяцев мы наслаждались нашим невообразимым счастьем, а потом она, ни слова не сказав мне, вдруг уехала из дому, отправилась на континент. Я был изумлен, наконец, просто обижен, и как только нашел ее в Париже, потребовал объяснений. Но она отказалась встретиться со мной, а когда я стал настаивать, уехала оттуда так же внезапно, как из Лондона. С тех пор она не отвечала на мои письма, мы никогда не встречались, покуда неожиданно не столкнулись в вашем доме. Тогда, после ее первого отказа встретиться со мной, гордость не позволила мне вновь просить ее о встрече, и я назвал все происшедшее флиртом. Я пытался заставить себя вычеркнуть из своего сердца воспоминания о наших встречах, и, мне казалось, мне это удалось.

- О, моя бедная, бедная! - рыдала миссис Клейтон. - Вот почему она так долго сторонилась всех, вот откуда ее отчужденность. Она, выходит, пыталась воплотить свое раскаяние в муки отречения и неизбежного одиночества. Она ни с кем, ни с кем не делилась своей тайной. Ну, а сундук, мистер Лоренс какое отношение все это имеет к черному сундуку?

- Когда несколько дней назад я встретил ее в вашем парке и упрекнул за то, что она бросила меня, и потребовал объяснить такую перемену отношения ко мне, она пригласила меня в свои комнаты. И, открыв этот самый сундук, показала мне, что там лежит.

- Что же это?... - еле слышно вымолвила миссис Клейтон.

- Не угодно ли вам увидеть самой? - спросил Лоренс, вынимая из кармана ключ. - В конце концов я имею такое же право показать вам, как и сама Бланш. Но достаточно ли дорога вам память о ней, ее репутация, чтобы вы хранили эту тайну?

- Да, - решительно отвечала Белла.

- Последние два года этот сундук, - продолжал Лоренс, вставляя ключ в замок, - сопровождал мою бедную девочку во всех ее странствиях. Его страшная тайна, которую она хранила, изнемогая все эти годы от одиночества, и стала, я уверен, главной причиной ее смерти - она должна была терпеть стыд, и ноша оказалась слишком тяжела для ее нежного характера и гордого духа. Раскайние убило ее. Если у вас достаточно смелости, миссис Клейтон, то загляните внутрь и постарайтесь понять те чувства, которые я испытываю сейчас, стоя здесь на коленях и глядя наэто вместе с вами.

Герберт Лоренс откинул крышку, раздвинул ткани, и миссис Клейтон наклонилась и увидела, что на батистовом полотне среди засохших цветов лежит аккуратно положенный крохотный скелет младенца.

Белла закрыла лицо руками не столько для того, чтобы не видеть его, сколько чтобы вытереть женские слезы, лившиеся из глаз, и сквозь рыдания простонала:

- О, моя бедная, бедная Бланш! Что она должна была выстрадать! Упокой, Господи, ее душу!

- Аминь! - сказал Герберт Лоренс.

- Вы позволите мне взять этот сундук с собой, миссис Клейтон? - мягко попросил он.

Она взглянула на него. В его глазах стояли слезы.

- Да, да, конечно, - отвечала Белла, - заберите его. Поступайте с ним, как сочтете нужным, только больше не говорите мне о нем ничего.

Он и не говорил, лишь намекнул один раз. Вечером, в тот день, когда тело Бланш Деймер предали земле, Лоренс приблизился к миссис Клейтон и прошептал:

- Все сделано, как она хотела, - и миссис Клейтон сразу поняла, что он имел в виду. Тайна, к которой она невольно стала причастна, так давила на Беллу, что она была признательна Лоренсу, когда он, как и обещал, прямо из Мольтон-Чейса уехал за границу.

Она больше никогда не видела Герберта Лоренса.

А полковник Деймер, горе которого на похоронах и какое-то время спустя казалось беспредельным, в конце концов, как и большинство мужчин, очень сильно скорбящих на людях, нашел себе утешение в лице другой жены.

История жизни и смерти Бланш Деймер еще не забыта, но кузина Белла, разумеется, свято хранит открывшуюся ей тайну.

Я знаю, найдутся люди, которым этот эпизод покажется несколько надуманным. Но в ответ им я могу сказать только одно: главный инцидент, вокруг которого, собственно, и вращается весь интерес данной истории, а именно - что несчастная миссис Деймер столь мучилась угрызениями совести, что многие годы возила за собой вещественное доказательство своего грехопадения и ни на минуту не упускала его из виду, постоянно трепеща перед возможностью разоблачения, - есть невыдуманный факт.

Я лишь оставил за собой право изменить обстоятельства, при которых было обнаружено содержимое черного чемодана, равно как названия мест и имена людей, в моей истории участвующих, с тем чтобы полнее сохранить тайну. В той форме, в какой я представил ее читателю, данная история никому уже не причинит вреда, и в этом вся моя заслуга.

1895 г.

Тайна Колверли-Корта

I

Догадки и предположения

"Ненавижу тайны и никогда не могла взять в толк, почему люди ссорятся." Столь достойное заявление - оно, несомненно, является выражением общей благорасположенности - принадлежит обворожительной особе, которую в нашей семье принято именовать "миссис Джеймс". Она вдова дяди моего отца, мистера Джеймса Макуорта, дама лет сорока семи; ее сына в обиходе называют "человеком из Манчестера".

Макуорты из Колверли-Корта - род очень древний, а сам Колверли-Корт милое, старинное

поместье, но мне ни разу не довелось побывать в нем, и это имеет самое непосредственное отношение к таинственной истории, которую я намереваюсь сейчас рассказать.

Старый Джерард Макуорт, свекор моей "тетушки" Джеймс, весьма рано овдовел и остался с тремя сыновьями на руках. Средний из них со временем женился, а когда он умер и жена его вскоре последовала за ним, их единственный сын - т. е. мой отец - был перевезен в Колверли-Корт и воспитан там на правах любимца семьи.

Старший сын Томас отличился в своей профессии (он был военным) и женился, когда его отцу было семьдесят, а ему самому сорок три. Жена его, необычайной красоты девушка, став леди Макуорт, невероятно гордилась своим супругом и его успехами на боевом поприще. Младший из братьев также женился, но детей у него не было. Моему отцу, когда его дядя, сэр Томас, женился, исполнилось шестнадцать лет, и он вырос в родовом имении, окруженный всеми благами и заботами, какие только мыслимы в положении наследника. Дед так любил его, что, оказавшись жена старшего сына также бездетной, он, по общему мнению, не только бы не огорчился, но и втайне возликовал. Однако леди Макуорт не смогла последовать за своим супругом в Индию - она ожидала появления наследника. И сэр Томас вынужден был оставить ее дома в Лондоне, где, как предполагалось, и должен был появиться на свет этот новый наследник всех богатств рода Макуортов и где в ожидании этого события остался и сам отец сэра Томаса.

Затем наступил ужасный день. Он принес известие о смерти сэра Томаса; жена его произвела на свет девочку, а ее собственную жизнь, по видимости, спасло лишь чудо; затем, все в тот же день, уже после рождения ребенка, мистера Макуорта-старшего сбил кэб, и он умер прямо на улице. Об этом последнем событии леди Макуорт пребывала в течение нескольких недель в полном неведении, а люди полагали, что она попросту легко смирилась с утратой, держа в объятиях малышку, ставшую теперь наследницей всего состояния Макуортов.

Однако ходили слухи, будто мистер Макуорт-старший открыто выразил свою радость по поводу рождения девочки, и торопился к своему адвокату, намереваясь изменить завещание, по которому вся собственность переходила в руки сэра Томаса, а потом, по его смерти, его детям, - но как раз по дороге к адвокату его и постигла смерть. Говорят, он часто высказывался в том духе, что Роджер, мой отец, должен стать его наследником во всей полноте этого титула; а девочке он бы оставил ежегодный пансион в размере семисот фунтов, чего для женщины, по его словам, было бы вполне достаточно. В тот день, узнав о смерти сына и о том, что начались роды, сэр Джерард пребывал в состоянии величайшего возбуждения. Он очень любил леди Макуорт, но сразу же по объявлении о рождении девочки открыто выразил свою радость в связи с подобным поворотом дел. Он буквально не мог усидеть на месте и почти бегом помчался к ближайшей стоянке кэбов, чтобы как можно скорее встретиться с адвокатом и отдать ему соответствующие указания об изменениях в завещании. Но поскольку ему сделать этого не удалось, мой отец остался с весьма скромным доходом, его дядя Джеймс получил не многим более того, а леди Макуорт вместе с новорожденной дочерью переехали жить в Колверли-Корт.

Многие годы прошли с той поры. Более тридцати лет отец усердно трудился в Лондоне на ниве юриспруденции. В конце концов он стал компаньоном в весьма престижной и преуспевающей конторе. Через год после моего рождения он овдовел, и мне ко времени начала этой истории исполнилось двадцать лет. Некая миссис Эллерби уже десять лет вела наше хозяйство и присматривала за мной; но моя обожаемая тетушка Джеймс, вторая жена дяди моего отца, все равно была первым советником во всех делах, до меня касающихся. И я, разумеется, в ней души не чаяла, в ней и в ее единственном сыне - кузене Джоне, "человеке из Манчестера". Дядя Джеймс тогда сильно улучшил свое финансовое положение, женившись на ней - милой и образованной дочери преуспевающего фабриканта. Это был его второй брак. После смерти мужа миссис Джеймс, обладавшая в то время весьма значительным состоянием, приобрела в Лондоне прекрасный особняк. В нем и жила она, зимой и летом, и была для меня все равно как мать. Джон жил в Манчестере; сильно занятый и преуспевающий молодой человек, весьма приятный собеседник, он обожал моего отца, которого называл "большим кузеном Роджером", как его тому научили в детстве, и был очень добр со мной. Джону исполнилось двадцать семь, а тетушка Джеймс была на два года моложе моего отца, который по браку приходился ей племянником. Таково было положение нашей семьи в тот день, когда тетушка высказала свое отрицательное отношение ко всякого рода тайнам и отсутствие у нее малейшего желания вступать в ссоры, о чем я упоминала выше.

Но что бы ни говорила тетушка Джеймс, милое, открытое лицо которой, казалось, не допускало и самой мысли о тайне, тайна все же была, и ссора, по видимости, все-таки уже произошла. Но обо всем этом, насколько можно судить, никому, включая и тех, кто имел к делу самое непосредственное отношение, ничего с определенностью не было известно. Леди

Макуорт вместе с Джудит, которой теперь было за тридцать, на добрый помещичий лад жили в Колверли-Корте, но мы ни разу у них не были. Я не видела ни замка, ни Джудит, ни ее матери и знала только одно: мой отец никогда туда не поедет. Уже несколько лет кряду леди Макуорт слала ему приглашения на Рождество, и отец всякий раз вежливо, но твердо отказывался. С той поры, как я вернулась из пансиона домой, ни леди Макуорт, ни Джудит ни разу не были в Лондоне. Мы знали, что прежде отец ежегодно виделся с ними, когда они приезжали в город, и часто гостил у них в Колверли, и точная дата разрыва, происшедшего в отношениях, оставалась неизвестной. Эта дата, равно как и причина разрыва, также составляла часть тайны.

Постепенно, к тому времени как я выросла, миссис Джеймс также перестала наезжать в Колверли.

- О! Я не урожденная Макуорт, - говаривала она, - и мне нет необходимости являться на рождественский сбор фамилии. Поезжай я туда, это выглядело бы как выступление против твоего отца. Я не собираюсь делать этого, потому что ты, моя милая Мэри, дорога мне. Джон, он-то - Макуорт, и может себе позволить наведываться в Колверли, когда пожелает. Он и в самом деле частый гость там. Но он говорит, что последнюю пару лет находит Джудит довольно странной. О, какая жалость, что она не вышла тогда за майора Грея.

- Почему же она ему отказала? - спросила я.

- Это тоже часть тайны. Порой мне думается, что тогда-то все и началось. Пять лет миновало; был назначен день; брачный контракт составлен в конторе твоего отца. Уже испекли свадебный торт и закупили шампанское. Джудит и майор Грей отправились взглянуть на карету, на которой нарисовали их герб, и должны были затем зайти ко мне на ленч. Но она пришла ко мне одна. И сказала, что решила не выходить замуж. Она никому так и не рассказала о причинах своего решения. "Не по вине майора Грея" - вот и все, что удавалось из нее вытянуть. Ко мне приходил и майор Грей. Я послала тогда за твоим отцом. Но твой отец, милая Мэри, был холоден и бесстрастен, словно камень. Он отказался встретиться с Джудит. Отказался посетить леди Макуорт, когда она послала за ним. Мне всегда казалось, что он знает что-то такое, о чем не желает говорить. Леди Макуорт забрала дочь в Колверли-Корт, и с тех пор они ни разу не наведались в Лондон. Леди Макуорт снова и снова приглашала его к себе, но он, я уверена, больше не виделся с ними.

Вот и все, что мне было известно о семейной тайне в мои двадцать лет. Порой мне казалось, что отец, уставая от трудов и забот той жизни, к которой он не был подготовлен своим воспитанием, со временем испытывал все большие трудности. Кроме того, я поняла, что в поведении отца по отношению к леди Макуорт было нечто, чего добрая и честная миссис Эллерби не могла ни понять, ни принять. С некоторых пор она сильно оживлялась в преддверии Рождества и очень огорчалась беспрестанным отказам отца на приглашение леди Макуорт посетить Колверли-Корт; а если на Рождество приглашение вовсе не приходило, она по несколько дней кряду беспрерывно рыдала. В один из таких дней я, помнится, спросила ее, известно ли ей что-нибудь о семейной тайне, и она ответила:

- Недостаточно для того, чтобы действовать, дорогая Мэри.

А потом представьте себе, что ваш отец, добрый и отзывчивый по натуре человек, становится вдруг невероятно суровым, полагая, что именно суровость и требуется от него. К нему тогда невозможно подступиться; он живет, словно замуравов себя в тесной келье своей "тайны Колверли". Так что все секреты и тайны продолжали существовать, и не было в целом свете другого человека, которого бы так интересовала кузина Джудит и все, что до нее касается, как я.

Как бы я хотела, чтобы все поняли, сколь очаровательна моя миссис Джеймс! Мы обыкновенно называли ее "тетушкой Джеймс", потому что она была жизнерадостным, нежным, всепрощающим и умеющим примирить всех существом, и просто провоцировала на небольшие вольности в отношении себя да, вероятно, и любила в основном как раз за них. Рост ее удачно составлял то, что называется "золотой серединой" - не высокая, но и не маленькая; походка легкая, и самый стройный стан на свете. Когда же она одевалась в платья своего любимого стиля матроны средних лет, всем казалось, что она девочка, которая в домашнем театре играет взрослую роль. Некрасивые люди, к тому же злые на язык, распускали слухи, будто она красится, и ее прекрасные волосы, среди которых не было ни одного седого, под тонкой белой вуалеткой, которой она обычно их прикрывала, выглядели точно так же, как мои. От миссис Джеймс всегда исходило какое-то восхитительное ощущение свежести; туалеты ее отличались плавностью и мягкостью линий; проходя мимо, она скользила совершенно бесшумно, не издавая платьем ни малейшего шороха. Жарким летом

один взгляд на нее освежал лучше самого нежного ветерка, а зимой - согревал до глубины души. Но будь то зима или лето, взгляд ее лучистых глаз неизменно благословлял меня, и в улыбке ее я читала, что могу рассказать ей обо всем, что меня волнует. Воистину она была рождена, чтобы приносить счастье, и само ее присутствие было величайшим счастьем для окружающих.

И вот однажды в декабре, когда мы все только и думали что о Рождестве и начали уже обычные приготовления к празднествам - мой отец, хотя это и стоило ему больших трудов, все же удерживал за собой высокое место в жизни и не хотел отказываться от своих обычаев щедрости и гостеприимства, - я получила от миссис Джеймс записку. Она просила меня вечером навестить ее. "Я пошлю за тобой, - писала она, - к шести часам." Мне было нелегко решиться уехать в это время из дому, так как еще многое нужно было сделать. Надо сказать, нигде нельзя так весело и приятно встретить Рождество, как в Лондоне, среди трудолюбивых горожан, которым к тому же потом приходится этот день отрабатывать. Как бы то ни было, я вышла из кладовой, в которой мы с миссис Эллерби, надев грубые фартуки, загодя отвешивали сливы для рождественских пудингов, куда более многочисленных, чем требовалось нашей семье, и начала переодеваться, чтобы ехать к миссис Джеймс. Она дала мне указания, что надевать, и поскольку я должна была остаться у нее на ночь, она предложила мне также выбор платья на утро. Я всегда слушаюсь ее в этих вопросах, поскольку вера в безупречный вкус миссис Джеймс в нашей семье абсолютна.

Перед выходом из дому я подошла к отцу, чтобы он оценил меня.

- Как ты меня находишь?

- Ты восхитительна, моя дорогая, - и он поклонился мне со старомодной церемонностью.

Ярко светила полная луна. Она плыла по высокому и чистому небу, заполняя улицы своим светом, когда мы поворачивали за угол, а на открытых местах торжественно окружала и нас самими серебряными лучами. Полная луна в зимнем небе Лондона - всегда красивое и величественное зрелище, в нем неизменно есть что-то таинственное; такого не бывает больше нигде. Сколь разителен контраст между спокойствием небес, с высоты которых этот неземной наблюдатель вечно взирает вниз, и стремительным движением жизни в подлунном мире, на который нисходят потоки его волшебного света, что это даже несколько пугает. Я очень остро все это чувствовала. Рождество - день Мира было уже не за горами; приблизился долгожданный праздник всех уставших от трудов праведных. Снова сердца наши были готовы принять его благословение. И тут мне подумалось об отце, в нахмуренных бровях которого проглядывала тайна, и жгучее желание раскрыть ее, навсегда освободиться от нее излилось из моего сердца подобно молитве. Обуреваемая этими чувствами я остановилась у дверей миссис Джеймс. Еще минута - и я уже разговаривала с Госсет, старой служанкой и верной подругой хозяйки. Добрейшая женщина спустилась в прихожую, чтобы проводить меня в дом и взять у меня маленький саквояж и плоский сверток с вельветиновым платьем на утро.

Красота дома тети Джеймс не знала изъянов. Дороговизна его не была давящей. Здесь царила атмосфера гостеприимства, и единственное, что среди его чудес действительно могло поразить вновь прибывшего, так это огромная эстакада цветущих роз в горшках, которыми были уставлены утлы ступенек на лестнице в прихожей.

Миссис Джеймс сидела за столиком в маленькой гостиной, и на лице ее застыло столь удивленное выражение, что это сразу показалось мне необычным.

- Престранное дело, Мэри, - заговорила она. - Вчера вечером Джон вернулся из Колверли. Все утро он провел со мной. О, Мэри, он самый лучший на свете!

- Да, так что же в Колверли? - не удержалась я.

- Так вот, он привез мне записку от леди Макуорт. Сейчас я тебе ее прочитаю: "Я пишу к Вам, чтобы вновь пригласить провести Рождество у нас. То же самое я хотела бы предложить Роджеру и его дочери, но его непонятная и непроходящая холодность делает для меня невозможным дальнейшие попытки наладить с ним отношения. Джудит, которая могла бы что-то для этого сделать, в последнее время стала несколько странной и ничем не желает помочь. "У меня еще недостает сил" - отвечает она мне на подобного рода просьбы. Я подозреваю, существует нечто такое, чего она не может простить Роджеру. Мне бы крайне хотелось раскрыть тяготеющую над нами тайну, но я совершенно бессильна это сделать. Лучше я перейду к более приятному. Я разговаривала с Джоном о его перспективах, касающихся до женитьбы, и с радостью узнала, что он уже думал об этом. Со свойственной ему веселостью он как-то раз обронил, что мы можем называть его Даму "мисс Джексон", но отказался сообщить нам, где она в настоящее время находится. Джудит сказала Джону, что

мы будем очень рады вас видеть. Вы можете привезти с собой и мисс Джексон, если вам будет угодно..." - на этих словах миссис Джеймс подняла на меня глаза с нескрываемым весельем.

Меня точно громом поразило:

- Мисс Джексон! - вскричала я. - Кто она, эта мисс Джексон?

- В этом-то все и дело, милая Мэри, - отвечала миссис Джеймс. - Видишь ли, на самом деле никакой мисс Джексон не существует. Джон, пока не прочел записку, просто не мог и подумать, что леди Макуорт так серьезно отнесется к его шутке. Что же нам теперь делать? - спросила тетушка с веселым недоумением.

В эту минуту отворилась дверь в большую комнату, и из темноты в пятно неяркого света, отбрасываемого камином, вышел какой-то мужчина.

- Мэри, - сказал он, - а вы не желаете стать этой мисс Джексон?

Тетушка тут же вскочила на ноги, Я заметила, что глаза ее, нежно глядящие на меня, увлажнились и в них подобно бриллиантам засверкали слезы. Она выскользнула из комнаты через другую дверь, и тогда Джон - то был он сказал мне:

- Мэри, согласны ли вы стать моей женой? Я уже давно люблю вас.

Я не могу рассказать, как прошел тот вечер, да никого это, наверное, и не интересует. Но перед тем, как утром я отправилась домой, где отец был рад дать свое согласие на наш брак, мы с тетушкой Джеймс и Джоном договорились, что Рождество я проведу вместе с ними, а где именно - решено было не сообщать отцу, во всяком случае, уж точно не в Лондоне. А Джон тем временем написал леди Макуорт, что они с матерью будут, а также привезут с собой и мисс Джексон!

Едва ли можно сказать, что я целиком и полностью одобряла подобный план. Но Джон такой веселый, с ним всегда так весело, а здесь он, кроме того, оказался еще и настойчив. Я вынуждена была признать, что его доводы обоснованы, но умоляла разрешить мне рассказать обо всем отцу.

- Но он же не отпустит тебя, если все узнает; он просто не может тебя отпустить, - отвечала тетушка Джеймс.

- И леди Макуорт не пустит тебя за порог, если ей заранее будет известно; она просто не может тебя пустить, - присовокупил Джон.

Напрасно я вопрошала:

- Но почему?

Единственный ответ, которого я смогла от них добиться, был таков:

- Твой отец после стольких отказов, данных им леди Макуорт, никак не может позволить тебе ехать в Колверли. А леди Макуорт, после всех отказов, полученных ею от твоего отца, уже ничего не может добавить к сказанному.

Наконец Джон привел довод, после которого я решилась:

- Если уж мы хотим изгнать эту тайну из нашей жизни, то нужно пойти на какие-то жертвы. Давай сначала проникнем в дом, а затем все расскажем твоему отцу и даже затащим его туда, если получится. И, к тому же, - заявил Джон, как моя невеста ты просто обязана посетить Колверли-Корт. Наш совместный приезд будет чем-то вроде рождественской шутки, так сказать, игра с переодеванием. Ты должна поехать с нами, Мэри. Колверли - самое милое, родное и уютное местечко на всем белом свете.

II

Старый дом

- Ну, ладно, - сказал отец, усаживая нас в железнодорожный вагон. Если получится, телеграфируйте мне завтра. И заодно сообщите, куда вы все-таки надумали отправиться. Никак не ожидал, миссис Джеймс, что вы отважитесь справлять Рождество вдали от своего уютного дома.

- Ничего неожиданного, - с улыбкой отвечала она. - Я намерена вновь посмотреть, как встречают Рождество в деревне, среди спокойных высоких деревьев, на земле, спящей под снегом в ожидании весны. Ведь Мэри не видела ничего подобного, она всегда остается в Лондоне. Вспомни-ка, Роджер, как это было. Неужели ты не тоскуешь по настоящему, старому доброму Рождеству в деревне, как ты справлял его когда-то?

- Я предпочитаю ничего не вспоминать, - с ледяным спокойствием отвечал отец.

Затем, нежно улыбнувшись мне, сказал:

- Да хранит тебя Бог, Мэри! Напиши мне, как условились. До свидания, дорогая!

Гудок паровоза прервал наш разговор, поезд тронулся, оставив отца стоять на платформе. На лице его играла улыбка, которая, я знаю, свойственна и мне. И на какое-то мгновение сердце мое исполнилось гордости, потому что он никого не любит так, как меня.

Из Лондона мы уехали загодя и рассчитывали, что на дорогу до Колверли у нас уйдет дня два. Для двадцатого декабря день выдался отнюдь не холодный; моросило, и капли влаги застилали вагонное стекло, искажая пейзаж за окном. Но неудобство это не стесняло нас - настолько мы были поглощены беззаботной болтовней, и смутная надежда на то, что семейная тайна, возможно, наконец раскроется, не позволяла нам скучать в дороге. Джон должен был все уладить на месте и всех помирить. Рождество обещало быть богатым на подарки и радостные события; а самое главное - мне наконец-то предстояло увидеть Колверли.

Мы прекрасно устроились в отеле в небольшом провинциальном городке. Мы гуляли с Джоном, изучая его достопримечательности и вдыхая спокойный прозрачный холодный воздух. А на третий день после завтрака опять сели в поезд и поехали в сторону Колверли-Корта.

На станции мы обнаружили присланный за нами экипаж; огромная же гора шуб и накидок, лежащих в нем, чтобы предохранить нас от холода, была приятным свидетельством заботливости леди Макуорт. Мы закутались во все это, с радостью ощущая приятную теплоту, и выехали из городка на открытую дорогу. Вскоре через тяжелые ворота мы въехали в лесные угодья замка и там, обогнув по берегу пруда парк с оленями и миновав живописную ферму, выехали на посыпанную гравием дорогу: слева пологий холм, поросший лесом, справа длинная лужайка с растущими на ней раскидистыми кедрами и высокими соснами. Я онемела от восхищения. О, этот перестук лошадиных копыт, ласкающий ухо словно музыка; застывший, холодный воздух; ярко-голубое небо, далекое и спокойное, и деревья - чудесные, величественные деревья! - я смотре-, ла на них, как никогда не смотрела прежде. Из-за вчерашнего дождя и ночного мороза они стояли как бы покрытые серебром. Никогда раньше мне не доводилось видеть иной: на каждой ветке распустились кристальные почки, и большие развесистые ветви кедров склонились под тяжестью застывшего на них хрусталя. Воздух замер в неподвижности. В жизни не видала такой красоты! Я была готова расплакаться - так глубоко поразила меня величественная картина, раскинувшаяся перед моим взором. Это и был Колверли-Корт.

Тут же у меня возникла мысль, сколь многого лишился отец, когда родилась Джудит. Но это никак не могло быть связано с тайной, потому что затем в течение многих лет, и даже несколько лет после моего рождения, не было ни ссоры, ни отчуждения, ни изгнания из Колверли.

Я размышляла об этом, когда наша карета, рассекая неподвижный морозный кристальный воздух, сделала поворот и перед нами предстало зрелище необыкновенной красоты - маленькая церквушка, подле которой росла ель, и на ней каждая иголочка была заключена в свой хрусталик, ярко сверкавший на солнце. Я воскликнула в умилении, и тут зазвонили колокола, поначалу тихо и неуверенно, а потом все громче и отчетливее, и звон их раскатисто разнесся среди холмов. Карета проехала под массивной гранитной аркой, и мы быстро подъехали к дому.

Внезапно меня пронзила мысль, что я нахожусь здесь под вымышленным именем. Я посмотрела в глаза тетюшке Джеймс, и она прочла в моем взгляде все мои страхи. Тетюшка плотнее завернулась в дорожный плед и, заложив руки в муфту, сказала:

- Надеюсь, из нашей шутки не выйдет ничего дурного.

Но едва открылись двери, страхи исчезли сами собой. Все очень обрадовались Джону. Слуги, включая и старую экономку в очках, были счастливы приезду миссис Джеймс. Как замечательно она выглядела! Как хорошо, что она снова здесь, как в старые добрые времена!

Вот это уж будет Рождество так Рождество!

Вот так, окруженные всеобщей заботой и любовью, мы проследовали через холл, поднялись по лестнице, где со стены на нас смотрели застывшие в рамах мужские и женские лица, и вошли в гостиную, отделанную кедровыми панелями, чередующимися с красочными гобеленами. В камине горел огонь, по углам были зажжены свечи, на стенах камина плясали разноцветные язычки пламени, отражаясь также в огромном зеркале, доходящем от каминной полки до потолка и заключенном в белую с золотом раму. Вряд ли можно было себе представить что-нибудь более уютное и радующее глаз, чем это помещение, еще более привлекательное благодаря старомодным мягким стульям и креслам с красными бархатными сиденьями и того же белого с золотом цвета, что и зеркало.

Я окинула комнату восхищенным взглядом, а затем ответила на приветствие леди Макуорт, по-прежнему не в силах оторвать глаз от этой чудесной "расписной шкатулки".

- Значит, это и есть мисс Джексон? - спросила она.

- Да, моя мисс Джексон, - подчеркнул Джон, и в голосе его прозвучали веселые нотки; невозможно, думаю, было не понять, что он кого-то разыгрывает.

Тем не менее леди Макуорт, вероятно, не заметила его тона и только пристально на меня посмотрела.

- Моя дорогая, - сказала она, - я уверена, мы будем друзьями. А сейчас мне нужно поговорить с миссис Джеймс. Вот Бэйнс: она проводит вас, любовь моя, в вашу комнату.

Таким образом, отпущенная хозяйкой и нежно подталкиваемая к выходу рукой Джона, я направилась вслед за служанкой к двери.

Но на пороге, я почему-то оглянулась и увидела то, что заставило меня в ужасе остановиться.

В самом дальнем углу гостиной была маленькая дверь. На нее падала тень от массивного индийского шкафа. Дверь была распахнута и в ней стояла женщина в темном платье и смотрела на меня. Она, казалось, не осознавала того, что я могу ее заметить. Она смотрела на меня, на меня одну. В жизни своей не видала подобного лица. Я бы не назвала его некрасивым, но оно было так искажено выражением невероятного любопытства, в нем читалось такое напряжение, что лицо это показалось мне нечеловеческим. Кто бы она ни была, эта женщина, она стояла там с китайским фонариком в руках, свет от которого падал ей на лицо. Сильное освещение и тени, несомненно, были повинны в том, что она выглядела столь зловеще. Видение это поразило меня до глубины души, и я беспомощно оглянулась на Джона.

- Ступай в комнату матушки, я скоро приду, - сказал он.

И я пошла, точно во сне, с каким-то беспомощным послушанием, при этом мне слышны были слова Бэйнс, говорившей, что моя комната находится подле комнаты миссис Джеймс, что между ними имеется дверь и что Госсет также будет спать в маленькой мансарде неподалеку от моей комнаты. Я ей ничего не ответила, да, по счастью, ничего отвечать и не требовалось. Сколько-то времени я пробыла с Госсет перед камином в комнате ее хозяйки. Мне чудилось, что я нахожусь в каком-то зачарованном мире, в котором главенствует страшное женское лицо. Я бессильно опустила на софу и осмотрелась.

Я сидела в небольшой красивой комнатке с низким окном, в котором было вставлено граненое стекло. С одной стороны окно занавешивали длинные шторы, а с другой - сияло яркое зимнее небо. В комнате было также несколько узких высоких зеркал в белых крашеных рамах. Заглянув в них, я увидела свое испуганное лицо. Нервное напряжение заставило меня вздрогнуть: странное чувство, что я нахожусь в таком месте, где мне ни в коем случае не следовало быть, и делаю то, что ни в коем разе нельзя было делать, подавляло меня. В голове одна за другой проносились тревожные мысли, и страшная тоска охватила меня. Ведь это дом, который мой отец покинул много лет назад, чтобы зарабатывать на кусок хлеба в Лондоне; это дом, который он не посещал много лет и который он запретил посещать и мне. Как я посмела приехать сюда без его позволения? Что я наделала!

Я была совершенно подавлена всеми этими мыслями. И самое ужасное, что я решилась на подобный поступок именно в Рождество, в праздник, когда память о чудесном событии, им символизируемом, должна сделать сердца наши чистыми как сердца детей, и когда созерцание этого примера божественного послушания должно наполнить души наши смирением. Что я наделала!

Не могу и передать, как я была напугана и несчастна. А по стене все время металась тень Госсет, отражаясь в призрачных зеркалах; в граненом же оконном стекле виделась веселая игра пламени в камине, столь разительно несхожая с моим ужасным состоянием, с моим раскаянием и унижением; в огненном отражении плясали желто-красные блики и, казалось, издевались надо мною. Так я сидела, в ужасе и смятении, пока Госсет, молчаливая и торжественная, под стать великолепию Колверли-Корта, выкладывала из дорожных сундуков бархатное платье для миссис Джеймс и веселое шелковое зеленое - для меня.

Но я никак не могла совладать со своим страхом. Мысль об обмане, к которому мне пришлось прибегнуть, чтобы проникнуть сюда, терзала меня; подставное имя стало мне ненавистно; и сознание того, как бы отнесся к содеянному мною горячо любимый отец, делало мое положение совершенно невыносимым. Наконец открылась дверь, и в комнату вошли Джон и миссис Джеймс. Я бросилась в их объятия в тоске и смятении.

- Ну, ладно, ладно, будет, - успокаивала она меня. - Мы все рассказали леди Макуорт.

Госсет, взяв мое платье, тактично удалилась с ним из комнаты.

- Мы объяснили ей, что не могли испросить разрешения у твоего отца. Джон так хорошо подал все это. - Я сквозь слезы посмотрела на него и, конечно же, тут же простила. - Он решил, сказал он, воспользоваться тем, что она отнеслась к его шутке слишком серьезно, и поскольку она сказала, что его невеста также может приехать, то он тотчас сделал тебе соответствующее предложение и привез тебя сюда. А затем он прямо спросил ее, что за странная неприязнь бытует между нею и твоим отцом. Джон сказал, что он имеет право знать это и что ты имеешь право разделить это знание с ним. И как ты думаешь, что она ответила? - Я вопросительно заглянула в глаза миссис Джеймс. - Она привела себе Небо в свидетели и заявила, что не знает! Она и сама, по ее словам, писала твоему отцу с просьбой сообщить наконец, в чем, собственно, дело. Рождество за Рождеством она слала ему письма с просьбой приехать в дом, в котором он так долго жил и где сохранилось столь много и столь многие, кто и сейчас любит его; но он всегда коротко и сухо отказывался. Рождество за Рождеством она писала снова, спрашивая, что же все-таки случилось, что так изменило его, но почти ни разу, кроме последнего письма, он ничем не ответил на ее попытку начать переговоры. Тогда же он написал ей следующее; "Я не смогу приехать в Колверли до тех пор, пока...", после чего он оставил большой пробел, значение которого остается неясным, а потом написал еще несколько слов: "Полагаю, что я неспособен нанести оскорбление женщине. Не могу даже и помыслить себе возможность моего приезда в нынешнее Рождество."

В немом изумлении мы переглянулись. Наконец, Джон заговорил:

- Мэри, сколь много ты знала в детстве о жизни своего отца?

- Вообще ничего, - ответила я, - кроме, может быть, того, что он жил со мной в одном доме и был лучше всех на свете.

- Да, это всем известно, - сказал он, - и никто в этом не сомневается. Но Мэри, когда с вами стала жить миссис Эллерби? - Я ответила. - Твой отец был знаком с ней ранее?

- Он знал ее мужа, - ответила я. - Тот был хирургом; и я так поняла, что он умер в присутствии отца. А почему ты спрашиваешь? - не выдержала я.

- Потому что, как мне кажется, миссис Эллерби что-то знает.

- Да, - согласилась я, - ей известно о приглашениях леди Макуорт. Иногда она упоминает и кухню Джудит. Но тогда она говорит, что любит нас с отцом и что она на нашей стороне, и жалеет, что кухня Джудит вообще родилась на свет.

Джон рассмеялся и сказал, что ему пора идти и привести себя в божеский вид, и оставил нас с тетюшкой Джеймс одних.

Первый раз мы встретились с хозяевами и остальными гостями за чаем; переодевшись, мы снова прошли в кедровую гостиную, прямо за дверями нас поджидал Джон, который с приятным мне тщанием оглядел меня.

- Надеюсь, у тебя все булавки на месте, - сказал он. - Джудит заметит, даже если у тебя всего один волосок выбьется из прически. Она достаточно давно пребывает в раздражительности, но пусть это тебя не пугает, Мэри.

Как много облегчения доставил мне тот факт, что моей кухни не было в комнате, когда мы

вошли! "За тридцать" - это предел человеческой древности, если вам нет еще и двадцати одного; возраст, в котором тебя боятся, критикуют, а иногда даже обижаются на тебя, если ты появилась в розовом туалете или же в белом муслине с живыми цветами в волосах и присоединилась к кружку молодых людей, толкующих о разных приятных мелочах жизни. Когда открылись двери, у меня было немного времени, чтобы оглядеться по сторонам; я не заметила там кухни Джудит и опять почувствовала себя на свободе; сердце мое забилось ровнее.

Я бросила взгляд еще и на дверь в углу. Но она оказалась занавешена тяжелой портьерой, и перед ней стоял длинный стол, заставленный холодными закусками; я была в безопасности.

- А вот и моя мисс Джексон! - воскликнул Джон голосом, полным теперь счастливой гордости, поскольку необходимые объяснения были сделаны.

Леди Макуорт произнесла:

- В том или ином качестве, дитя мое, мы все равно рады видеть вас; но лично я больше всего рада вашему присутствию здесь в вашем собственном качестве.

Потом она поцеловала меня, я взглядела в ее доброе лицо, которое было еще и грустным, и решила, что должна любить ее, несмотря на все эти тайны и ссоры, какими бы они ни были.

III

Открытие тайны

Комната, в которой мы стояли в тот предрождественский вечер, была ярко освещена и, казалось, дышала радушием и гостеприимством; невозможно было не почувствовать себя здесь, как дома. Это ощущение, всегда такое неповторимо радостное, присуще одной только зиме, и в особенности - Рождеству, по сотне еле уловимых примет. У лета нет того очарования, которого исполнена зима. Голубизна летнего неба не сможет примирить вас с палящим солнцем; если же солнце не слишком жаркое, то навстречу ему распахиваются все двери и окна, все выходят насладиться нежной травой лесов и лугов, а иногда - тесной компанией где-нибудь в тенистой беседке. Однако праздный покой, свойственный лету, - своего рода радостное томление, созерцание полноты земного бытия, то сладостное чувство, которое испытываешь летом, понимая, что можешь насладиться этой райской атмосферой где угодно - достичь покоя в тени любой скалы или нежиться, лениво откинувшись на садовой скамейке - вот они ощущения лета, совершенно противоположные восхитительному чувству домашнего уюта, которым гостеприимный и ухоженный дом приветствует вас зимой. Все это особенно остро воспринималось в Колверли-Корте.

Длинный стол, уставленный яствами и напитками, блики в чашках с чаем и кофе, мягкий свет, неясное сияние, исходящее от окружающих предметов, равно как и приятное тепло - все располагало к откровенности; ссоры были попросту немыслимы в уютной кедровой гостиной; а что до тайн, то кто бы смог хранить их в атмосфере сердечного радушия, царившей в доме? Когда леди Макуорт поцеловала меня и сказала: "Как бы я хотела, чтобы ваш отец был здесь...", мне всем сердцем захотелось того же; ибо я чувствовала, что ничто на свете не смягчит его непреклонное сердце, кроме этого дома, уже осенившего нас своей рождественской благодатью.

- А где же Джудит? - спросил Джон. И тогда я начала вспоминать, что нахожусь здесь ради того, чтобы раскрыть необъяснимую тайну, и я вновь принялась гадать, не собственную ли кухню видела я тогда в дверях.

- Джудит сегодня вечером не появится, - сказала леди Макуорт. - Она утомилась. Сегодня она помогала нам раздавать милостыню. Это, знаете ли, наш старый обычай, дорогая, - сказала она, обернувшись ко мне. - Мы занимаемся этим с десяти утра до четырех вечера. Пиво, говядина, а для тех, кто родился или просто долго жил на замковых землях, - еще и деньги. Поскольку завтра сочельник, то у нас будет раздача одежды и постельного белья; и Джудит хотела заняться этим собственноручно. Нынче она добавила к обычным подаркам еще золотую монетку - десять шиллингов каждому малышу, родившемуся с прошлого Рождества. Я очень рада: она долгие годы жила как бы отделившись ото всех, точно во сне.

Говоря это, леди Макуорт помрачнела. Я внимательно посмотрела на нее. В правильных чертах ее лица, в чистоте и гладкости кожи угадывались следы ее девичьей красоты; но ее изрядно портило чрезвычайно строгое выражение лица, а также привычка хмуриться, как это случилось, например, сейчас, когда она заговорила о Джудит. Леди Макуорт была невелика ростом, сложения изящного, одета в черное шелковое платье, свободными складками

ниспадавшее до пола. Ее волосы были совершенно седые, а поверх чепца надета вуалетка, вытканная необычайно искусно. Леди Макуорт была тонка в талии и держалась очень прямо, быть может, даже чересчур прямо. Сказав, что Джудит жила точно во сне, она нахмурила седые брови, и карие глаза ее остановились на мне с выражением какого-то неясного, мучительного вопроса.

Сейчас я не могу взять в толк, как осмелилась тогда ответить на этот взгляд словами:

- А не связано ли как-то состояние рассудка Джудит или ее здоровье с моим отцом, леди Макуорт?

Она ответила вопросом на вопрос:

- А разве Роджер никогда не говорил о ней?

- Никогда, - ответила я. - И то, что он ни слова не говорил ни о ней, ни о вас, всегда задевало меня за живое.

- Вот как... - задумчиво произнесла она. - Молчание порой более красноречиво, нежели длительная беседа. И с этими словами она направилась к столу.

Наступила тишина, затем она продолжила:

- Я не имею ни малейшего представления о том, что думает ваш отец. Мне известно только, как, уверена, известно и всем вам, что одно время Роджер очень сильно любил Джудит.

От изумления я выронила чайную ложку.

- Джудит! - воскликнула миссис Джеймс в крайнем недоумении, а Джон даже перестал резать паштет из дичи на боковом столе и подошел к нам с ножом в одной руке и с вилкой в другой, встав рядом с матерью; при этом лицо его выражало радостное удивление.

- Мы - как заинтригованные дети, - сказал он. - Однако не перебивайте нам аппетит, леди Макуорт, а лучше всего расскажите все подробно после чая.

Леди Макуорт посмотрела на него с улыбкой, какую обычно дарят милым непослушным детям; и мы приступили к трапезе, во время которой Джон развлекал нас веселым рассказом о своих беседах с пожилыми манчестерскими дельцами, которые обращались с ним, словно он был ребенком; время таким образом пролетело весело и незаметно.

Но мне, однако, не терпелось скорее встать из-за стола. Мысли мои были заняты теперь отцом. Как я стану к нему относиться после? Я почти не слушала Джона - меня занимали более серьезные вещи. Отец всегда был моим кумиром. Я прекрасно знала о его детстве и о том, сколь обильна трудами была его зрелость. Куда лучше я была знакома с этими страницами жизни отца, нежели с двухлетним периодом его пребывания в браке; но я, оказывается, даже не подозревала о существовании еще и другой стороны - о новых мирах любви и надежды, открывшихся для него; я и не предполагала, что он, выходит, снова мог вернуться в Колверли-Корт в качестве его хозяина об руку с любящей женой.

За последнее время он сильно похудел и сделался бледен, часто выглядел вымотавшимся и усталым; но я никогда не думала, что на него давит что-нибудь, помимо ежедневной обязанности зарабатывать нам всем на жизнь, обязанности, которую он ни за что бы с себя не сложил. Потом я представила себе его черты и фигуру; я поняла, что несмотря на часто усталую походку и тусклый, отсутствующий взгляд, он был одним из самых красивых мужчин на свете.

Погруженная в свои раздумья, я машинально проследила направление взгляда леди Макуорт.

- Посмотрите, милая, на картину в дальнем конце залы... там, слева, попросила она. - Как вы думаете, кто это?

На картине был изображен юноша лет, быть может, пятнадцати, положивший правую руку на шею высокого грейхаунда. Это, несомненно, был мой отец в то время, когда его дядя женился, а на него самого смотрели как на наследника Колверли. Я встала и подошла к картине поближе. Затем, после удара гонга, пока прислуга убирала со стола, ко мне присоединились и все остальные. Мы стояли и разговаривали о действительно прекрасном портрете. Когда за слугами закрылась дверь, леди Макуорт повернулась к камину, где для нас призывно раскрылись объятия кресел и дивана, и, усаживаясь, проговорила, передавая кочергу тетюшке Джеймс:

- Я была очень рада, когда решила, что, женившись на Джудит, он вернется в свой дом; я очень любила Роджера и радовалась за него.

- Когда же это было? - спросила тетушка Джеймс. - До или после помолвки Джудит с майором Греем?

- О, задолго раньше; но лучше я расскажу вам все по порядку...

Она немного развернулась в нашу с Джоном сторону и продолжала:

- Когда вам, Мэри, было пять или шесть лет, а Джудит - семнадцать, она без памяти влюбилась в вашего отца. Меня это несколько не удивило. Ему исполнилось всего тридцать пять, и он был как раз тем человеком, который мог вызвать восхищение у такой девушки, как Джудит. К тому же, он был очень красив; им все восхищались и отзывались о нем только самым лучшим образом, а это всегда производит особое впечатление на девушек, которые только что стали достаточно взрослыми для того, чтобы посчитать, будто они теперь имеют основания на то, дабы весь мир интересовался ими. Забавно было видеть, сколь снисходительно относилась Джудит к более юным своим поклонникам; но вашего отца она глубоко уважала и любила его мужественный нрав и зрелую красоту. Я так была счастлива. Характер Джудит нуждался в том, чтобы его развивал человек старший ее самой; а уж мне-то было известно о достоинствах вашего отца. Не знаю, право, как проходило ухаживание. Но все шло просто замечательно. Его права на этот дом и его связи не позволяли распространяться толкам. Он говорил со мной. Я знала о чувствах Джудит к нему и была просто счастлива и готовилась к скорой свадьбе. Но тут Роджер что-то задумал. С этого все и началось. Он слишком недооценивал себя и переоценивал те преимущества, которые даст ему брак с Джудит. Он не до конца доверял ей и мне. Он хотел, чтобы она посмотрела на других мужчин... ну, сами знаете... "свет", Лондон... Он поддерживал отношения с ней только на своих условиях. Хотя, конечно, все это делалось, считал он, только ради нее самой, чтобы она никогда не пожалела впоследствии о своем выборе и не заставила и его пожалеть, что он наслушался сладкой лести, которая, как он считал, вечно окружала его в этом доме. Так он тянул вплоть до того момента, как ей исполнился двадцать один год. Мы съездили тогда в Лондон, и он около недели провел с нами осенью в этом замке. Потом, когда он уехал, я поняла, что Джудит ужасно расстроена, поскольку он опять не согласился поверить ей. Но все же, перед тем, как уехать, он поговорил со мной и в его голосе было больше любви, чем я слышала от него когда-либо прежде. Но наступила весна, и мы снова приехали в Лондон. У Джудит было много поклонников. Ваш отец часто бывал у нас, но он также уступал свое место и другим. Он думал, что настал час его торжества и что Джудит, имея возможность выйти за более достойных джентльменов, выберет теперь его. Однако Джудит, устав от бесконечных испытаний, в одно несчастное утро сообщила ему, что приняла предложение майора Грея. Я была в отчаянии. Я решила, что мое сердце разбито; но Роджер повел себя тогда в высшей степени странно. Передо мной он изливал свою тоску чуть ли не ручьями страстных слез, которыми он оплакивал свое поражение; но по отношению к ней, к Джудит, он стал нежным, ласковым, почти по-отечески снисходительным советчиком и другом; и за год, что длилась ее помолвка с майором, он просветил ее относительно всех тонкостей составления брачного контракта, а также помог назначить день бракосочетания и взял на себя заботы по устройству церемонии и торжеств.

- Как это великодушно с его стороны! - в восторге воскликнула я. - Как это бескорыстие похоже на моего отца! Какое благородство!

- Это благородство было доведено им до абсурда, моя милая девочка, оборвала меня леди Макуорт. - О честной любви можно и должно честно и говорить. А вот противопоставлять все богатства и почести мира чистой любви юной девушки и взвешивать, что перетянет, просто недальновидно и может быть названо эгоизмом с тем же успехом, как и благородством. Если бы Джудит не была богата и не владела бы Колверли-Кортом, он, я уверена, не стал бы обращаться с ней столь жестоко. Я посчитала, что Роджер неправ, и так ему и заявила. Но мне нечего было сказать дурного о майоре Грее, так что день свадьбы был назначен. Остальное, мне кажется, вы знаете. Она вернулась домой - дело было в Лондоне - и сказала, что порвала с ним. С той поры она неизменно изменилась. И помимо того, с той же поры никакие мои попытки не могли заставить вашего отца помириться со мной. Но все-таки здесь кроется какая-то тайна. Это не только любовь, которую постигло разочарование. Мне кажется, что он теперь ненавидит Джудит и недолюбливает меня. В его записках с отказами приехать содержатся странные намеки относительно того, что можно было бы сделать. Я в полном недоумении. Я ничего не знаю. Я даже не могу строить догадки о содержании этих намеков, потому что у Джудит тоже есть своя тайна. Только вчера она сказала мне: "Он однажды вернется; но я еще не готова." Тогда я спросила ее: "Так это зависит от тебя?" И она ответила: "Это мой крест, я родилась, чтобы нести его." Вот и сами судите, что мне делать?

Невозможно было не пожалеть леди Макуорт; но мы ничем не могли ей помочь: Джудит было уже тридцать, и, как мы знали по рассказам Джона, чьи наезды в Колверли были регулярны, она не собиралась - да и не могла уже избавиться от своего одиночества; она жила своей собственной жизнью, поглощенная, главным образом, благотворительностью, никогда ни с кем не советовалась и только изредка просила леди Макуорт стать хозяйкой замка, а ее, Джудит, оставить в покое и дать ей жить так, как она хочет.

Все это мало-помалу было в тот вечер сообщено нам ее матерью вперемежку с тысячью милых извинений, так что между нами неожиданно установились самые дружеские отношения; леди Макуорт была тронута нашим вниманием к ее бедам и выразила надежду на то, что наш приезд не пройдет даром, а принесет ей долгожданное облегчение. Так незаметно пролетело время, и пришла пора отходить ко сну.

IV

Голос в ночи

Мы все вместе вышли из комнаты; но только оказались за дверями, как леди Макуорт окликнула миссис Джеймс, и они вместе немного отстали, оставив нас с Джоном одних. Он, прекрасно зная дом, провел меня по боковому коридору в глубокую нишу с большим окном, помогавшим освещать эту часть замка, в которой стоял стол и два дивана по его сторонам, упиравшихся в стену. Лампа под потолком изливала вниз довольно сильный свет, и мы заметили высокую женскую фигуру. Стоя у незанавешенного окна, женщина пристально всматривалась в темноту. Услышав наши шаги, она обернулась.

- Что это вы остановились? - спросила она. - Это ты, Джон, не так ли?

- Да, Джудит, а это - Мэри, - ответил он.

Она сделала пару шагов нам навстречу и остановилась, пытливо оглядывая меня, а я, в свою очередь, рассматривала ее. Одетая она была в поношенное темно-коричневое платье до пят, а в руке держала черную соломенную шляпу.

- Не подходите слишком близко: я промокла насквозь, - сказала она, и тут я заметила, что с длинного пера на шляпе капает на пол вода, а на платье ясно видны мокрые пятна. Не успели мы ответить, как она продолжила:

- Итак, это Мэри? Какое прелестное дитя!

И снова взгляд ее остановился на мне: непонятный, грустный и даже как будто любящий, совершенно непохожий на тот, прежний; я была вполне уверена, что именно эта женщина дико и пугающе смотрела на меня тогда из дверцы в углу гостиной. Но теперь я уже знала ее историю и могла объяснить себе как ее первое удивление и страх, так и нынешнее грустное радушие.

- Оттепель, - продолжала она, глядя уже на Джона. - Послушайте!

И действительно, прислушавшись, мы различили звон капель, падающих с посеребренных инеем и льдом деревьев на камни.

- Ты с улицы? - спросил Джон.

- Да. Несколько часов назад за мной послала мадам Марджери. Она наняла меня, когда я была ребенком, если вы этого не знаете. Я как-то навещала ее, больную, в лондонском госпитале. Помните?

- О, да. Я знаю ее. Ты привезла ее сюда. Я хорошо ее помню, - сказал Джон. - Так она больна?

- Она очень больна. Я обещала навестить ее еще раз. Я только что вернулась, мне надо захватить то, что она просила ей принести. Мне пора итти.

Затем Джудит снова подошла к окну и выглянула на улицу, точно не желая никуда уходить, и я никогда не забуду, каким усталым было в эту минуту ее лицо. Бедная Джудит! Росту она была выше среднего, с сильными, волевыми чертами лица и длиннейшими, густыми, очень темными волосами, которые в ярком свете лампы, висевшей у нее прямо над головой, отливали золотом. Я подумала о том, как бы она была красива, если бы из ее лица ушло что-то - я не могла понять, что именно. Усталым жестом она приложила руку ко лбу, точно ее сознание было так же утомлено, как и тело, а потом снова посмотрела на меня.

Непостижимая отрешенность ее лица совершенно потрясла меня. В глазах ее застыло то выражение тоски и растерянности, какое читается во взоре человека, сбившегося с дороги. Это так меня поразило, что я сказала:

- О, нет, не ходите туда; или пусть Джон пойдет вместе с вами.

Мне почудилось, что эту несчастную женщину, выйди она в ту влажную темноту, где звучало эхо падающих капель, поджидает на улице что-то ужасное.

- Не собираетесь же вы в самом деле идти туда одна? - продолжала я.

Она улыбнулась:

- Это недалеко. Вон там, прямо за теми высокими кедрами. Надо идти по торфу. Но это неважно. Дело не в том, чтобы идти туда. И не в том, что мне одиноко. Важно то, что я не знаю, что мне делать, Мэри! - продолжала она, некогда я так мечтала увидеть вас. Некогда я так вас любила - там... не подходите ко мне, дитя мое, в этом красивом платье, с меня просто течет. Вы вызываете у меня в памяти незабвенные времена, когда мне было не больше лет, чем вам сейчас. Но вы с Джоном верите друг другу. Да, Джон, тебе пришлось сыграть с нами шутку, чтобы показать свою невесту, - и она тихо, мелодично рассмеялась.

- О, только не говорите об этом! - покраснев, вскричала я. - С той минуты, как я здесь, я из-за того ужасно себя чувствовала. Я не знаю, что скажет отец, но Джон говорит, что все уладит.

Тут я осеклась и подумала, что очень неуклюже было с моей стороны упомянуть перед Джудит об отце, но она, казалось, не придавала тому никакого значения.

- Ваш отец очень строг? - спросила она.

- Он очень честен и щепетилен, и не потерпит, чтобы я пользовалась чужим именем даже просто шутки ради.

- И все-таки Джон привез вас в Колверли, находчиво воспользовавшись ошибкой моей матери. Так или иначе, вы можете рассказать теперь своему отцу, что я была очень рада вас видеть, - и потом снова тоскливо добавила, - но мне надо идти.

- Вот что, Мэри, - бодро сказал Джон. - Много времени это у тебя не займет. Сейчас всего одиннадцать. Ступай переоденься в свое дорожное платье. Мы ведь много всего взяли из непромокаемой ткани. Смотри, какая яркая сегодня луна. Мы пойдем к госпоже Марджерии все втроем, если уж Джудит непременно нужно туда пойти.

- Да, я должна пойти туда, - прошептала она, глядя на меня и точно пытаюсь определить, что я буду делать. Я же, разумеется, решила повиноваться Джону.

- Я вернусь через пять минут, - воскликнула я и побежала в свою комнату.

Думаю, у меня и в самом деле ушло не более десяти минут на то, чтобы переодеться в свое черное дорожное платье и застегнуть плащ-дождевик. Я надела свои самые крепкие туфли, на лицо - самую густую вуаль, на плащ воротник-капюшон. И вот снаряженная таким образом для прогулок при луне в рождественскую ночь я вышла из своей комнаты и застала Джона в ожидании меня подле столика, на котором стоял подсвечник с зажженными свечами и лампа.

- Пойдем здесь, - сказал он.

Я прошла вслед за ним по винтовой лестнице в холл, где вдоль стен стояли латы и висели большие щиты с гербами и где огромные рога древних оленей выступали на всю длину из темноты, а прямо над дверями, точно привидения, парили выцветшие полотнища древних, полуистлевших знамен. В любую другую минуту я остановилась бы посмотреть и обменяться впечатлениями с Джоном, но теперь рука его неудержимо влекла меня вперед, и вскоре мы уже стояли на широкой гравийной дорожке рядом с кухней Джудит. Она, не проронив ни слова, быстро пошла сквозь густые заросли деревьев, и с тающих на ветках сосулек, всего несколько часов назад придававших лесу такой неповторимо сказочный вид, нам на головы падали капли воды.

Выйдя из тени леса, мы оказались на небольшом торфяном лугу, ярко освещенном взошедшей луной, в свете которой наши фигуры отбрасывали перед нами длинные похожие на ленты тени. Джудит до сих пор не произнесла ни слова. Но потом, после пятнадцати минут быстрой ходьбы, она взглянула на меня:

- Мадам Марджери живет вон в том первом коттедже. Вход в него сбоку. Сзади проходит дорога, ведущая через парк в город, по ней вы приехали на экипаже. Мэри, мадам Марджери очень больна и думает, что умирает, иначе мне не пришлось бы сюда возвращаться сегодня. Вам не страшно?

Я сказала, что нет.

- А теперь, Джон, - продолжала она, - встаньте вдвоем поблизости от двери так, чтобы вас не было видно. Мадам Марджери лежит на кровати под пологом. Женщина, с которой она здесь живет и которая, может быть, сейчас сидит с нею, глухая. Я в ужасе от того, что вы сейчас можете услышать. Да, то, что мучило меня долгие годы, о чем я не решалась сказать вслух, возможно, она скажет сейчас, и вы услышите это. И тогда, Джон, помогите мне, и да будет Небо с тобой в эту святую рождественскую пору!

Она не стала ждать ответа и, резко распахнув дверь, вошла в дом. Комната была перегорожена тяжелой темной занавесью. Когда она отодвинула ее в сторону, я увидела, что прямо у окна стоит низкая кровать, ярко освещенная горящим камином, и на кровати лицом к нам лежит очень пожилая женщина. Глаза ее были закрыты, и я, было, подумала, что она мертва. Я уже готова была броситься к женщине, дремавшей у камина, но тут мадам Марджери открыла глаза и посмотрела на Джудит. Она хотела что-то сказать, видимо, поблагодарить ее за то, что она снова пришла, но слов ее нам не было слышно. Глухая женщина поднялась и почтительно встала рядом с нею. Джудит тихим, но решительным голосом произнесла:

- А теперь, когда вы лежите на своем смертном одре, еще раз скажите мне то, что вы уже не единожды говорили мне прежде. Бог вам судья, но расскажите мне все, как на духу.

- Я могу сказать лишь то же самое, - ответила Марджери. - Все в руках Божьих, и вы, Джудит, - не дитя леди Макуорт. Я собственными глазами видела ее ребенка мертвым, а кто вы, я не знаю.

Тогда Джон вышел вперед и громко произнес:

- Вы знаете меня, Марджери. Я пришел сюда услышать то, что вы только что сказали. Я записал это как ваши предсмертные слова: Джудит - не ребенок леди Макуорт - тот единственный ребенок, рожденный ею в Лондоне.

- Да, тот ребенок умер, - твердо ответствовала умирающая. - Мне было заплачено пятьдесят фунтов, чтобы я могла достойно похоронить его.

Потом она глубоко вздохнула и начала читать молитву, слова которой растаяли в воздухе за секунду перед тем, как она скончалась. Теперь глухая была подле самой кровати. Она отнеслась к происшедшему очень спокойно, сказав, что старая Марджери итак протянула дольше, чем она сама ожидала, поскольку не рассчитывала дожить до Рождества.

- Я пошлю за миссис Дженкинс, - сказала Джудит, вытирая слезы. И мы вышли из коттеджа.

Джон поднял меня с колен - потому что я не могла заставить себя смотреть на последние минуты старой женщины стоя - и сказал:

- Остайся с Джудит. Я отправляюсь прямо к твоему отцу.

Слова его потрясли меня - отправляется прямо к моему отцу! - я вздрогнула, словно не он произнес их, а тот голос в ночи. Не в силах вымолвить и слова, я посмотрела ему в глаза.

Джудит вернулась с миссис Дженкинс, которая вошла в коттедж, оставив нас стоять в лунном свете, освещавшем сейчас все чуть ли не с яркостью солнечного.

- Я могу дойти до станции пешком и успею на лондонский поезд, который отправляется через час. Джудит, я еду прямо к нашему кузену Роджеру; он просто должен обо всем этом узнать немедленно, - сказал Джон.

- И скажи ему, - попросила Джудит, - что впервые я услышала это от мадам Марджери, которой носила в госпиталь цветы и фрукты - о чем он знает, в тот самый день, когда разорвала помолвку с майором Греем. Это и было настоящей причиной разрыва. Но и тогда она сказала мне не больше, чем сегодня. Хирург, которого я так и не нашла, по ее словам, знал больше. И я ничего тогда не сказала Роджеру, потому что было так трудно поверить, что это правда. Трудно в самом деле поверить в дурное, если это касается той, кого столько лет любила, как родную мать.

- Ах, - продолжала она, - ведь именно утрата ее и мысль о том, что она была способна совершить такое, разрывает мне сердце! А эта свадьба, с помощью которой она хотела исправить совершенное злодеяние? - она же провалилась! Скажи Роджеру, что не утрата столь милого дома так угнетает меня, а потеря матери, и более чем потеря: знание о преступлении, совершенном ею - вот что всегда приводило меня в отчаяние. Без сегодняшнего признания на смертном одре, я бы никогда не смогла полностью поверить старой Марджери. Скажи Роджеру, что теперь я ей верю. Но только не мне обвинять в чем-либо леди Макуорт. Я так ее люблю... - О, я теперь не просто безродная сирота, все намного хуже!

Она пошла к дому, а Джон, крепко сжав мне руку и оделив меня тысячью нежных обещаний, читавшихся в его взоре, перепрыгнул через невысокую ограду, отделявшую садик от дороги, и исчез. Я быстро подошла к Джудит и пошла вместе с ней. До самого дома мы молчали. Двое слуг стояли в дверях, и, проходя мимо, Джудит сказала им:

- Мистер Макуорт уехал в Лондон. Он пошел на станцию пешком. Спокойной ночи!

Мы вместе поднялись наверх, и она остановилась у дверей, ведущих в мою комнату; я почувствовала, что не могу просто так оставить ее одну в такую минуту.

- Позвольте мне пойти с вами, - сказала я. - Я только загляну к тетушке Джеймс.

Джудит улыбнулась и, поставив свечу на столик рядом с собой, приготовилась ждать. Я нашла тетушку бодрой и как всегда веселой у камина в ее комнате.

- А, вот и ты, беглянка! - воскликнула она. - Где же ты была?

- Я здесь, только что вернулась! - ответила я.

- Тогда ложись и быстро засыпай, - сказала она.

Я поцеловала ее и быстро вернулась к Джудит. Ее комната была неподалеку. Там ждала Бэйнс, но мы отослали ее спать.

Комната Джудит больше походила на гостиную, нежели на спальню. В ней было много книг и картин, в углу стояла невысокая кровать, а вся мебель была обтянута розовым бархатом и украшена золотистыми шнурами. Напротив камина стояли глубокое кресло и мягкий диван. Словом, комната выглядела как типичное обиталище старой девы-хозяйки замка, в котором она безвыездно проводит в раздумьях большую часть жизни. Но раздумья Джудит были самого незавидного свойства, и мое сочувствие ей было связано с сожалением о ее прошлом, удивлением настоящим и непонятным опасением за будущее. Мы сидели в грустной задумчивости у огня и не обменялись за все это время ни единым словом. Часы тикали, отсчитывая минуты и сообщая о количестве прошедших чередой часов. Джудит держала меня за руку, порой поглаживая ее и глядя мне в лицо странно-задумчивыми глазами, точно хотела из моего взгляда узнать, что я думаю и не изменились ли наши отношения из-за того, что я теперь узнала. Я улыбалась ей, пока она не начинала отвечать мне улыбкой, но мы почти не разговаривали вплоть до той минуты, когда часы пробили четыре склянки; тогда она сказала:

- Джон уже встретился с вашим отцом. Думаю, он отправился туда прямо с вокзала. Я уверена, он не стал ждать и поднял его с постели.

- Конечно, он не станет ждать, - подтвердила я.

- Тогда я могу теперь передохнуть. Я совсем выбилась из сил, - добавила она.

Тут я наконец встала и вышла из комнаты. На цыпочках я прошла в свою комнату и легла спать. Наутро - это был сочельник - я снова пришла к ней. Она крепко спала. Подле нее стояла леди Макуорт.

- Джудит говорила со мной, - сказала леди Макуорт, вертя в руках маленький пузырек с надписью "настойка опия". - Она сказала мне, что вынуждена была принять вот это. Ей в последнее время часто приходилось это делать.

Наверное, я выглядела испуганной, потому что леди Макуорт тут же прибавила:

- По совету врача, моя дорогая.

Потом она продолжила:

- Джудит хотела, чтобы вы сегодня вместо нее раздавали благотворительные подарки. Не

отказывайтесь, дитя мое. Вы, как невеста Джона, будете сегодня всем здесь распоряжаться...

Я перебила ее:

- Нет, леди Макуорт.

- Ну что же, ну... как знаете, - растерянно проговорила она. - Я уже просто не знаю, что делать.

- О, нет, нет, леди Макуорт, ради Джудит я готова на все, - решительно сказала я, - только побудьте со мной рядом и покажите, что надо делать.

Она поцеловала меня и вывела из комнаты. Джудит так и не проснулась.

В этот день я поступала так, как мне велели, и все вокруг расспрашивали меня об отце и наговорили о нем много хорошего и благословляли его имя.

Как раз когда я уже собиралась идти спать, то есть около одиннадцати, ко мне пришла Джудит. Она была одета так, точно собиралась уходить куда-то.

- Пойдемте со мной, - сказала она. - Посмотрим на свечи в церкви. Я попробую молиться. Очень люблю встречать рождественское утро в церкви.

V

Тайна раскрыта - тайна сохранена!

Рождественское утро! За час, пока нас не было, дом буквально преобразился, вступая в свой новый день. Наверное, слуги уже все приготовили к торжествам и потратили много сил на то, чтобы расставить все по местам, В этот год рождественские подарки природы в Колверли были особенно обильны. Оттепель пришла вовремя. Иней сверкал всеми цветами радуги на ветвистых оленьих рогах и старинных шлемах, развешанных по стенам в холле. Джудит улыбнулась и указала мне на них, когда мы проходили мимо. Ее комната, куда мы пришли, вся сверкала, словно покой во дворце Снежной Королевы. Я не могла скрыть своего изумления и восторга.

- Ах, - сказала она, - они сделали это нарочно ради меня. С каждым годом Рождество все богаче и красивее, чем в предыдущий раз. Все просто из кожи вон лезут, чтобы доставить мне радость. Но я могла бы стать счастлива в один миг, если бы она - вы знаете, кого я имею в виду - если бы она призналась в своем грехе, покаялась и помогла бы мне изгнать зло из этого дома. Все эти годы, вплоть до вчерашнего дня, я все надеялась, что это неправда. Но бедная женщина не стала бы лгать перед смертью. И что теперь предпримет ваш отец, Мэри? Ведь все здесь принадлежит ему, и он вправе передать это вам. Я так мечтала вас увидеть. И я могла бы полюбить вас, как мать, но это уж позади, и ответственность за все лежит на леди Макуорт: она знала, и ни разу не предалась печали. Она перенесла все утраты гораздо лучше, чем я. Мне страшно даже подумать, какой она человек на самом деле. И я все равно люблю ее! Когда меня не станет, постарайтесь заменить ей меня, ведь все эти годы она так меня любила. Когда меня не станет...

- Замолчите, Джудит! - вскричала я. - Не смейте так говорить! Если вы так долго управляли здесь, то теперь вам нелишне поучиться бы и повиноваться. - Я говорила, неожиданно преисполнившись силой, поскольку что-то непонятно путающее было в сонном, тихом голосе, которым она изливала мне тайны исстрадавшегося сердца.

- Не считаете же вы в самом деле, - продолжала я, - будто то, что старуха настаивает на правдивости какой-то дурацкой выдумки, сразу же превращает ее в истину в последней инстанции? Мы все знаем, здесь кроется какая-то тайна, какой-то секрет, и мы сообща займемся его выяснением, И лучшее, что вы можете сделать, и, безусловно, самое подходящее для вас попридержать язык.

Она посмотрела на меня с изумлением. Еще раз оглядев комнату, поняв ее роскошь и стремление хозяйки потакать своим капризам, я посчитала, что сейчас лучше всего применить самое сильнодействующее из "моральных лекарств", которыми я располагала. Я повторяла ей одно и то же, снова и снова, но по-разному. Я оспаривала ее доводы с разных точек зрения, коротко и непреклонно. Я говорила ей, что она не должна рассуждать о том времени, "когда ее не станет", не должна обвинять леди Макуорт в каком бы то ни было преступлении. Что допустить такую глупую мысль в свое сердце и разрушить свой покой, сделав себя несчастной на долгие годы, было просто недостойной слабостью с ее стороны. Что

теперь, когда все проблемы в тех руках, в коих они всегда, собственно, и должны находиться, - в руках мужчин, ей нужно лишь сидеть да помалкивать и ждать, твердо уповая на свое решение поступить по справедливости.

Просто удивительно, как быстро Джудит вернулась к жизни под действием "лечения", которому я ее подвергла. Бэйнс, спавшая в гардеробной, пришла спросить, не собирается ли Джудит ложиться, и Джудит ей ответила:

- О, я сейчас получила необыкновенный рождественский подарок, и уверена, он принесет мне пользу.

Я пожелала ей спокойной ночи и вышла. Но мне самой никто не преподнес драгоценного подарка - спокойного сна. Я лежала не смыкая глаз, а потом, хотя была одета и читала при свече, вскрикнула, когда служанка вошла зажечь камин и вложила мне в руку записку, сказав при этом:

- Джентльмен сейчас внизу, мэм.

Записка была от моего отца.

"Никому не говори ничего; устрой так, чтобы я встретился с Джудит и тобой, как свидетелем, до девяти часов в библиотеке, где я буду вас ждать."

Я быстро оделась и пошла за Джудит. Она, высунувшись из окна, смотрела на въезд в замок, за которым сквозь деревья виднелась колокольня церкви. С головы до ног она была одета в коричневый бархат и, обернувшись, показалась мне чрезвычайно привлекательной, особенно когда ее профиль появился на фоне голубого чистого неба, а водопад густых волос заблестал на солнце золотом.

- Не могли бы вы показать мне свою библиотеку? - обратилась я к ней с неожиданным предложением.

Она улыбнулась:

- Прошлой ночью я раскрыла вам свое сердце, и вы выбрали меня. Что же вы сделаете со мной после просмотра библиотеки?

Она выглядела удивительно свежей, поскольку утренний мороз покрыл ей щеки румянцем, и я посчитала, что она еще никогда не выглядела такой красивой. Она продолжала:

- Я хотела бы опять предложить вам сходить со мною в церковь. Как красиво звонили колокола! А на дворе снова мороз. Принесет ли это Рождество мир моей душе?.. Я почти уверена, что да.

- Давайте все же лучше сходим в библиотеку, - отвечала я.

Джудит провела меня в кедровую гостиную, где мы были прошлой ночью. Теперь ее украшали длинные разноцветные гирлянды, живые цветы из оранжереи. Затем мы проследовали через дверь, в которой я впервые увидела ее; миновали узкую прихожую с тяжелыми, чтобы не выпускать тепло, занавесями по углам и попали наконец в длинный зал, одна из стен которого была сплошь завешена картинами и где от каждого окна до противоположной стены тянулись массивные двусторчатые шкафы.

Мы направились прямо к камину, но едва подошли к нему, как из-за ряда шкафов навстречу нам вышел мой отец.

Джудит вздрогнула. Отец взял ее за руку и, не отпуская, наклонился и поцеловал меня в лоб, поскольку я тут же подбежала к нему.

- Я никак не ожидал, что Джон может приехать ко мне в четыре часа утра, - сказал он. - Он передал мне ваше послание, и я тут же явился со своим рождественским подарком: леди Макуорт абсолютно ничего не знает о совершенной подмене.

- Слава Богу! - только и могла вымолвить Джудит.

- Я все сейчас объясню, - сказал отец. - Есть один человек, который дороже мне, чем даже вам, это - леди Макуорт. И только с моей женой я буду говорить о нем, только с нею.

- Но ведь ты же не собираешься жениться прямо сейчас, Роджер... начала, было, Джудит, но

отец обернулся ко мне:

- Надевай свою шляпку, Мэри, и следуй за нами в церковь. Джон уже там. Ну, а теперь скажи мне наконец "Да", Джудит.

- Да, - просто сказала она.

Отец, положив руку мне на плечо, на мгновение задержал меня.

- Только так, - сказал он при этом, - мы сможем избежать трудностей, с которыми будут связаны в нашем случае брачный контракт и церемония. Только так мы сможем сохранить тот подлог - а мы обязаны сделать это - в тайне. Леди Макуорт ничего не должна знать.

Я начала смутно понимать, что имеет в виду отец. Он вооружился специальной лицензией на скорейшее заключение брака. Джон ждал в церкви. Сохранить в тайне - чтобы леди Макуорт ничего не знала - чтобы избежать всех трудностей, связанных с соблюдением формальностей, поскольку только это - и ничего больше - требовалось в случае тайной немедленной свадьбы настоящего владельца всей собственности и той, кому она принадлежала не по праву.

Я все поняла, все прочувствовала, не потребовав даже никакого объяснения. И поторопилась прочь, а, вернувшись, нашла отца и Джудит на дорожке, ведущей к церкви. Через пару минут мы уже были там, а колокола все не переставали звонить. Мы стояли перед алтарем, вознося хвалу Святому Рождеству, а потом мы с Джоном засвидетельствовали совершение брака, благодаря которому тайна должна была сохраниться перед всем остальным миром.

Когда мы снова очутились в библиотеке, отец заговорил и сказал, насколько я помню, следующее:

- Это мой дед тогда, чтобы спасти жизнь леди Макуорт, распорядился подменить мертвого ребенка живым. Вам всем хорошо известны печальные обстоятельства, при которых происходили роды. Дед сделал это с помощью хирурга, который, находясь при смерти, послал за мной и все мне рассказал. Мой дед сказал ему тогда, что он в тот же день собирался переписать завещание и оставить все имущество мне. Но по пути в адвокатскую контору он, как вы знаете, погиб. Мистер Эллерби - ибо хирург был мужем женщины, которая все эти годы служит у меня экономкой - боялся для себя неблагоприятных последствий в случае, если он предаст происшедшее огласке, хотя он все тогда сделал в соответствии с настоятельным желанием моего деда, который видел, в какое глубокое горе ввергло леди Макуорт сообщение о гибели мужа, и понимал, что второго потрясения - теперь в связи со смертью ребенка - она не перенесет. Эллерби умер незадолго до того, как ты расторгла помолвку с майором Греем. Мы с тобой узнали тайну почти одновременно: Эллерби знал, что мадам Марджери все тебе рассказала; узнал, таким образом, об этом и я. Доверься ты мне тогда, все трудности тут же исчезли бы - ведь ты сама захотела бы этого. Но сам я не мог ничего предпринять. Леди Макуорт часто приглашала меня на Рождество в замок, но ни за что и никогда не смог бы я причинить тебе неприятность, Джудит, тем более - в рождественский день.

- Расскажи до конца, - попросила Джудит. - Кто я?

- Ты моя жена, - ответил он, - и ни одна душа не знает большего.

Колокола снова зазвонили. Новость разнеслась почти мгновенно. "Мисс Макуорт вышла замуж!" Отец отвел свою жену к леди Макуорт, которая, не успев оправиться от потрясения, ожидала нас в большом холле.

То, как Джон ездил в Лондон; то, как мой отец, - говоря словами молвы, - "высоко взлетевший среди законников, выхлопотал себе специальную лицензию всего за одну минуту"; как мисс Макуорт наконец вышла замуж, причем, по любви - все это стало просто рождественской сказкой у всех на устах. Нам же было безразлично, сколько всякого рода толков ходило вокруг нас, и даже то, что говорили, не интересовало нас. Главное - тайна была сохранена.

Леди Макуорт благословила свою дочь и назвала моего отца своим сыном; а вечером он увез жену в Лондон, оставив нас пировать, наслаждаться фейерверком и вообще радоваться жизни так бурно, как еще ни разу не бывало в старом замке Колверли на Рождество.

Миссис Эллерби, которую давно мучала меланхолия, поскольку не в ее силах было все уладить в вопросе зла или блага, которое принесли моему отцу деяния ее мужа, оказалась полностью удовлетворена этим браком. Она тоже сохранила тайну. Когда отец и Джудит вскоре вернулись в Колверли-Корт, чтобы встретить там Новый год в окружении родных и близких, он строго посмотрел на меня и спросил, где же, в конце концов, обретается мисс Джексон?

Весь местный "свет", так сильно потрясенный этим Рождеством и не оправившийся от него до самого Нового года, тут же всех простил, узнав, что Джудит собиралась выйти замуж за моего отца вот уже более десяти лет. Сразу исчезли проблемы, и дела были улажены. Отец сделался местным героем. Мы, помещенные в круг его притяжения, получили звание "миротворцев"; а когда стало известно, что я собираюсь замуж за Джона, представителя того старого дома, во главе которого стоял теперь мой отец, удовлетворение "публики" достигло критических высот.

И поныне, в длинной череде рождественских торжеств, которые прошли с той поры, тогдашнее Рождество в Кол-верли-Корте, *par excellence*, зовется "счастливым". Так что, за исключением неприятностей, с ним связанных, имея в виду лишь его подарки бедным и богатым, подарки от добрых рук и доброго сердца - позвольте, леди и джентльмены, пожелать того же и вам.

1895 г.